

ПИОНЕР

Август

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1938 г.

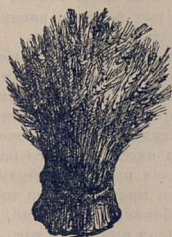
8

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 8

Август 1938 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

На озере Хасан

— Я хорошо знаю эту землю с озером Хасан, вытянувшимся километра на полтора вдоль подножья гор, с высотами, покрытыми мелким дубняком: Безымянной, Заозерье, Тигровой, Малой Тигровой, Сахарной Головкой,— со всеми ее падами и плодородными полями. Это чудесный край, богатый и привольный. Здесь обильно растет рис, здесь много дичи и рыбы, утки покрывают озеро сплошной пеленой. Наш район славен богатými залежами бурого угля, замечательным Посьетским заливом с его многочисленными бухтами—одной из лучших естественных гаваней мира...

Так рассказывает младший комвзвода орденосеца тов. Мочалов о самом юговосточном уголке советской земли.

Издавна этот район принадлежал России. Но вот 20 июля к тов. Литвинову явился японский посол Сигемитсу и потребовал, чтобы советские войска отошли с высоты, находящейся к западу от озера Хасан. Тов. Литвинов указал послу, что по карте, подписанной представителями России и Китая, видно, что высота эта находится на советской территории.

Через 9 дней, в 16 часов 29 июля, два японо-манчжурских отряда перешли советскую границу и попытались захватить высоту Безымянную. Наши пограничники вышвырнули непрошенных гостей с советской земли. Тогда японцы собрали целую дивизию и ночью 31 июля, открыв артиллерийский огонь, внезапно атаковали войска пограничной охраны. Оставив на поле битвы 500 убитых и много военного снаряжения, японцы вынуждены были опять откатиться к границе.

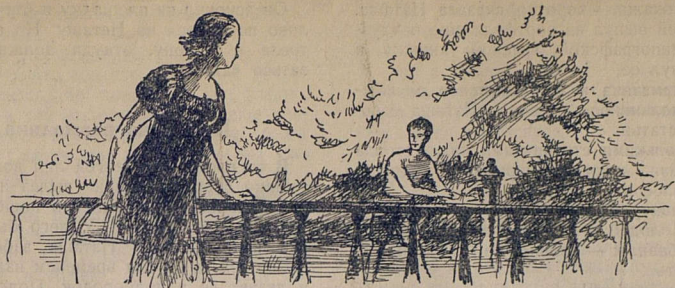
На рассвете 2 августа японцы опять повели наступление на высоту Заозерную и опять отступили, понеся большие потери.

Весть о том, что японские войска вторглись на нашу землю, всколыхнула весь советский народ. Все граждане Советской страны в один голос требовали, чтобы правительство сурово наказало японских вояк, чтобы впредь отбить у них охоту соваться на советскую землю. Из всех уголков страны неслись слова приветов бойцам Дальневосточного фронта. «По первому зову партии и правительства мы станем рядом с вами плечом к плечу»,— писали рабочие, колхозники, ученые и студенты.

4 августа японский посол пришел к тов. Литвинову и предложил ему мирным путем разрешить «инцидент», а назавтра опять японские войска открыли огонь по советской территории. И опять наши части заставили замолчать японские пушки и прогнали японских солдат с советской земли. Тогда японский посол еще раз пришел к тов. Литвинову и предложил ему прекратить военные действия. Тов. Литвинов ответил, что это зависит только от японской стороны, ведь они первые начали нападение и стали обстреливать нашу землю из тяжелых орудий. Пусть они прекратят военные действия, отведут свои войска с советской территории, и тогда советские войска также немедленно прекратят всякие военные действия. Однако 9 августа японские войска опять несколько раз атаковали высоту Заозерную и опять были отброшены с большими для них потерями. После этого опять пришел к тов. Литвинову японский посол, и они договорились о прекращении военных действий на основе тех мирных предложений, которые и раньше выдвигал тов. Литвинов. 13 августа, в 11 часов 30 минут, боевые действия в районе озера Хасан были прекращены.

Совсем недавно товарищ Сталин предупреждал нас о том, что «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...» Мы знаем, что фашисты день и ночь готовят войну против Советского Союза. Война может разразиться в любую минуту. И все советские граждане, от пограничника до пионера, должны быть всегда готовы к обороне родной страны.

А м ф о р а

Рассказ И. Василенко

Рисунки Ю. Кискачи

Размовка

Утро было превосходное: ласковое, солнечное, тихое. Цепочки белых в перламутровом сиянии тучек лишь оттеняли голубизну неба, а изредка набегавшие струи прохладного воздуха делали окружающую теплоту еще чувствительнее.

Из маленького флигелька, стоявшего в глубине двора, вышел Сергей. В трусах и майке он прошлепал босыми ногами по мощеному булыжником двору в сад и остановился удивленный: еще вчера огромное абрикосовое дерево было сплошь покрыто темными и круглыми, как бородавки, почками, сейчас оно стояло в пышном наряде, словно на его ветки в великом множестве сели отдохнуть белоснежные бабочки.

Сергей уцепился пальцами за ветку груши и несколько раз подтянулся на мускулах.

«Жить на свете — одно удовольствие, — подумал он и удивился: — Есть же на свете дураки, которым грустно!»

У водопроводной колонки, стоявшей посреди двора, он снял майку и полуоткрыл кран.

«Чорт! До чего же холодная!»

Намочив руки, он пошлепал ладонями по груди и спине.

— Это что же за порядки такие — под краном купаться? Кто тебе позволил?

С ведром в руке с террасы дома, выходящего фасадом на улицу, сбежала Наташа и остановилась перед лужей, боясь намочить тапочки.

— Давай, — сказал Сергей.

Он взял ведро и поднес его к крану:

— Полное?

— Половину, половину! Довольно!

— Получай, — сказал Сергей, — пей на здоровье.

И не успел Сергей сообразить, зачем Наташа подняла вверх ведро, как на голову ему хлынул хрустальный поток. От неожиданности и обжигающего холода у него перехватило дыхание. Ведро с грохотом покатилося по камням, а Наташа пустилась наутек.

Спустя полчаса оба они шли по улице к трамвайной остановке. Там обычно Сергей садился на «четверку», а Наташа «двойкой» ехала на завод в свою лабораторию.

— Превосходное утро, — говорил Сергей. — И все одно к одному. Вчера вечером принесли мне с почты книжку «Математика в школе». Стал я ее перелистывать и вдруг вижу: моя статья. Я никак не ожидал, что ее напечатают. И вдруг напечатали. Подумай, в Москве!.. А книжку читает вся страна, т. е. не вся страна — я ее так выразился, — а во всей стране!.. И в Ленинграде, и во Владивостоке, и в Мурманске...

— Покажи,— коротко сказала Наташа. Сергей вынул из портфеля еще пахнущую типографской краской книжку и развернул ее.

«Математика и ассоциативное мышление школьников»,— прочла Наташа заголовки статьи.

Несколькими страничками ниже стояла набранная жирным шрифтом подпись: «С. Колосов».

Наташа улыбнулась.

— Молодец,— сказала она и сейчас же добавила:— Только не вздумай вообразать...

— Ну, что ты!

— Нет, Сергей, у тебя это есть, ты любишь поважничать.

— Я?! Поважничать?!

— Ну, конечно. А теперь и совсем нос вверх поднимешь. Как же? Такой молодой и такой способный— в московском журнале печатаюсь!

Сергей обиделся:

— Неужели ты серьезно думаешь, что я способен на это?

Наташа усмехнулась, но, увидев, как посуровело лицо Сергея, примирительно сказала:

— Ладно, не сердись.

И добавила, желая сделать ему приятно:

— Тебе, вероятно, даже заплатят за эту статью.

— Я об этом не думал, и меня это совсем не интересует,— сухо сказал Сергей.

Помолчав, он добавил:

— Странно, что ты именно на эту сторону обратила внимание. Неужели ты такая любопытная?

Теперь рассердилась Наташа:

— А ты не знал?— сказала она, сдвигнув брови.

— Нет, не знал.

— Напрасно. Деньги на земле не валяются.

— Ты это серьезно?

— Вполне,— сказала Наташа, все так же не раздвигая бровей.

— Что ж, буду знать.

Оба замолчали. Молча и до остановки дошли.

— Так,— коротко сказал Сергей, когда подошла «четверка».

Он вскочил на площадку и оттуда пылливо посмотрел на Наташу. Но она смотрела в сторону, откуда должна показаться «двойка».

Еще одна размовка

В то время как Сергей лил воду в Наташино ведро, «Керзон» вылез из будки и, виляя хвостом, медленно пошел к водоразборной колонке. У него была тайная надежда, что Наташа заболтается с Сергеем, а он тем временем изловчится и лизнет ее в подбородок. Подойдя, он уже хотел подняться на задние лапы, но в это время вода, вылитая на голову Сергея, хлынула и ему на морду и спину. Взвизгнув, он бросился с поджатым хвостом в сад и там до тех пор катался и встряхивался, пока на террасе не показались Наташин братишка, девятилетний Кирюшка. Тогда «Керзон» решил вознаградить себя за только что пережитую неудачу. Подбежав к Кирюшке, он сразу же поднял лапы на плечи и лизнул его в самый нос.

— У, мокрый!..— сказал Кирюшка, отстраняясь.— Кто это тебя?

«Керзон» хотел ответить, но только взвизгнул и жалобно посмотрел в сторону колонки.

Из флигеля вышел сергеев брат, Валька, кирюшкин одноклассник. Он сонно посмотрел на Кирюшку, зевнул и спросил:

— Ну, как жизнь молодая?

— Полегонечку,— ответил Кирюшка, и оба засмеялись.

Так обычно начинали свой разговор валькин отец, Петр Никитич, и кирюшкин дед.

«Керзон» вильнул хвостом и в поисках сочувствия и ласки пошел к Вальке. Прежде чем подняться на задние лапы, он так встряхнулся, что Вальку, как из пульверизатора, обдало распыленной влагой.

— А, чтоб тебе!..— крикнул мальчик.— Кирюшка, ну зачем ты намочил «Керзона»?

— Это не я. Он был уже намоченный.

— Дураки какие-то: собаку мочат на суше. Собаку надо в море мочить. Кирюшка, пойдем из школы купаться? И «Керзона» захватим...

— Холодно еще.

— Ну, «холодно!» Я вчера видел: один дядька купался уже. Как прыгнет с бар-

жи да как поплывет, как поплывет!..
Батерфляем...

— Так то, может, матрос?

— Ну и что же, что матрос? А матросу, думаешь, не холодно? Ну, ладно, пойдем в тот выходной, тогда еще теплей будет. Вот, Кирюшка, если б мы жили в Сухуми или в Ялте, мы бы уже давно плавали. А тут что...

— Или если б нас послали в Артек...

Мы бы там показали ребятам, как надо плавать. Там, брат, плавать легче, потому вода соленая, а у нас что? У нас пресная.

— Да, в Артек... В Артек, брат, так не пошлют: заслужить надо.

— Как заслужить?

— Ну как, не знаешь, что ли? Во-первых, надо, чтоб у тебя по всем «отлично» было...

— У меня и так по всем «отлично». Вот только по арифметике «плохо», а то по всем «отлично» и «хорошо». Например по пению...

— Во-вторых, надо рельсу лопнутую найти.

— Вот это — да! Это трудно. Федька Марченко живет на полустанке. Он каждый день по рельсам ходит, а еще ни одной лопнутой не нашел. А чего-нибудь вместо рельсы нельзя?

Подумав, Валька сказал:

— Вот еще ребенка можно вытащить из пожара. За это пошлют обязательно.

Кирюшка сперва было согласился, но потом отверг:

— Нет, не подходит.

— Ну, тогда можно паровоз изобрести, чтоб сжатым воздухом двигался. Я уже давно собираюсь изобрести, да только некогда.

— Нет, Валька, ты не сможешь изобрести: у тебя голова тупая.

— Как это «тупая»? А у тебя какая: острая, что ли?

— Ну да, острая. Я вот все ребусы из «Пионерки» порешал, а ты не умеешь.

— Ну и что же, что ребусы? Зато я твой репродуктор исправил, а ты не умеешь. У тебя вот по арифметике «плохо», а разве без арифметики изобретешь?

Упоминание об арифметике Кирюшку обидело:

— И не надо. Я думал тебе помочь, чтоб вместе изобрести. А раз ты такой, то и не надо.

— И без тебя изобрету.

— Ну и изобретай! Посмотрим, кто скорей изобретет!

— Вот и посмотрим!

— А вот посмотрим!

В школу ребята пошли отдельно. Это случилось лишь при очень сильных расхождениих во взглядах.

И еще одна

Деду Тихону некуда торопиться. Он проработал свои 38 лет в литейном цехе и вот уже третий год получает пенсию. Если его кто назовет инвалидом или стариком, он сердится. Петр Никитич, отец Вальки и Сергея, знает эту слабость и нарочно подтрунивает над стариком, хоть и сам давно уже вышел из молодых.

— Ну и житье же теперь инвалидам! — говорил он, хитро шурясь. — Сидят себе на солнышке да газетки почитывают. Ты хоть бы раз постоял вместо меня за станком, а то что-то спину ломит.

— Это ж каким таким инвалидам? — придирчиво спрашивал дед. — Окромья тебя я что-то других инвалидов не замечал тут. От того у тебя спину и ломит.

— А за что ж тебе каждый месяц деньги приносят, как не за старость?

— Старость — одно, а инвалидность — совсем другое. Большая разница. А деньги мне носят за выслугу лет — понятно? — а не за старость.

И дед строго посмотрел на Никитича.

В это утро «Керзон», потерпевший ряд неудач, сразу же пошел к деду, как только тот появился на террасе. Но хлопнула дверь флигеля, и во двор вышел Петр Никитич. «Керзон» в нерешимости остановился посредине двора, не зная, где его ожидает большая удача.

— Ну как она там, жизнь молодая? — крикнул Петр Никитич.

— Полегоньку. Иди, я чтой-то тебе скажу.

— Ну? — спросил Никитич, подходя и облакачиваясь о перила.

Дед опустил в свое деревянное кресло, предвкушая обстоятельный неторопливый разговор, и принялся пересказывать все, что вычитал в газетах за последние дни.

— Нехай сунутся, нехай только сунутся, — сердито закончил он международный обзор, — живо мордой об стол полудят! У нас поднимутся все как один!..

Петр Никитич был доволен: не прочитав за последние два дня ни одной газет-ты, он узнал все новости. Однако не удержался, чтоб не подтрунить над приятелем:

— Ну, как один! Старики-то, небось, не поднимутся, которым под семьдесят...

— Вот так плomba! — удивился дед: словом «плomba» он выражал любую мысль и любое настроение. — Да где же они, эти старики?

— Ну ты, например...

— Я?! Это я старик?!

— А кто ж ты? Дите, что ли?

— Глупые твои слова — и больше ничего. Не гожусь я никуда, так, что ли?

— Ну ладно, Тихон Кузьмич, я ж пошутил. Собирайся, пойдем на рынок масла майское покупать. Я ж сегодня выходной.

— А ты не шути. Я, брат, этого не люблю.

— Да ладно уж! Пойдем!

— Иди сам. Я и без тебя дорогу найду. Мне не по пути...

— Как же ж так?

— А вот так. Не пойду, и только.

— Да ты что? Серьезно?

— А то, думаешь, шучу?

И не пошел.

Чудесное утро, обещавшее столько радости, неожиданно для всех ознаменовалось тремя размолвками.

Проешествие

Вечер тоже был отличный. Чуть-чуть только прохладный, а так — хоть куда: тихий, задумчивый, лунный. Но и он не принес примирения. Его даже никто не замечал. Дед Тихон натерся от ревматизма какой-то мазью и не выходил из комнаты. Кирюшка, глубоко уязвленный, засел за арифметику с намерением в один присест решать задач на шестидневку вперед. Сергей принес из школы две огромных стопы тетрадей и углубился в их проверку. Только одна Наташа ничего не делала и в задумчивости бродила по саду. Впрочем, ей скоро тоже пришлось вернуться в дом, так как Кирюшка выскочил на террасу и плачущим голосом закричал:

— Натка, ну чего ты там ходишь, как привидение! Тут у меня 120 литров масла не делятся на 19 кило соли, а ты гуляешь! Иди, мне раздели!

Так все и спать легли надутые.

Но на следующее утро произошло событие, вызвавшее всеобщее обсуждение. Марья Семеновна, мать Наташи, и одинокая жиличка тетя Даша вышли одновременно с мисочками на террасу, чтобы покормить «Керзона». Стали звать — не идет. Заглянули в будку — пустая. Только в саду нашли. Лежит вытянувшись. Зубы оскаленные, полузакрытые глаза, как запяленные стекляшки. Через пять минут около издохшего «Керзона» собрались чуть ли не все жильцы. Делали всякие предположения, жалели ласковую, умную собаку.

— Вот так плomba! — сказал дед Тихон, растерянно глядя на «Керзона». — Обрадовал, нечего сказать!

— И отчего б такое могло случиться? — спрашивала Марья Семеновна. — Сказать, подавился, так будто вчера никто костей не оставлял.

— Могло и от старости, — допустил Петр Никитич.

— От «старости»! Такое скажет! — отозвался дед. — Чего б это от старости, когда ему и восемнадцати годов не минуло!

Кирюшка шмыгнул носом, готовый слезу пустить. У Вальки тоже жалобно кривились губы.

Закопали «Керзона» в саду, под каменной стеной, и тут же общим собранием решили завести новую собаку.

Под влиянием общего горя Валька и Кирюшка забыли о вчерашней ссоре. Подтаял, хоть окончательно и не растаял, ледок и в отношениях между дедом Тихоном и Петром Никитичем. Но Сергей и Наташа не проронили ни слова и только изредка украдкой взглядывали друг на друга.

Валька задержался в школе, а когда вернулся, то сейчас же разыскал Кирюшку и сказал:

— Кирюшка, а ведь нашего «Керзона» отравили.

— Да ну?! Кто отравил?

— Сенька «Голубиное крыло».

— Кто тебе сказал? Ты, Валька, выдумываешь!

— Честное слово, не выдумываю. Я в третьем «Б» рассказал ребятам, как наш «Керзон» неожиданно умер, а Спирка Макушкин и говорит: «А я знаю, от чего он издох. Это его Сенька «Голубиное крыло» отравил. Он и у нас собаку отра-

вид, чтобы не лаяла, а потом пришел и всех голубей выкрал. Вот увидишь, он этой ночью и к вам за голубями придет».

— А правда, Валька... Я видел, как он шел вчера по нашей улице. Шел, шел, а потом около нашей калитки как остановится да на нашу голубятню как посмотрит!..

Кирюшка действительно видел, как шедший мимо дома парень заглянул в калитку и пошел дальше.

— Что ж будем делать, Кирюшка, а? Выкрадет он и моих красноплечих и твоих двух почтовых...

— В милицию надо заявить, пусть они его арестуют.

— Да, заяви, а там скажут: «Предъявите ваши доказательства. Вы, — скажут, — видели, как он отравлял?»

— Ну тогда, давай, деду расскажем. Он, брат, дед, такой — сразу сообразит, что делать.

— Не знаю, — сказал дед, выслушав ребят. — Очень сомнительно. Сенька «Голубиное крыло» умер, еще когда я пашаном был. Разве какой другой Сенька родился?..

Старик не знал, что Сенька «Голубиное крыло» — ночной охотник на чужих голубей — неизменно рождался в воображении всех поколений голубятников.

Подумав, Валька предложил Кирюшке ночевать на террасе, пока не заведут новую собаку.

Кирюшка согласился не сразу.

— Холодно еще, — сказал он.

— Ну, «холодно»! Совсем уже не холодно. Укутаемся одеялами, и отлично.

— А утром еще закусают...

— Да мух еще почти и нету!..

— Да, «нету»... По голове железякой как даст!..

— Муха?!

— Не муха, а Сенька «Голубиное крыло».

— И всего ты, Кирюшка, боишься: и мух, и холода, и Сеньку.

— Да я разве боюсь? Я только говорю, что надо палки с собой под одеяло положить, а под подушку — камней. А так разве я боюсь?! Пусть только придет, мы сейчас же его камнями — раз-раз-раз да как закричим: «Спасайте! Караул! Убивают!..»

На страже

Ребята сдвинули на террасе два топчана и залегли, как только стемнело. Чтоб

Сенька «Голубиное крыло» их не увидел, они замаскировались пустыми бочонками и ящиками.

Пока по двору ходили жильцы, а из сергеевой комнаты падал на землю криквым четырехугольником желтый свет, было все отлично и ни чуточки не страшно. Валька, решивший помочь Кирюшке выйти по арифметике в отличники, объяснил ему какой-то способ ускоренного умножения, вычитанный в «Занимательной арифметике» Перельмана. Кирюшка долго не понимал, а когда понял, то, к изумлению Вальки, стал множить быстрее его самого.

Но вот хлопнула дверь за последним жильцом. Спустия немного потух свет в комнате Сергея. Отгремел «Интернационал» из репродуктора соседней. Ночь, майская ночь Приазовья, вступила в свои права. Все было тихо и неподвижно в бледном свете луны. Лишь в по-весеннему редкой листве деревьев слышался таинственный шорох, да иногда раздавался слабый писк то ли проснувшейся птички, то ли прошмыгнувшей вдоль стены мыши. Изредка на луну набегали облака. Но они были такие тонкие, что сквозь них отлично были видны и луна и следовавшая за ней огромная бриллиантовая звезда. Только ровное сияние на миг превращалось в прозрачный туман. Если бы с улицы не доносился иногда гудок автомобиля или цокот лошадиных копыт, можно было бы подумать, что вместе с жильцами дома уснул и весь город.

— Валька, — шопотом сказал Кирюшка, — ну чего мы тут будем лежать? Верно, твой Спирка набрехал, а мы, дураки, лежим тут да от страха трясемся...

— Кто ж трясется? Я вовсе не трясусь, — так же шопотом ответил Валька.

— Я, Валька, тоже не трясусь, а только у меня само что-то внутри трясется. Может, мне холодно, Валька, а?

— Молчи, Кирюшка, а то мы его спугнем.

— Так что ж, что спугнем! Еще лучше, Валька. Он испугается и уйдет, а мы и не узнаем, что он тут был, сами не напугаемся...

— Вот же, Кирюшка, какой ты!.. Всего на свете боишься... Разве же можно...

Он не договорил. Кирюшка, слабо охнув, скатился на пол террасы.

— Валька, — зашептал он из-под топчана, — лезь сюда!.. Идет!..

— Ну как вы тут, ребята?

К террасе шел Сергей.

— А, это вы,— сказал Кирюшка поднимаясь.— Счастье ваше, что вовремя обозвались, а то б попробовали гольша...

— Ну как вам тут? Не страшно?..

Кирюшка пренебрежительно фыркнул:

— Чего ж тут страшного?.. Еще в своем дворе бояться, так хоть и на свете не живи. Правда, Валька?

— Ага...— сказал Валька в замешательстве.— А ты чего тут ходишь, Сережа?

— Да вышел вас проведать. Может, думаю, ребятам страшно. Вы, если там что, покричите мне. Я чутко сплю.

Сергей ушел.

— Ты чего же под топчан залез?— спросил Валька.

— А за камнем...

— За каким камнем? Камни ведь под подушкой...

— Ну, не знаю,— сказал Кирюшка.— Залез, ну и залез. Чего пристал с глупостями?!

— Вот что, Кирюшка, ты спи, а я буду сторожить. Потом я буду спать, а ты— сторожить. Ладно?

— Ладно,— сказал Кирюшка,— разбудил меня через час. Потом я тебя...

Когда мальчики одновременно раскрыли глаза, разбуженные выстрелом спустившейся где-то вблизи шины, террасу и весь двор заливал яркий, солнечный свет, а из голубятни несло дружное наперебой воркованье.

— Ушел, не поживившись,— сказал Кирюшка.— Напугался...

Странный звук

Ребята продолжали спать на воздухе и уже ничего не боялись.

— Да и бояться нечего,— говорил дед.— Заборы высокие, калитка на засове. Как в крепости. Кабы не мой ревматизм, я б тоже с вами...

Ребята твердо решили выйти в отличники и перед сном проверяли друг друга. Сперва Валька изображал учительницу Ирину Семеновну, а Кирюшка— самого себя, но только такого бойкого и независимого, каким никогда в классе не был. Затем учительницей делался Кирюшка. Он спрашивал строго и авторитетно, так что Валька невольно начинал робеть. Проверка неизменно заканчивалась тем, что Кирюшка широко тарачил в темноте глаза и удивлялся:

— И что из нас получится, Валька, а? Даже страшно подумать. Может, мы до того доучимся, что выдумаем летательную лошадь...

Лунные ночи кончились. С темного, как черно-синий бархат, неба на ребят смотрели огромные, будто шевелящиеся звезды, а между ними светлым бисером рассыпалась бесчисленная мелочь.

Однажды Кирюшке приснилось, будто он торопится в школу, боясь опоздать, а подошва на ботинке отстала, свернулась трубочкой и все чирк-чирк об асфальт. «А, чтоб тебя!»— сказал Кирюшка и топнул ногой. И вдруг подошва хрустнула, отскочила от ботинка и с дребезжаньем поползла по тротуару. Это до того показалось странным, что Кирюшка проснулся. Рядом лежал Валька и тихонько посапывал.

«Сопит мне в ухо,— подумал Кирюшка,— оно и снится всякое такое...»

— Трук-шрр-тук,— вдруг послышалось откуда-то из темноты.

Кирюшка вздрогнул, раскрыл широко глаза и замер, перестав дышать.

— Трук-шрр-тук,— опять донеслось до него.

«В саду»,— подумал он.

С ровными промежутками времени звук повторялся, затем что-то слабо звякнуло—и все стихло.

Кирюшка лежал не шевелясь. Ему очень хотелось разбудить Вальку, но он боялся, как бы тот не забормотал чего со сна. В глубокой тишине ночи слышны были только валькино сопенье да шелест листьев, волной пробегавший по верхушкам деревьев.

И вдруг опять:

— Трук-шрр-тук.

Кирюшка положил ладонь на валькины губы и зашептал ему в ухо:

— Валька, проснись... Проснись, Валька...

Раскрыв глаза, Валька сонно и непонимающе смотрел в лицо Кирюшке.

— Молчи, Валька, ничего не говори. Ты сейчас обалделый. В саду кто-то во зится. Наверно, Сенька...

Валька сделал движение, чтобы вскочить, но Кирюшка обеими руками удержал его:

— Лежи, Валька, тихо. Слушай..

— Трук-шрр-тук... Трук-шрр-тук...— равномерно доносилось из сада.

— Что, Валька, будем делать, а?— спросил Кирюшка.

Кiryushka потянул Вальку за ногу, и они, не оборачиваясь, поползли назад.

Валька потянулся за штанами.

— Одевайся, — шепнул он.

Ребята неслышно оделись.

— А теперь поползем...

И Валька лег на живот. Кiryushka сейчас же опустился на пол. Но, когда Валька пополз к ступенькам, идущим во двор, Кiryushka схватил его за ногу.

— Куда ты? — спросил он тревожно.

— Туда. Посмотрим, что он делает.

— Валька, ты дурак? Он же нас убивает...

— Нет... Мы в черном... Не увидит.

— Давай сперва разбудим деда, а?

— Потом... Сперва посмотрим.

Валька пополз со ступенек вниз. Кiryushka, хотя и считал это предприятие легкомысленным, полз за ним. Около деревянной решетки, отделявшей сад от двора, они задержались и стали всматриваться, но в саду было еще темней чем во дворе. Валька тихонько потянул дверку и вполз в сад. Хотя Кiryushka все время держал его за ногу, он упорно продвигался вперед. Странный звук утих, и в саду опять стояла ничем нарушаемая

тишина. Вдруг в нескольких шагах от себя кто-то хриплым шопотом сказал:

— Ну, нащупал?

— Нащупал,— ответил другой.— Еще надо чуточку подкопать. Дайте лопату.

Ребята вздрогнули и невольно повернули головы в сторону, откуда донесся шопот. То, что они в темноте приняли за кусты крыжовника, задвигалось и вытянулось вверх, сразу приобретя очертания человека. Кирюшка с отчаянной силой потянул Вальку за ногу, и оба они, не поворачиваясь, как раки поползли назад.

Очутившись опять во дворе, Валька шепнул:

— Видал, сколько земли нарыли? Ползи, зови деда, а я — за Сергеем...

„Арофма“

Это было две недели назад.

В маленькой комнатухе на окраине города накурили до одурения. Однако ни черноволосый мужчина лет сорока, лежавший на ковровом диване с выпиравшими отовсюду пружинами, ни седой старик, сидевший рядом в кресле, этого как будто не замечали и все дымили и дымили из своих мундштуков.

— Вы, Дука,— несчастный человек, вы невежественная личность. Разве вы настоящую жизнь знали? Хэ!.. В вашем паршивом Бердянке можно было только дѣхнуть. Настоящая жизнь была здесь и больше нигде.

— Нет, отчего ж? В Бердянке тоже можно было жить,— вяло сказал Дука.

В его черных с желтыми белками глазах мелькнуло воспоминание. Он слегка повернулся в кресле.

— Вот, например...

— Обождите, не надо ваших примеров. Когда вспоминает Ликсардопуло, то какое значение могут иметь ваши воспоминания? Слушайте! Двадцать пять лет назад это был порт, а не свалка дохлой рыбы. На всех пристанях горы из ящиков и мешков. А что было в мешках и ящиках, вы знаете? Коринка, изюм, курага, инжир, маслины... Эй, что тут было, что тут только было!. От одного запаха голова кружилась. А вы знаете, что было в бочках? Коньяк, сантуринское, бордо, малага. Выпешь бокал — и во всем теле тепло и блаженство. А аромат!.. Целый час держится во рту тончайший и благороднейший аромат.

Ликсардопуло служил пучочком три пальца и чмокнул губами.

— М-нда... В Бердянке вот тоже на пристани...

— А откуда все это привозилось, вы знаете, Дука? Из Турции, из нашей Греции, из Митилены, с острова Самоса, из Мессины. Чуть не каждый день заграничный пароход. Мы жили в России, а общались со всеми странами Средиземного моря. Вы знаете, что сюда моды из Парижа приходили раньше чем в Москву и Петербург? В Петербурге еще только собираются сделать платье нового фасона, а моя кузина Ада Магнус уже сидела в этом платье в литерной ложе.

Ликсардопуло вздохнул, и концы его седеющих, пожелтевших от табачного дыма усов уныло опустились вниз.

— Вот у нас в Бердянке тоже насчет мод придерживались...— начал было Дука, но Ликсардопуло опять перебил его:

— Наш город назывался городом особняков. И правда. Вы посмотрите на Николаевскую или Греческую улицы. Что ни дом, то особняк, что ни двор, то сад в полгектара. У моего папы в доме было 18 комнат, а во дворе — 67 деревьев. Я теперь стараюсь не ходить мимо этого дома. Зачем? Чтобы видеть, как из окон выглядывают посторонние нахалы? Один раз я остановился около дома и заглянул в окно. Это была как раз моя комната. Так я получил удовольствие: из окна выглянул какой-то мальчишка и нахально спросил, зачем я заглядываю в чужую квартиру. Вы слышите, Дука: «в чужую»?

— Да, теперь все стали нахалами. Вот у нас в Бердянке...

— А разве мой папа был самый богатый? Ничуть! У него были хлебная ссыпка и пароход. Только. Попандопуло, например, имел два парохода и две главных ссыпки: одну — здесь, другую — в Мариуполе. Среди других коммерсантов мой папа был середняком. А как мы жили! Одних лионских галстуков у меня было больше сотни. Разве в чем я себе отказывал? Делал, что хотел...

— Да, ты был плохим утешением для бедного Григория...

— Чепуха, Дука! Папа во мне души не чаял. Зачем ему было огорчаться? В коммерческом училище я не вылезал из двоек. Но разве меня оставили хоть раз на второй год? Я даже кончил с серебряной медалью. Честное слово! Слушайте, Дука. Один раз я нанял 63 извозчика.

Сам сел в передний экипаж, а остальные экипажи ехали за мной пустые. Эта процессия растянулась на 3 квартала. Я проехал так по всей Николаевской улице, свернул на Петровскую и остановился у под'езда городского театра. Вы думаете, меня оштрафовали? Хе!.. Городовые брали под козырек, а полицейстер покачал головой и сказал: «Ну и забавник же этот Кирио Ликсардопуло!» Вот что сказал полицейстер!

— Да-да,— сказал Дука,— тогда коммерсантам оказывали уважение. Вот у нас в Бердянске один галантейщик...

— Что там ваш галантейщик! Вы слушайте, что со мной однажды было. Я на лошади верхом в'ехал в ресторан. Вы думаете, хозяин рассердился и велел нас вывести? Ничего подобного! Он из собственных рук накормил лошадь сахаром, а мне подал фужер шампанского. Вот как уважали сына Григория Ликсардопуло. И было за что! У меня в кармане всегда звенели кругляшки. Я давал человеку лиру или доллар и делал с ним, что хотел. В гостинице «Бристоль» я вымазал шестерым официантам носы горчицей и велел так ходить весь вечер. И ходили, потому что каждому хотелось получить лиру. Вот как я жил! А кто я теперь? Десятник на свинарной постройке, вот кто я теперь. За лиру я и сам теперь нос в горчицу окуну.

— М-нда... — сказал Дука.— У меня тоже были лиры...

— У вас? Леры? Вы, Дука, не знаете, что такое золото. Мой папа любил всякую монету, лишь бы она была золотая. Он их собирал и складывал в большой глиняный кувшин с двумя ручками. В этом кувшине у него сидели все императоры и президенты мира. Да, да, Дука! Не было такой монеты, которую папа не посадил бы в кувшин. Что бы вы сказали, Дука, если бы этот кувшин стоял теперь у вас на столе в Бердянске, а?

— Я бы сказал, что его надо со стола убрать и спрятать в другое место.

— Он спрятан, Дука, я это знаю так же, как то, что меня зовут Ликсардопуло. Слушайте, Дука, папа не любил, чтобы я запускал руку в этот кувшин. Когда большевики стали подходить к городу, он послал меня в порт приготовить моторку, а сам стал собираться к от'езду. На этой моторке мы тогда приехали к вам в Бердянск. Так в этой моторке кувшина не было.

— Нет, кувшина не было. Кредитки были, а золота не было совсем.

— А почему не было, вы знаете, Дука? Он этот кувшин где-то спрятал. Разве кто-нибудь мог думать, что большевики будут сидеть двадцать лет? Этого не думал Пуанкаре, не думал Ллойд-Джордж, даже не думал Венизелос. Так почему это должен был думать мой папа?

— Ваш папа мне часто говорил: «Я не скажу Косте, где золото. Костя любит шикозить, он вытщит золото, а оно и мне пригодится».

— Да, Дука, я часто приезжал к папе в Бердянск и говорил ему: «Папа, зачем вы скражничаете? Чего вы ждете? Вам хочется, чтобы деньги, добытые нами потом и кровью, нашел какой-нибудь паршивец?» Последний раз он уже совсем было согласился. «Хорошо,— говорит,— Костя. Приезжай через месяц, и я подумаю». И вдруг этот разрыв сердца. Вы, думаете, Дука, что это лопнуло папину сердце? Что там сердце! Лопнула моя надежда, понимаете, надежда опять стать человеком!

Дука круто повернулся в кресле и сердито сказал:

— Слушай, Костя, ты все говоришь и говоришь, а мне не даешь слова сказать. Не понимаю, что за язык такой. Ты что, думаешь, я даром из Бердянска приехал? На пароходе захотелось покататься или твои глупые жалобы послушать? Нет, Дука всегда любил делать дело. Я приехал спросить тебя, что я получу, если покажу тебе маленький крестик?

— Какой крестик? Вы, Дука, бредите?..

— Ты плохо знаешь Дуку. Дука много молчит, но Дука думает. Я три месяца смотрел на крестик и все думал. Теперь я приехал к тебе и спрашиваю: что ты мне дашь, если я покажу тебе крестик, один маленький крестик?

— Дука, не сходите с ума. Вы же знаете, я боюсь сумасшедших.

— Ты не деловой человек, Костя. Тебе бы только верхом в рестораны в'езжать. Твой папа жил у меня. Я знал все его сокровенные тайны. Я не знал только одной, той, которой не знал и ты. Когда он умер, я развязал его портфель и стал читать разные бумаги. В его записях было много мудрых мыслей. Я читал и не мог понять, почему у такого умного папы такой глупый сын...

— Оставьте, Дука...

— Я еще одного не мог понять: какой

язык, кроме греческого и русского, знал твой папа.

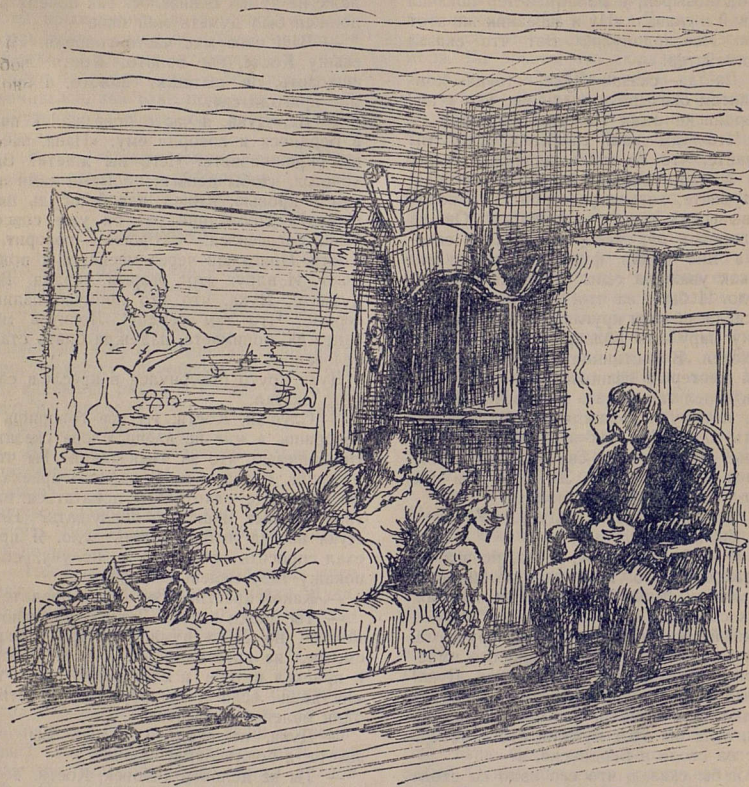
— Никакого.

— В портфеле были не только прекрасные мысли, достойные Сократа, но и неплохие рисунки. На одном из таких ри-

— А в зулусско-русском смотрели?..

— Три месяца я ломал голову над этим таинственным словом...

— Лингвист из бывших коннозаводчиков...

— ... Я знал все его сокровенные тайны...

сунков твой мудрый папа поставил маленький крестик...

— Опять крестик?

— ...а под крестиком древнегреческими литерами написал: «Арофма». Я перелистал словари всех языков на свете, но нигде не нашел объяснения этому слову...

— Случайно я прочел это слово наоборот, и у меня остановилось сердце...

— Наоборот? Ну и что же?..

— Ты не знаешь, что значит это слово? Его знает не только любой грек, но и любой школьник. Я удивляюсь, почему тебе в коммерческом училище ставили двойки. Следовало бы нули.

Ликсардопуло повернулся на диване и недоуменно посмотрел в лицо Дуки. Вдруг он подскочил, точно его подбросило пружиной.

— Амфора?! Да ведь это... это... Дайте!.. Дайте сюда!.. Дайте сейчас же сюда рисунок!..

— Спокойнее, Костя, спокойнее. Ты что, думал, я для тебя старался? Правда, ты сын моего лучшего друга Григория Ликсардопуло, но ведь мне надо и о себе подумать. Может, тебе известно, что мой завод вот уже двадцать лет прибыли мне не дает? Короче, я должен знать свою долю. Без этого тебе крестика не выдать, как своего покойного папашу.

— Вы, Дука,— подлец. Вы хотите жать там, где не сеяли. Но, черт с вами, я согласен взять вас к себе в компанию, раз нет другого выхода. Давайте торговаться.

— Чем больше, Костя, живешь на свете, тем больше узнаешь нового. До сих пор я знал, что на всякого мудреца довольно простоты. Теперь я знаю и другое: у всякого дурака найдется крупинка ума. Ну, так какие будут твои условия? — и Дука придвинул кресло поближе к дивану.

Командует дед

Никто не мог понять, кто и зачем залез ночью в сад и роет там землю. Петр Никитич и Сергей сначала Вальке не поверили. Потом подумали, что ему это показалось. Все-таки решили проверить. Сергей вышел во двор и прислушался.

— Да, кто-то возится там,— сказал он возвращаясь.

Наташа тоже то улыбалась, то хмурилась, не зная, как отнестись к кирюшкиному взволнованному и путаному шопоту.

Один дед сразу поверил и объяснил:

— Клад роют. Вот так плomba!

Потихоньку все собрались в дедовой комнате.

— Что б такое могло быть? — спрашивал Петр Никитич недоуменно.

— Кабы по-честному, пришли б днем, а то, ишь ты, третий час ночи! Не «Керзона» же вырывают.

— Что ж будем делать, Тихон Кузьмич?

— Что делать? А вот возьмем веревки и повяжем. Что ж еще делать?

Неожиданно для всех и как-то само собой командование перешло к деду.

— У тебя что? Дробовик? Берн, Никитич, Дробовик и становись около сарая. Ты, Сергей, занимай пост под большой грушей, на вот прогонишь. Наташа, бери кочергу, станешь под большим тополем.

Кирюшке дали фонарь и спички, Вальке — веревки.

Выходили поодиночке, босиком и неслышно пробирались каждый к своему посту.

Странные звуки утихли. В ночной тишине слышался только слабый шелест листьев, да издалека доносились тонкие гудки паровозов. Все напряженно всматривались в темноту, но после яркого электрического света с трудом различали даже стволы ближайших деревьев. Вдруг со стороны, где был закопан «Керзон», послышалось короткое звяканье. Спустя секунду звук повторяться, точно кто-то в темноте перемывал и складывал чайные ложки. Дед Тихон вытянул шею и, чтоб лучше слышать, раскрыл рот. В одной руке он держал пучочком сложенные спички, а в другой — коробок. Кирюшка стоял сзади, держась за полу его пиджака. Вдруг дед присел, со свистом втянул в себя воздух и что было силы гаркнул: «Огонь!» В тот же момент раздался выстрел. Это Петр Никитич «для страха» пальнул из дробовика. Десяток красных огоньков взлетел вверх и на мгновение осветил фигуры двух человек, сидевших на корточках около кучи земли. Ни Дука, ни Ликсардопуло не успели даже подняться на ноги. С криком, гиканьем и свистом на них налетели неизвестно откуда взявшиеся люди, опрокинули и принялись вязать руки и ноги. Ночные гости дрыгали ногами, царапались, кусались. Деду Тихону Дука до крови разгрыз руку, а Петр Никитич чуть не лишился уха и еле высвободил его из ногтей Ликсардопуло. Когда Кирюшка зажег фонарь и затрепетавшее пламя свечи выхватило из темноты барахтающиеся фигуры, сражение уже было на исходе.

Порывисто дыша, дед поднялся с земли.

— Плomba, — сказал он. — Поработали. Ну-ка, Кирюшка, посвети ближе: что тут за самовар такой?

В куче свеженакопанной земли на боку лежал большой с двумя ручками кувшин. Дед слегка толкнул его босой ногой, и из горлышка с коротким звяканьем один за другим стали выкатываться желтые, тускло поблескивающие кружочки.

Все обступили амфору. Кирюшка и

Валька, никогда не видевшие золотых монет, с любопытством смотрели на какие-то человеческие головы, выступавшие на желтых кружочках.

Петр Никитич взял кувшин за обе ручки и с некоторым усилием поставил его на донышко.

— Ого! — сказал он. — Да тут одному человеку и не поднять.

— О-о-ох!.. — одновременно простонали Дука и Ликсардопуло.

— Чего это они? — удивился Петр Никитич.

— Сочувствие тебе выражают, что нести, дескать, будет тяжело, — ответил дед и сейчас же крикнул ребятам: — Ну, чего рты пораскрывали?! Живо в милицию! Недай наряд шлот да забирают (дед кивнул сначала в сторону амфиру, потом Дуки и Ликсардопуло) все это добро.

— О-о-ох!.. — опять согласно ответили они.

Но едва Кирюшка и Валька бросились из сада, как Ликсардопуло приподнялся на локтях и часто заговорил:

— Обождите, граждане, обождите!.. Верните их, ей богу!.. Ну зачем это?.. Лучше же поделить... Тут же на всех хватит, ей богу!.. А так что ж?.. Ни нам, ни вам... Какой смысл?! Честное слово!..

— Что он говорит? — не поняла Наташа.

— Смыслу, говорит, нету, — ответил дед. — Надо, говорит, поделить, а так, говорит, смысла нету...

Все дружно засмеялись.

— Смеетесь?! — удивился Ликсардопуло. — Да вы что? Идиоты? Тут же на всю жизнь хватит!

И вдруг жалобно захныкал:

— Режет... Ой, ногу режет!.. Развяжи-те ногу, вы не имеете права!..

— Ослобони ему чуток, — сказал дед.

Сергей нагнулся. Но едва он ослабил узел, как Ликсардопуло обеими погами ударил его в грудь и вскочил на ноги.

— Держи! — крикнул дед.

Все бросились вперед, но Ликсардопуло с отчаянной силой рванул руками веревку и кошкой вскочил на забор. Петр Никитич еще успел схватить его за ногу, но тут же свалился, оглушенный ударом свинчатки.

Задыхаясь, Ликсардопуло побежал вдоль улицы. Сзади, совсем близко, шлепали чьи-то босые ноги, а издали, разрывая ночную тишину, непрерывно неслось: «Держи! Держи! Держи!» «Уйду», — мелькнуло в голове у Ликсардопуло, ког-

да он добегал до угла. Он знал, что во втором от угла доме калитка во двор всегда раскрыта, и в этом дворе ему был знаком выход в соседний двор. Вдруг что-то толкнуло его в спину. Крякнув, он сразбегу ударился всем телом об асфальт. Из карманов со звоном во все стороны раскатились золотые монеты. Ликсардопуло еще смог поднять руку со свинчаткой, но руку перехватила другая рука и крепко пригнула к спине.

— Молодец, Сережа! — прохрипел подоспевший дед. — Чуть было не упустили, нехай ему чорт!..

А в это время Дука говорил:

— Слушайте, барышня! В кармане у меня футлярчик с алмазами. Никто об этом не знает, даже мой товарищ, что убежал. Я вынул его из кувшина в темноте. Возьмите его, спрячьте, и никто не узнает. Возьмите, барышня! Этим алмазам цены нет, честное слово! А мне развяжите ноги... Я и пойду потихоньку... Кому я нужен, старый, больной человек?..

Наташа стояла молча, с напряженной тревогой всматриваясь туда, где лежал Петр Никитич.

— Он не услышит, барышня, — зашептал Дука. — Где ему! Берите, честное слово! Ну, чего там!.. — и Дука стал приподниматься на локтях.

Наташа шагнула вперед. Свет от фонаря упал ей на лицо, и то, что Дука прочел на нем, заставило его быстро опуститься на землю.

— Идиотка! — выругался он. — Не понимаю, что за люди!

Некоторая неожиданность

Зеркально спокойная вода вдруг забулдила, закипела, вспенилась. Двухпалубный теплоход, сверкая чистотой и медными поручнями, стал медленно отделяться от пристани. Кирюшка и Валька замахали руками. С верхней палубы они казались маленькими, как куклы.

— Смотри ж за голубьями, Натка! — кричал сверху Кирюшка. — У сизоплевого ноги поцарапаны, так ты ему перевязку сделай!

— Не перегибайтесь за перила, не перегибайтесь! — кричал снизу, с пристани, дед. — Вот я вам перегнусь!..

А сам все машет и машет над головой фуражкой.

Домой возвращались попарно: вперед — дед Тихон с Петром Никитичем, позади — Наташа с Сергеем.

Немного волнуясь, Сергей говорил:

— Все эти дни я хотел спросить тебя, Наташа, да все как-то не удавалось... Видишь ли, Наташа, я, вероятно, занимаюсь математикой не случайно. Мне самая сложная математическая формула кажется простой и ясной. А вот в людях я разбираюсь плохо. Помнишь наш разговор... Ну вот когда я статью свою показал?... Ведь мне тогда всерьез показалось, что ты корыстный человек. И вообще все это вышло так глупо. Короче говоря, я виноват перед тобой.

— Оба мы виноваты, — сказала Наташа. — Но, кажется, ты мне еще что-то собирался сказать.

— Ты сама знаешь, что... — начал было Сергей.

— Конечно, знаю, глупый. Ты мне это потом скажешь, не теперь, не на улице...

А в это время дед говорил Петру Никитичу:

— Нехай едут. Вполне заслуженный отдых и справедливая награда. Кабы не они, плакали б наши денежки. Как рассчитываешь, на танк хватит?

— Думаю, хватит.

— А на какой? На большой или на маленький?..

— Думаю, что на большой.

— С орудиями, значит. Да, постарались ребята. Ну, нехай загорают... Там солнце,

знаешь, какое? Как из мартена палит... Ну, и кипарисы, конечно. А вернутся они, мы с тобой поедем в Мацесту ревматизмы лечить.

— Да, может, там стариков не принимают?

— Примут. Я за тебя похлопочу.

— Я не о себе беспокоюсь, я о приятеле своем.

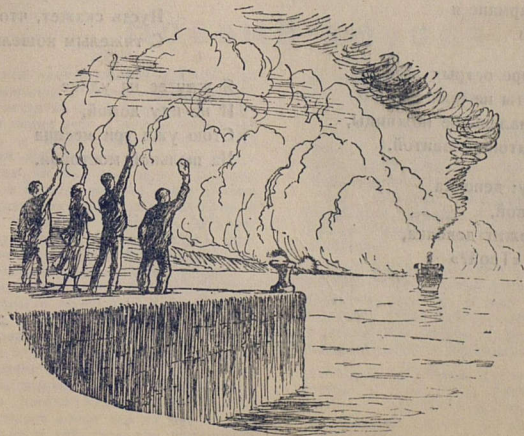
— А чего тебе о приятеле беспокоиться? Греку тому, что помоложе, кто руки окрутил? А ты сомневался. Вот так и всякому другому скручу, нехай только случится.

Дед оглянулся назад и доверительно зашептал:

— Он мне грызет и грызет руку, грек этот. Хотел было я размахнуться и дать ему в ухо, да, думаю, еще в кого другого попаду. Сбились тут все в кучу — не разберешь, где свой, а где чужой. Ну, думаю, обожди, я тебя угощу — будешь знать, как кусаться. Нащупал я в пиджаке булавку да в мягкое место ему и сунул. Наверно, и сейчас то место чешет.

Петр Никитич как-то странно взглянул на деда и ничего не сказал. Только уже у самой калитки вынул что-то из борта пиджака и протянул деду.

— На, получи свою пику, — сказал он сердито. — Да в другой раз смотри, куда суешь... Чорт слепой!..

Н А Х О Д К А

Сергей Михалков

Я выбежал на улицу,
По мостовой пошел,
Свернул налево, за угол,
И кошелек нашел.

Четыре отделения
В тяжелом кошельке,
И в каждом отделении
Пятак на пятаке.

И вдруг по той же улице,
По той же мостовой,
Идет навстречу девочка
С поникшей головой.

И грустно смотрит под ноги,
Как будто на пути
Ей нужно что-то важное
На улице найти.

Но тут беда случается,
И я стою дрожа;
Не нахожу в кармане я
Любимого ножа.

Четыре острых лезвия
Работы не простой,
Да маленькие ножницы,
Да штопор завитой.

И вдруг я вижу: девочка
Идет по мостовой,
Мой ножик держит девочка,
И спрашивает: «Твой?»

Я нож беру уверенно,
Кладу в карман его.
Проходит мимо девочка,
Не знает ничего.

И грустно смотрит под ноги,
Как будто по пути
Ей нужно что-то важное
На улице найти.

А я забыл от радости,
Что у меня в руке
Ее богатство медное
В тяжелом кошельке.

Бросаюсь я за девочкой,
Сгораю от стыда,
Но вдруг пропала девочка
Неведомо куда.

И если с этой девочкой
Хоть кто-нибудь знаком,
Пусть скажет, что я жду ее
С тяжелым кошельком.

Я жду ее на улице
И не иду домой,
Стою уже три месяца
На пыльной мостовой.

А. ГЕРАСИМОВ „Товарищи Сталин и Ворошилов в Кремле“.

Боевые друзья

Все мы гордимся нашей славной Красной Армией. Каждый мальчик в нашей стране мечтает о том времени, когда он будет служить в Красной Армии. Кто видит себя с меткой винтовкой на границе, кто у орудия, кто за штурвалом военного корабля или самолета, кто за рулем танка, кто верхом на быстром коне. Девочки тоже знают, что в грозное военное время родина позовет их и ухаживать за ранеными бойцами и занять их места у станков, некоторые, быть может, по примеру славных летчиц Полины Осипенко, Веры Ломачко и Марины Расковой, найдут свое место в воздушном строю истребителей.

Каждый из нас любит нашу Красную Армию. Поэтому мы любим и кино из жизни Красной Армии, и книги, в которых описаны наши бои и победы, и картины, где изображена наша армия, ее вожди и полководцы, ее парады, будничные дни, схватки и бои.

Поэтому полны людскими залами, где размещена выставка картин, посвященных Красной Армии и Флоту. На выставке много картин, но больше всего людей всегда в той зале, где выставлена

картина А. Герасимова, которую мы воспроизвели на этой странице, «Сталин и Ворошилов в Кремле».

Сталин! Под знаменем Сталина весь советский народ с оружием в руках станет на защиту родины, когда наступит грозное военное время, чтобы отстоять свою свободу и разгромить врага.

Под знаменем Сталина первый маршал Ворошилов поведет в бой могучую Красную Армию Советской страны и приведет ее к победе.

Наша Красная Армия — самая могучая армия в мире, потому что это армия свободного народа, армия социализма, потому что она вооружена не только передовой техникой, но и высокой сознательностью бойцов, потому что во главе этой Армии Сталин и Ворошилов.

И когда посетители: рабочие и красноармейцы, ученые и колхозники, взрослые и ребята — приходят на выставку, они дольше всего смотрят на огромную картину А. Герасимова «Сталин и Ворошилов в Кремле».

ГРОЗНЫЙ КРАСНЫЙ ФЛОТ

В шторм и штиль, днем и ночью, в хорошую погоду и туман корабли Красного Морского Флота ходят по советским морям и зорко берегут морские границы нашей родины. Ничто и никто не могут задержать или преградить путь советских боевых кораблей. Они всегда готовы к бою.

На картине художника Нисского показана боевая учеба Черноморского Флота. Давайте разглядим картину как следует. На море начинается шторм. Это видно по белым гребешкам тяжелых волн. Но боевые корабли отважно продолжают выполнять боевую задачу.

На переднем плане — носовая часть миноносца. На мостике у боевой рубки центральное место занимает дальномер. Не отрываясь, глядит в него вахтенный дальномерщик, разыскивая «врага», скрывающегося где-то вдаль. Дальномер — особый оптический прибор. Он сам точно определяет расстояние до цели. Дальномер — большая и длинная трубка с системой зеркал и линз внутри него. По краям дальномера два отверстия. Дальномерщик смотрит в середину дальномера, и перед его глазами два изображения цели: одно — прямое, а другое — над ним перевернутое. Если он смотрит на миноносец, то внизу изображения плывет обычный миноносец, а над ним — вверх ногами. Дальномерщик начинает вращать измерительный валик до тех пор, пока оба изображения не станут точно друг над другом, не сольются в одну картину. Как только дальномерщик этого добился, над изображением на черном квадратике появляется цифра, показывающая точное расстояние до цели в метрах. Дальномерщик сообщает цифру командиру.

Слева от капитанского мостика вы видите трехтрубный торпедный аппарат. По указанию дальномера, из торпедных аппаратов краснофлотцы готовы выпустить громадные стальные сигары — торпеды. С шумом вылетев из торпедных аппаратов, торпеды опишут крутую дугу и, поднимая

брызги, нырнут в море. И в то же мгновение завернутся гребные винты за кормой торпеды, и они, рассекая воду, оставляя за собой пенистый след из пузырьков отработанного сжатого воздуха, помчатся к намеченной цели. Торпедный аппарат миноносца изготовлен к стрельбе. Командир поднял руку, выжидая удобный момент для залпа.

Справа от мостика — полубак. На нем краснофлотцы уверенно и быстро готовят пушку к стрельбе. Наводчики прицеливаются в то время, как два других краснофлотца готовятся вложить в ствол тяжелый снаряд. Пройдет еще несколько секунд — и по команде «Огонь!» грохочет выстрел.

На мостике вахтенный сигнальщик быстро меняет сигнальные флаги, переговариваясь с линкором.

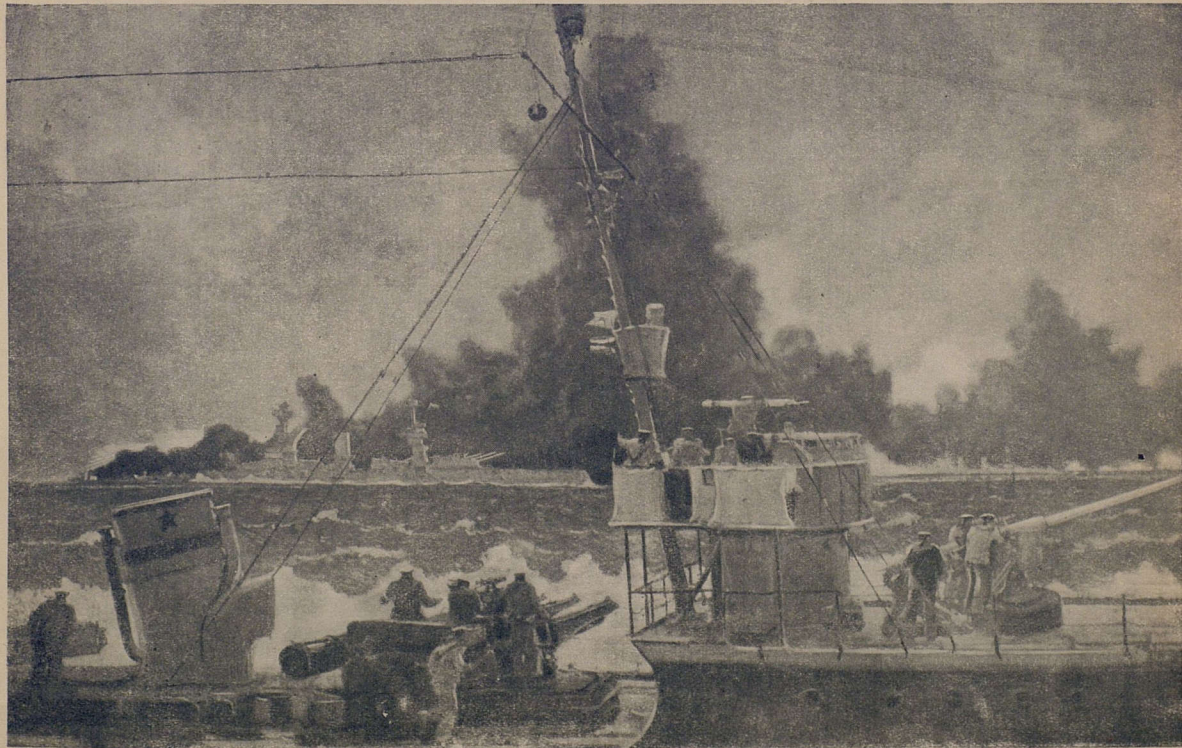
Тут же, на мостике, дозорный с помощью стереотрубы осматривает горизонт с противоположной стороны, чтобы и отсюда обезопасить корабль от возможного нападения. Стереотруба — соединение бинокля с перископом. В нее можно смотреть, оставаясь невидимым противнику.

На заднем плане видны мощные линкоры, разрезающие своей стальной грудью волны. Вы ясно можете разглядеть в броневого башнях дальнобойные орудия главного калибра.

Только что низко над морем пролетел самолет и оставил за собой черную стену дымовой завесы. Краснофлотцам сейчас надо быть особенно зоркими, потому что из этой стены могут в любой момент выскочить быстроходные торпедные катера. Они почти не видны в рассекаемых ими волнах. Смертельно ужалив торпедами «врага», катера делают крутой поворот и быстро скрываются за дымовой завесой.

В каждой из боевых учебе могучий морской флот СССР изучает сложную технику современного морского боя, чтобы бить врага всюду.

Г. НИССКИЙ. „Маневры Черноморского флота“.

Наши советские границы заперты на крепкий замок не только на морях и на земле, но и в воздухе. Всякий вражеский самолет, который попробует перелететь границу нашего Союза, сразу же попадет в поле зрения наблюдателей за воздухом, и куда бы он ни летел, ему трудно скрыться от наших скоростных истребителей, зенитных пулеметов и от мощной зенитной артиллерии.

Зенитная батарея, часть которой изобразил художник П. Я. Кирпичев на своей литографии, по радио или по телефону получает весть о самолете противника за много времени до его появления, еще тогда, когда самолет находится за сотню километров от нее. Командиры зенитных батарей, непрерывно получая сведения о пути движения самолета, всегда готовы днем и ночью открыть по нему уничтожающий огонь. Некоторые современные зенитные орудия выбрасывают несколько сот снарядов в минуту на высоту в десять километров, а то и больше.

Но самолеты летят очень быстро — 50—60 метров в секунду. Точно прицелиться в такие быстро движущиеся цели очень трудно. Но тут на помощь зенитчикам приходят Пуазо. Пуазо — центральный прибор управления артиллерийским зенитным огнем. Это ящик со сложными механизмами, с несколькими зрительными трубками и циферблатами вроде часов. Наблюдатели смотрят в Пуазо на самолеты противника. Пуазо собирает их наблюдения и по проводам передает всем орудиям батарей, как надо направлять ствол орудия. На каждом орудии есть два циферблата со стрелками — красной и зеленой. Зенитчики следят все время за движущимися красными стрелками. Они вращают ствол пушки так, чтобы зеленые стрелки совпадали с красными. Это значит, что если сейчас выстрелить, то снаряд попадет в ту точку, где, по вычислениям Пуазо, он должен встретиться с самолетом.

При помощи Пуазо при наводке орудий учитывают скорость снаряда, и поэтому ствол орудия направляют немного вперед цели, или, как говорят зенитчики, «упреждает» цель. Пока самолет пролетит какое-то расстояние, вычисленное Пуазо, снаряд долетит до него.

На литографии видны два орудия зенитной батареи на маневрах. Ночь. Орудия расположились на полянке какого-то леса. По небу пробегают низкие облака. Около орудия зажглись два сильных прожектора, таких больших, что внутри каждого свободно может поместиться несколько человек. К левому прожектору подведен кабель, по которому подается ток от работающей, должно быть, в леске, походной электрической станции. Чуть правее прожектора, в стальных шлемках на головах, стоят командир и связной, ожидающий приказа. Прожектора включены, значит «враг» где-то близко в небе. Прожектора орудия, расположенного за леском, устремились к летящему самолету, туда, куда указывают звукоулавливающие аппараты. Звукоулавливатели автоматически соединены с прожекторами, они поворачиваются на звук мотора, и с ними поворачиваются прожектора. Самолет, попавший в потоки сильного света, считается погибшим. Летчика ослепляет яркий свет, он перестает видеть что-либо на земле, и ему не выбраться из лучей, с какой бы он скоростью ни летел, его не выпустят в темноту прожектора батарей.

Правое орудие готово к бою. Это мощное орудие, возимое быстроходными тягачами, установлено на широкие стальные колеса, которые позволяют проводить орудие даже по плохим дорогам. В полумраке около орудий замковый наклонился, вкладывая снаряд, а может быть, чтобы дать выстрел. Позади его другой держит наготове следующий снаряд; наводчик, подняв левую руку, стоит у приборов. Еще мгновение — снаряд полетит в воздух поразить врага.

Если все самолеты противника не будут сбиты и пройдут зону огня этой батареи, то им все равно не миновать следующих батарей. Самолеты противника, спустившиеся ниже, попадут под ливень пуль зенитных пулеметов, не говоря уже о сверхскоростных истребителях, которые не останут от них, пока не сожьют.

Всякая такая батарея благодаря механической тяге очень подвижна: развивая скорость в несколько десятков километров в час, она может быстро переезжать на другие места и при необходимости менять свои позиции.

П. КИРПИЧЕВ—„Зенитчики“.

Литография

П. КОТОВ—„Тревога“.

Б. ЯКОВЛЕВ „Танки преодолевают водное препятствие“.

В ШТОРМ ЧЕРЕЗ ОЗЕРО

Амфибиями называют животных, которые одинаково хорошо могут жить в воде и на суше. В авиации амфибиями называют самолеты, которые могут подниматься и взлетать одинаково что с воды, что с земли. А мы, танкисты, амфибиями называем такие машины, которые могут не только ходить по земле, но и плыть по воде. Переходить через не очень глубокие реки может каждый танк. А вот для того, чтобы переплыть глубокую реку или даже морской залив, нужны особые танки — амфибии. По земле они ходят на гусеницах, как и простые танки. Но когда попадут в воду, или, как мы говорим, садятся на плав, их двигает винт, устроенный сзади, как у моторной лодки. Водитель переключает мотор танка с гусениц на винт.

Советским танкистам не страшны никакие водные преграды. Враг не загородится от нас никакими водными пространствами — все равно на своих амфибиях мы его настигнем и будем бить.

Но вода коварна, и, чтобы ее покорить, надо много учиться и тренироваться в управлении машиной. Я хочу рассказать один случай из своей практики.

В очень бурную погоду колонна амфибий форсировала громадное озеро.

Волны бьют в борта машин, качают. За волнами не видно даже берега, от которого мы только что отошли.

Удары волн сбивают меня, я чувствую, как дрожит тело машины, точно мы едем по кочкам. Чем дальше мы продвигались в озеро, тем больше были волны. Вдруг какой-то толчок, и волны начинают поворачивать машину — винт не работает, что-то его заело.

Быстро сбрасываю все обмундирование, открываю люк и вылезая на скользкую броню танка. Через секунду я уже за бортом. Подплываю к корме и ныряю под броню. Вокруг винта обмотался обрывок рыбацкой сети. Кричу:

— Поддай нож!

Одной рукой я режу и кромсаю сеть. Наконец, винт свободен, и стрелок помогает мне влезть в машину. Командир уже включил винт, машина снова стала под углом к волнам и идет по курсу.

На противоположный берег озера мы вышли мокрыми, но без всякой аварии.

Водитель-механик С. Дрожжин

Трофим Денисович Лысенко.

Секрет академика Лысенко

В. Сафонов

Необычайные растения

Сообщения одно удивительнее другого стали за последнее время появляться в наших газетах:

«Урожай пшеницы сделались больше, чем когда бы то ни было».

«Тысячу огромных составов товарных поездов, доверху груженных зерном, — так заканчивается телеграмма, — дал стране метод яровизации, предложенный Лысенко».

«Во всем мире картофель не удавался на юге. По непостижимой причине он вырождался. Тщетно бились десятилетиями

ученые всех стран и опытниейшие агрономы над загадочным капризом картофеля. Теперь «тайна» картофеля раскрыта. Никакой «картофельный голод» никогда не будет страшен нашим южным степям».

И в специальном постановлении нашего правительства сказано: посадка картофеля должна производиться по способу Лысенко.

Но телеграммы следуют за телеграммами:

«Произошла невероятная вещь: в полтора года выведен новый, лучший сорт пшеницы. Все свойства его были наперед

предсказаны с такой же точностью, с какой астроном предсказывает солнечное затмение».

«Старые хиреющие сорта хлебных злаков, с которыми ничего не могли поделать селекционеры всего мира, обновлены. Будто свежая кровь влита в их одряхлевшие жилы».

«Озимая пшеница превращена в яровую».

«Хлопчатник стал давать урожай раза в полтора больше».

«Поставлены под сомнение законы Менделя, в которые генетики верили так, как математики верят в таблицу умножения».

«На Украине вырастет хлопок не хуже среднеазиатского».

«Скоро мы будем косить пшеницу за полярным кругом».

«Под Москвой раскинутся персиковые сады».

И всюду то же имя:

Лысенко. Лысенко. Лысенко.

Специалисты — да и неспециалисты — в Москве и Ленинграде, в Омске и Киеве, в далекой Англии и Швеции с изумлением обсуждали эти сообщения.

Речь шла о человеке, наделенном необычайной властью над живым организмом.

Горячие головы вспоминали об «Острове доктора Моро» Герберта Уэллса. Нечкий гениальный хирург, заворвавшись от всего мира, перекраивал там живые существа, как перекраивают штаны и пиджаки в портняжной мастерской. Он создавал человеческие подобия из быков, свиней, гиев, кроликов и пум. Природа подчинялась его ноуу так, как глина подчиняется горшечнику.

Но, если вы помните, фантастический остров Моро так никому и не удалось разыскать. Он затерялся где-то в южном океане вместе со своими пальмами, жемчужным кольцом коралловых рифов и странным своим населением.

И вот воочию, открыто для всех существует место чудеснее острова Моро. Еще более могучая власть над живой природой не растрачивается на забавы, на фабрикацию уродцев, как в английском романе, — нет, она вся строго направлена на самое нужное, самое неотложное, самое важное. Она задалась целью улучшить, увеличить то, чем живут люди, нашу пишу, наше богатство. Она создала целый особенный мир растений: сотрудников и помощников человека.

И вот в мае этого года мне удалось побывать на родине необычайных растений, в Одесском селекционно-генетическом институте Лысенко.

Говорят, что это самая поразительная в мире фабрика перделки природы.

Но это — очень неточное сравнение: там нет ничего похожего на фабрику. Когда проедешь тихой и пыльной старинной одесской слободой, у железной дороги на Киев, покажутся черепичные крыши белых домов. Кругом сад, сквозь ветви деревьев замечаешь стеклянные теплицы, странный ряд ламп — прожекторов над зеленой грядкой. А дальше — поля, поля, поделенные на узкие полоски и квадраты.

Тут сразу охватывает особенная, степная тишина, и куда ни глянешь кругом, — только широко ходят волны ветра по колосющимся хлебам до самого горизонта, который тоже весь дрожит и колеблется: видно, как там восходит от земли струя горячего воздуха в южный полдень.

Это широкое поле, неприметно сливающееся с соседними богатыми колхозными полями, — оно и есть главная, на весь мир известная лаборатория Селекционно-генетического института.

Но что же происходит на этом, с виду таком обыкновенном поле?

Десять миллионов центнеров

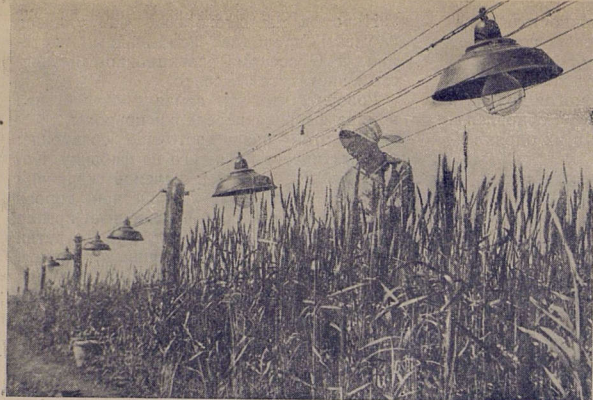
В музее Селекционно-генетического института хранятся два снопа. Один похож на мочалку. Другой — пышный куст, весь в тяжелых колосьях.

Это одна и та же пшеница одного и того же сорта. Только первый сноп вырос из неаровизированных, а второй — из аровизированных семян.

Испокон веков все знали, что есть пшеницы яровые и есть пшеницы озимые. Одни надо сеять весной, а другие — с осени. Посей озимую пшеницу с весны — ничего не получится: вырастет травой, а колосу не даст. Так с этим и мирились: природное свойство, ничего не поделаешь! Вероятно, лето слишком коротко для озимой пшеницы.

Ну а если высеять ее в теплице? Лето ведь там можно сделать каким угодно длинным и жарким.

Лет десять назад молодой агроном, носивший никому не известную фамилию Лысенко, проделал подобный опыт. Выросла сочная кустистая трава. Недурное вышло бы сено. Только вот колосьев нет и нет.

«Световой участок». С помощью мощных ламп тут можно создать непрерывный день для растущих злаков.

Вот тут-то и пришел Лысенко к первому своему замечательному открытию. Было оно довольно неожиданным. Рост и развитие — не одно и то же. Озимая пшеница в теплице, несомненно, росла. Но она совсем не развивалась. Всю жизнь она оставалась в «отроческом» возрасте. Представьте себе ребенка, выросшего как великан, но так и оставшегося ребенком: с пухленькими ручками и ножками, с детской речью.

Какой-нибудь крохотный стебелек, выросший из пшеничного зернышка, случайно оброненного осенью у дороги, и тот гораздо взрослее и «старше» кудрявой тепличной пшеницы!

Значит, озимая пшеница не просто «выносит» зиму: ей нужно сначала померзнуть.

Ее развитие должно начинаться со стадии, когда она требует холода. Эту первую стадию после назвали стадией яровизации.

Сейчас, когда уже все исследования давно сделаны, ход мыслей Лысенко кажется очень ясным. Что, если взять росток озимой пшеницы, чуть «наклонившийся» в зерне, и дать ему — скажем, в амбаре — тот холод, которого он требует? Во сколько же раз удастся сократить эту стадию яровизации!

Теперь все это испытано на десятках миллионов колхозных гектаров. Озимую

пшеницу, рожь, озимый клевер, рапс, если их яровизировать, смело можно сеять весной. Мало того: яровизация переставляет и яровую пшеницу. Она созреет скорее и урожай даст больше — в среднем на один пентнер с гектара. Вот это и поставило в прошлом году 10 миллионов центнеров, тысячу товарных поездов, груженных зерном!

Лабораторное наблюдение, превратившееся через 10 лет в 10 миллионов центнеров хлеба, — разветвленная судьба научного открытия?

Как-то весной, когда пшеница пошла в трубку, тот же молодой агроном Лысенко выбрал несколько ростков и стал каждый день на несколько часов прикрывать их горшком. Все оставалось попрежнему. Только день стал для этих ростков немного короче.

И что же? С них так никто никогда и не собрал семян. Такие опыты делались и раньше. Но только теперь стал ясен их смысл. После того как растение прошло стадию яровизации, оно вступает во вторую стадию — световую. Теперь сомнений не оставалось. Открыты какие-то новые, неведомые до того ботаникам законы жизни растений. Выяснилось, что развитие растений состоит из непохожих друг на друга стадий и на каждой стадии растение предъявляет особые требования к окружающей среде.

Таких стадий известно пока две. Первая — стадия яровизации: для нее важна определенная температура, и вторая — световая: для нее важно определенное количество света.

Открыть остальные — дело будущего. Возможно, что всех стадий пять или шесть.

Учение о стадийном развитии растений (так названа теория Лысенко) произвело

переворот и в ботанике и в сельскохозяйственной науке.

Оно принадлежит к тем открытиям, которые сразу прокладывают широкую дорогу там, где раньше видели глухую стену.

Вот почему Лысенко не остановился на этом первом открытии: оно потянуло за собой десятки других.

Как была „приручена“ картошка

Теперь в этом можно убедиться своими глазами. Можно, если угодно, пощупать руками. Во всяком случае, тут нечего даже сравнивать. Целая гора огромных картофелин — и рядом кучка крошечных, с лесной орешек!

А между тем печальная история «картофельных злоключений» тянулась очень долго. Гость с южных чилийских Кордильер оказался своенравен и прихотлив. Именно на теплом юге, в степях, он ни за что не хотел расти. Уже в первый год картофель, посаженный на юге, мельчает. На второй год из-под каждого куста выкапывают по полфунта, а то всего и четверть фунта жалких «орешков». На Украине, во Франции, в Италии, в Америке тщето ломали головы над тем, чтобы хотя бы объяснить это непонятное и неуклонное вырождение картофеля на тучной земле, под благодатным небом.

«Рецепт» Лысенко, о котором вы читали во всех газетах, прост и совершенно неожидан: сажать картофель не весной, а... в самый разгар лета!

Сначала это казалось попросту диким. Картошка у вас не растет на жарком юге, так вы ее хотите посадить как раз в самое жаркое время?

И вот тогда и решила все споры очевидность, та самая, которая глядит на вас с фотографии: из-под каждого куста летней посадки выкопали по кило-

грамму, а то и больше картошки и — посмотрите сами — какой картошки!

А разгадка вот в чем. Клубни «весеннего» картофеля развиваются жарким летом. Они дряхлеют и вырождаются. Картофель, выросший из этих клубней, начинает свою жизнь стариком. А картофель, высаженный летом, развивается прохладной осенью: он не вырождается.

Просто? Но чтобы такая простота пришла в голову, надо, чтобы сначала была создана теория стадийного развития растений.

В институте я видел куст хлопчатника, весь увешанный ватой. Он походил на какого-то елочного деда-мороза. Вокруг него стояли кусты, на которых среди зеленых угловатых листьев виднелось всего несколько ватных корбочек.

— О, это совсем просто,— объяснили мне.— Чеканка хлопчатника по методу Лысенко. Когда появляются 4—5 бутонов, верхушка куста отламывается и срываются лишние боковые почки вместе со старыми листьями. Как только куст освободится от «нахлебников», все соки его пойдут в ценные ватные корбочки.

И мне вспомнился старый шуточный рассказ о том, как великий Колумб, открывший Америку, разрешил задачу, как поставить яйцо стоймя. Он просто ударил его о стол, носок разбил, и яйцо осталось стоять. Но до этой простоты не додумался никто до Колумба.

Слева пять клубней картофеля обычной весенней посадки. Все они вместе едва весят 100 граммов. Справа пять клубней картофеля того же сорта «Элла», посаженного по способу Лысенко. Каждый клубень — почти полкило весом!

Муки профессора Меллера

Восемьдесят лет тому назад ученые были твердо убеждены в неизблемости и неизменности животных и растений всех пород, сортов и видов.

Верить в то, что одно животное может превратиться в другое, а из посеянных семян могут вырасти небывалые и совсем того неизвестные злаки или цветы, казалось им так же нелепым, бессмысленным и вовсе ненаучным, как, скажем, верить в огненного змея.

— Покажите мне курицу, у которой отрос бы павлиний хвост, — говорили эти ученые.

И они вычисляли, сколько раз всемирный потоп должен был затопить грешную землю, чтобы смыть всех этих аммонитов, ихтиозавров, мамонтов, огромные хвощи и сигиллярии и дать возможность господу богу заселить ее птицами, волками, овцами, пшеницей, маргаритками и нами, людьми.

Это «высоконаучное» и совсем непохожее на веру в огненного змея занятие было прервано, как известно, Чарльзом Дарвином. Он напомнил ученому миру о людях, которые, не имея никаких научных степеней, давно и на практике доказали, что жизнь — изменение. Великие садоводы и животноводы создали целый мир живых существ, каких и не бывало на земле: деревья, сгибающиеся под тяжестью душистых плодов, хлеба с тучными колосьями, кур, кладущих яйца чуть не каждый день, причудливых золотых рыбок и петуха «Феникс» с двухметровым хвостом.

Эти люди не были волшебниками: они, сами не догадываясь об этом, просто применяли естественные законы, великие законы изменения, развития, эволюции живых существ. Эти законы — только гораздо медленнее и без направляющей руки человека — всегда действовали в природе. И весь живой мир на земле менялся от тысячелетия к тысячелетию. Все бесчисленные окружающие нас существа произошли постепенно от немногих первобытных предков. Да откуда бы им и взяться иначе?

Эти великие и простые мысли произвели, как об этом вспоминал сам Дарвин, впечатление разорвавшейся бомбы на его ученых коллег. Впервые был сорван покров с «тайны из тайн»: с законов, по которым идет жизнь в живом теле, и было

Куст хлопчатника, весь увешанный белыми «корзинками» ваты. Этот чудесный куст Лысенко вырастил на Украине.

сказано, что, изучив эти законы, можно получить власть над жизнью, по-своему направлять ее.

Вскоре после того как дарвиновское «Происхождение видов» все перевернуло вверх дном в биологической науке, некий австрийский монах в небольшом городке Брюнне делал на досуге опыты в монастырском саду. Монаха звали Грегор Мендель. Он брал, между прочим, два сорта гороха — один с желтыми, другой с зелеными семенами — и скрещивал их. Поразительная вещь! После скрещивания на всех горохах завязались только одни желтые зерна. Мендель был упрям. Он решил еще раз посеять эти желтые зерна и посмотреть, что получится.

Получилась вещь, еще более поразительная. В стручках сидели и желтые и зеленые семена. Но в общем желтых было гораздо больше: примерно в три раза больше чем зеленых.

Отчего это могло произойти?

Мендель придумал такое объяснение своему открытию. В семенах гороха уже есть зачатки желтого и зеленого цвета будущих семян. Зачатки «желтого цвета» скрываются в семенах, собранных с желтозерных родителей, зачатки «зеленого цвета» — в семенах, снятых с зеленозерных горохов. Но это зачатки неравной силы: «желтый» сильнее. Если бы «желтый» и «зеленый» встретились вместе, — одолел бы «желтый». А при скрещивании они как раз встретились. Вот почему все горохи после первого скрещивания вышли желтозерными.

Но на этот раз они были только с виду желтыми. Ведь в них был и «зеленый зачаток». Правда, подавленный, ни в чем незаметный, невидимый.

Когда на гороховом кустике, выросшем из такого зернышка, в свою очередь завязались семена, зачатки «зеленый» и «желтый» растасовались по ним, как такуется колода карт. Были семечки с одними «желтыми» зачатками, были семечки опять с обоими вместе, были, наконец, и такие, куда попали одни «зеленые» зачатки.

Теперь вы знаете, что только эти последние семечки, где «зеленый» зачаток «отделался» от сильного желтого соперника, и могли стать зелеными с виду.

А сколько должно было встретиться таких семечек — это очень простенькая математическая задача, легко разрешаемая теорией вероятностей: «зеленый» зачаток мог оказаться в одиночестве только в одном случае из четырех¹.

Итак, во втором поколении должно было произойти «расщепление» горохов на желтые и зеленые по закону три к одному!

Вот это и есть знаменитый закон наследственности, который Мичурин называл потом, посмеиваясь, гороховым законом.

Мендель был упрям. Упрямство послужило ему хорошей службой. Его назначили настоятелем. Он начал какие-то бесконечные тядбы с городским самоуправлением о монастырском имуществе. Больше ему было не до садовых опытов. И мог ли он предвидеть, что его «гороховый закон» породит целую огромную науку об изменчивости и наследственности — генетику — и множество ученых в разных странах

будут с пеной у рта доказывать, что это самый важный биологический закон вообще?

Десятки тысяч микроскопов направлялись на семенные и пыльцевые клетки, отыскивая наследственное вещество — хранителя таинственных «зачатков». Десятки тысяч перьев и карандашей выписывали головоломные математические формулы для сложнейших «расщеплений».

«Наследственное вещество», глубоко скрытое где-то в недрах клеточного ядра, упорно охраняло неизменность передачи родительских признаков, стояло на страже чистоты сортов и пород.

Загадка наследственности, казалось, была решена. Но тем больше запутывалась загадка изменчивости. Как могла происходить эволюция, раз ничто на свете не в состоянии добраться до «наследственного вещества» и изменить его?

Быть может, некоторые читатели «Пионера» помнят рассказ о мухах профессора Меллера?

Это было одиннадцать лет назад — в 1927 году. Профессор Меллер, американский генетик, задался целью во что бы то ни стало пробить броню наследственного вещества. Он прибегал для этого к самым необычным средствам. Однажды он взял пробирку, где жили крошечные мушки дрозофилы, и направил на нее снопы рентгеновских лучей. И у мух, просвеченных рентгеном, родилось необычайное потомство. Мухи с белыми и киноварными глазами, с черным телом, с загнутыми крыльями, почти вовсе без крыльев.

Меллер изменил «наследственное вещество»! Меллер вызвал искусственные «мутации»! Это была одна из самых больших сенсаций за все время существования генетики.

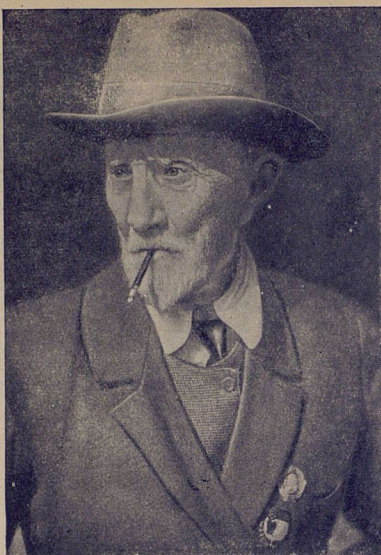
Правда, наиболее осторожные ученые спрашивали: думают ли генетики, будто в земном воздухе так много рентгеновских лучей, что всю эволюцию можно объяснить ими?

Нет, генетики этого не думали. Они не отрицали также, что мухи, которые родились в меллеровских пробирках, были, по большей части, безнадежными уродами.

Самое печальное было то, что никак нельзя было предвидеть, какая именно из уродливых «мутаций» появится после «рентгенизации».

Один ученый, увлеченный опытами Меллера, предлагал просвечивать рентгеном

¹ Могло получиться четыре комбинации: 1) желтый — желтый, 2) желтый — зеленый, 3) зеленый — желтый, 4) зеленый — зеленый.

*Великий создатель новых растений —
Иван Владимирович Мичурин.*

пшеницу. Авось среди множества пшеничных мутаций, какие появятся после этого, окажутся и такие, из которых можно будет вывести какой-нибудь изумительный сорт, скажем, такой, какой будет расти в песках пустыни или на вечной мерзлоте. Этот ученый делал доклад на научной конференции. Среди слушателей нашелся остроумный человек, который сказал ему:

— Знаете что? Слушая вас, я придумал отличный способ починки испорченных часов. Часы надо просто кидать на пол. Возможно и даже скорее всего, что почти все часы при этом разобьются. Но пусть вам не смущает это: авось у каких-нибудь часов винтики и колесики так замечательно станут на место, что часы пойдут лучше новых.

Многих генетиков, в самом деле, это мало смущало.

«Наследственное вещество прямо передается от родителей к детям, — писали они в книжках. — Оно таинственно и капризно. Иногда оно изменится ни с того ни с сего, иногда его не может изменить ничто на свете. А верить в то, что воз-

можно изменить его по своей воле и как тебе нужно, — это все равно, что верить в огненного змея».

Вот тут-то они и ошибались.

Время от времени появлялись люди, совсем плохо разбиравшиеся в генетических формулах, но зато знавшие как будто какие-то другие, неведомые генетикам, но более могучие законы природы.

Несколько десятилетий назад весь мир был полон славой одного такого человека. Этот человек был Лютер Бербанк. Кажется, природа была в его руках как мягкий воск. В его саду в Калифорнии цвели синий мак, черные розы, маргаритки с цветами в блюдечко; у слив Бербанка не было косточек; кактусы были без шипов, как гигантская капуста; к столу подавались «солнечные ягоды», каких не видел до того ни один садовник, и душистые сладкие плоды, выросшие на паслене и бузине.

— Вы чудесник! — говорили Бербанку. — Скажите, как надо изучать законы Менделя, чтобы добиться того, чего добились вы?

— Я советую вам, — отвечал Бербанк, — начать изучение Менделя чтением Дарвина, затем покончить с Менделем и почитать Дарвина более основательно.

Но «калифорнийский чудесник» умер. Американцы, разрекламировавшие его, не задумались продать с молотка легендарный питомник в Санта-Розе.

В это время на другом конце земли, около советского города Козлова, работал замечательный старик — Иван Владимирович Мичурин. Он не гнался за эффектами. Он считал, что с черными розами можно подождать. Он делал другое, еще более великое дело. За свою долгую жизнь он создал целый пестрый лес фруктовых деревьев — северян. В этом лесу ветви яблوك и груш гнулись от сотен огромных полуторафунтовых плодов. Вилась дикая лиана актинидия, вся в гроздях ягод, сладких, как виноград. Персики соединились с абрикосами. Гроздья, похоже на виноградные, повисли на странном дереве — помеси вишни с черешней. Да и сам прихотливый южанин — виноград — переехал под Москву.

И город Козлов стал городом Мичуринском, по имени человека, который создал 300 новых сортов деревьев, вдесятеро больше того, что было до этого в наших северных лесах и садах.

Старик Мичурин умер. Но дело его

осталось жить в нашей Советской стране. Мичурицы работают сейчас во всех концах Союза.

Вот к таким людям, преобразователям и покорителям природы, и принадлежит Трофим Денисович Лысенко. Не даром он считает себя прямым учеником Мичурина.

Омоложение пшеницы

Таинственное и неуловимое «наследственное вещество» должно было охранять «чистоту сорта». Под бдительным надзором генетиков оно должно было уберечь на веки-вечные лучшие сорта хлебов от изменений и порчи, словно консервы в банке.

— Только избегать всякой, самой малейшей примеси! Пусть каждый пшеничный колос опыляет сам себя. И тогда все оно, это драгоценное наследственное вещество, останется в наших руках: ему некуда будет уйти.

Это был знаменитый метод «инцухта», как его называют генетики, — метод «разведения в себе», самоопыления.

Каждый пшеничный колос опылял себя сам. Год за годом, десятки лет.

И, тем не менее, невероятным, неопостижимым образом своеобразие «наследственного вещества» менялось. Оно уходило как вода сквозь пальцы.

Врождение настигало самые испытанные сорта. Они дряхлели, впадали в непонятную пшеничную старость. Только старики помнят сейчас названия многих сортов пшениц, которые славились по всему югу несколько десятилетий назад.

Вот тут-то и выступил Лысенко со своим «еретическим» предложением. Время от времени надо прекращать самоопыление. Надо приливать свежую кровь и обновлять сорт скрещиванием.

Делается это очень просто. На нескольких десятках и сотнях колосьев выстригаются тычинки. Без тычинок и без пыльцы эти колосья уже не смогут опылить себя сами. Разумеется, эти колоски помечаются. Остальное — дело самой природы. Над зеленым хлебным полем вместе с бабочками и золотыми шмелями носятся тучи пыльцы. Она-то и опылит обстриженные колосья. Свежая чужая «кровь» обновит их дряхлеющую жизнь. Остается собрать с них семена, высеять раз, другой, размножить их — и тогда смело можно ими засеять поля.

Какую неслыханную бурю вызвало это предложение!

— Лысенко хочет уничтожить все наши сорта! Представляет ли он себе, что он соберет на своих обкаранных колосьях? Помеси всех сортов, дикие соединения всех злаков в поле, да вероятно, — чорт его знает, — еще каких-нибудь сорняков! Мы отказываемся писать сумасшедшие формулы для фейерверка расщеплений, которым он, как дважды два — четыре, засыплет наши поля!

И вот — ничего не последовало. Не только фейерверка, а просто никаких расщеплений. Вот они, длинные полоски, где высеяны потомки выстриженных колосьев, с каждого по отдельности. Их можно отличать на глаз. Вот это потомки высокого растения — как ровно и дружно поднялись все три полоски, засеянные его семенами! Вот это с кустистого растения с листьями в сизом налете — можно об этом даже не спрашивать, все как один ростки на этих деланках громко кричат об этом.

И — самое замечательное — все грядки скрещенных, обновленных растений выше, пышнее любой грядки из «самоопыленных» семян.

Потом я еще нагляднее убедился в этой силе новой «крови», прилитой в старый сорт. Я видел могучие, усатые, похожие

«Омоложенная пшеница». Вот такие колосья (тройка справа) получаются после внутрисортного скрещивания. Сравните с тройкой «обычных» колосьев слева!

на ячмень колосья яровой пшеницы «мялянопус» и гигантские, в четверть длиной, колосья московской пшеницы, обновленные «внутрисортовым скрещиванием».

Но Мендель — это арифметика. Как может быть не права арифметика? Почему не произошло расщеплений при «вольном» скрещивании обстриженных колосков? И почему расщеплялись менделевские горохи?

Когда речь идет о колоде карт, которые падают тасовать, или о том, как часто выпадет герб на подброшенном пятакке, — арифметика, теория вероятности всегда права.

Мендель скрестил насильственно свои горохи и потом сложил вместе результаты огромного числа опытов. Вот почему у него получилось впечатление, что его растения вели себя, как колода карт, где вместо королей и валетов тасовались «зачтки».

Но есть только одно объяснение для дружных, ровных, пышных полосок, выросших в Одессе из «скрещенных» колосьев: среди тучи пыльцы, которую приносит ветром, растение выбирает пыльцу по себе. Выбирает, а не опыляется безразлично любой пылинкой. Только организмы, подходящие друг к другу и укрепляющие друг друга, соединяются, если дать свободу природе.

В этом поле, среди меченых красными нитками обстриженных колосьев, мы стоим как бы у порога, за которым, воочию видимо и осязаемо, ведут свою работу самые глубокие, самые важные и прекрасные законы, управляющие всем живым на земле — и животными и растениями. И как непохожи они на жалкие листки бумаги с наивными формулами!

Не даром Лысенко говорит о «браке по любви» у своих пшениц...

История „818 × 0274“, быстрее всех растущей

Уже несколько лет колосится на колхозных полях превосходный нозый сорт пшеницы «1163», выведенный Лысенко в невероятный, «рекордный» срок: в 2½ года. Это была настоящая сенсация в селекции (в «Пионере» в свое время уже рассказывалось об этом).

Повезло? Случайная удача? Нет. Теория стадийного развития вооружила Лысенко могучим способом для переделки растений. Сейчас этот способ применяется ин-

ститутом в самой обычной, повседневной работе.

Вот как, например, один из рядовых сотрудников института недавно вывел, по заданию Лысенко, сорт пшеницы, поспевающей раньше «стандартного», для Одесской области сорта «лютесценс 062».

Генетики только развели бы руками, получив такой «заказ». Выводить сорт в «плановом порядке»? В учебнике Хохлова и Лисицына прямо написано, что «положительных результатов при выведении новых сортов можно достигнуть только случайно», пробуя и ошибаясь, ошибаясь и пробуя, лет этак через пятнадцать. Сам Меллер, освещавший рентгеном пробирки с дрозофилами, признал бы затею Лысенко абсурдом.

Новый сорт должен был созревать раньше чем «лютесценс 062». И вот в институте совершенно неожиданно для всех генетиков взяли два очень поздних (их даже почти не разводят в Одессе) сорта: «ферругинеум 818» и «гирку 0274» — и скрестили их!

Первая тысяча зерен «гибрида», помеси гирки с ферругинеум, была высеяна 17 июля 1935 года. Стояла удушливая жара, земля, выжженная засухой, казалась тусклой от пыли, висевшей в воздухе. Надо было ухаживать за каждым ростком пшеницы, как за самым дорогим цветком.

И вот ростки выколосились к 20 августа. «Опоздавших» безжалостно вырвали: из них прока не будет. К началу октября, когда оба «родителя» даже не созрели, уже был убран урожай гибрида. Отбрали по зернышку. Из 700 граммов отбрали 4 тысячи зерен — 120 граммов.

Посеянные тут же, в октябре, в теплицы, они дали 22 марта 1936 года 11 тысяч зерен.

Нельзя было терять ни минуты. Когда снова показали всходы, рассаду высадили в парники. Подошли долгие весенние дни. Ростки затеняли на несколько часов в день, чтобы задержать световую стадию. И тогда они начали куститься. Целый лес стеблей пошел с одного корня. Каждый куст пшеницы напоминал крошечную рощу — пшеница стала расти совсем так, как растет баньян, индийская священная смоковница.

И вот к пшенице пробрался и напал на нежные ростки проволочник, страшный вредитель. Люди не спали по ночам. Кто-то подсчитал, что научные сотрудники поймали руками 22 тысячи проволоч-

ников. Поливали суперфосфатом. И в первых числах июля было собрано 45 килограммов семян. Это был урожай сам-750!

В сентябре 1936 года — на 3 месяца раньше срока — в институте было 180 килограммов зерна новой пшеницы, которая созрела почти на 2 недели раньше чем «лютеценс 062» и меньше боялась болезней, гессенской и шведской мушки.

Только один человек не был поражен этим результатом: это сам Лысенко. А как же могло быть иначе?

Нет, совсем не наобум были взяты поздние, непригодные «гирка» и «ферругинеум», чтобы получить небывало раннюю пшеницу. У «ферругинеум» очень затягивается стадия яровизации — вот почему она запаздывает. А «гирка», совсем быстро и легко одолевающая стадию яровизации, «спотыкается» на световой стадии. Так вот и надо соединить способность «гирки» быстро проходить стадию яровизации со способностью «ферругинеум» справляться со стадией световой.

Да и выведение этого сорта (одного из многих!) совсем не было для института «событием». Просто — будничное дело, «обычная аспирантская работа», как говорят в институте.

Новая жизнь „кооператорка“

И вот та же теория стадийного развития растений привела Лысенко к идее неслыханной смелости. Идее изменить, переделать самое «наследственное вещество» — и не как-нибудь, а тоже по «плану», в ту сторону, в какую это нужно человеку. И без всяких рентгеновских лучей, страшных ядов и прочего оглушающего арсенала средств, к каким никогда не прибегала природа до появления на свете генетических лабораторий.

Может быть, точнее будет сказать так, что Лысенко вообще задумал уничтожить миф о каком-то особом, прячущемся в организме «наследственном веществе».

Он взял «кооператорку», обычную озимую пшеницу. Было известно, что «кооператорка» проходит стадию яровизации при температурах от нуля до 15 градусов тепла. Только при нуле или 2 градусах эта стадия заканчивается в 40 дней, а при 10—15 градусах растягивается дней на 120.

Так вот «кооператорку» посеяли в теплице: там было примерно около 12 градусов тепла. Терпеливо ждали, пока она созреет.

Семена собрали, посеяли опять. Любо-

пытная вещь! «Кооператорка» во второй раз созрела уже скорее. В третий — еще скорее. Озимая «кооператорка» стала почти тропическим растением! Она стояла в теплице вся в тяжелых колосках. Она изменилась и внешне. Стебли ее ветвились. Часто на одном стебле было по два колоса. Это было совсем другое растение.

Тогда ее посеяли весной, в поле, без яровизации, как обычную яровую пшеницу. А рядом посеяли ту же «кооператорку» и даже из того же самого колоса — прадедушки, — только она никогда не росла в теплице.

Я видел в конце мая обе эти полосы. Озимая стлалась по земле крошечными пустыми, травяными кустиками верхка в два роста. «Тропическая», ростом в аршин, уже колосилась. Было почти невозможно заставить себя поверить, что это — одно и то же растение, больше того, потомки одного и того же колоса. Это противоречило решительно всему, чему мы учились по учебникам генетики. Это был не в о з м о ж н ы й ф а к т.

Но спорить было не о чем. Я видел это собственными глазами.

Человек овладел самой большой тайной жизни. Он подчинил себе самую суть ее — законы роста, развития, эволюции живых существ. Он наново слепил «наследственное вещество» — так, как заранее предсказал. И добился этого не тем, что сломал организм рентгеновскими лучами или чем-нибудь в этом роде, а тем, что просто дал свободно действовать законам развития и только направил это развитие.

Я не знаю, сумел ли я передать здесь то совсем особенное ощущение, с каким я провел несколько дней в Селекционно-генетическом институте Лысенко. Не кажется ли это скучным, даже обыденным в моем рассказе? На самом деле меня не покидала мысль о чудесном, почти волшебном саде. Будто к глазам придвинули магическое стекло и сквозь него видна настужь распахнутая, никогда не виданная прежде жизнь растения, видно, как растут травы, как совершают свою таинственную работу законы, управляющие жизнью миллионов зеленых тел вокруг нас, — и простыми, легко достижимыми кажутся вещи, еще недавно немислимые. Здесь я не пересказал и десятой доли того, что уже сделано в институте.

Я видел множество новых сортов, созданных руками человека в рекордно короткие сроки — 2½, 2, 1½ года: пшеницы,

Трудно поверить, что это — одно и то же растение. Полоска стелющейся травы — озимая «кооператорка», высеянная весной. А рядом та же «кооператорка», высокая, колосющаяся: ее переделал Лысенко.

ячменя, овса. «Кооператорка» уже превращается из озимой в яровую в течение одного поколения. Но если ее можно сделать «тропической», быть может, ее можно, что более важно, сделать и «полярной»? Вполне возможно. Институт решает сейчас эту задачу.

Институт создает также северный хлопок. Ползучие, стелющиеся по земле плодовые деревья сибирских садов Кизюрина также перекочевали в Одессу.

Знаете ли вы, что пирамидальные серебристые тополя — украшение наших южных городов — дряхлы и накануне вырождения? Лысенко обещает влить в них новую жизнь.

Он хочет создать персики, которые мы с вами могли бы собирать в подмосковных садах.

Я видел странные, фантастические помидоры и картофель. Разные помидорные и картофельные сорта привиты друг на друга. И — невероятная вещь! — сросшиеся растительные «чудовища» дают совместные плоды и клубни, похожие на оба сорта, как будто они были не привиты

только друг на друга, а по всем правилам скрещены.

В Одесском институте работают особые люди, с особыми более остро видящими глазами. Временами кажется, что они понимают язык растений. Однажды в присутствии целой группы профессоров и академиков Лысенко осматривал всходы, среди которых надо было произвести отбор. Различия были неувидимы. Гости стали втупик. Все растения им казались одинаковыми. Лысенко, почти не присматриваясь, проходя, отбирал нужные растения. Впоследствии, когда различия стали резкими, когда одни растения созревали скорее, другие запоздали, выяснилось, что он ни разу не ошибся.

С такой же особенной, поразительной для всех зоркостью глаза обходил, говорят, старик Мичурин ряды своих молодых саженцев.

Осматривая поля Одесского института, приходишь к убеждению, что десятки других институтов должны были бы подхватывать тысячи вопросов, проблем, идей, которые зарождаются в этом изумительном средоточии научной мысли. Де-

сятки институтов ботанических, агрохимических, даже зоологических. Ведь идеи Лысенко гораздо шире только ботанического их приложения. Они позволяют яснее понять жизнь всех существ — и животных и растений.

И когда они будут подхвачены всем многотысячным коллективом советских ученых, какими семимильными шагами двинется вперед подчинение природы человеку!

Сказочный город

Академику Трофиму Денисовичу Лысенко, бывшему сельскому агроному, сыну колхозника, в этом году исполнилось только 40 лет. У него впереди еще несколько десятилетий жизни и работы.

Все, о чем здесь рассказано, он сделал всего в 10 лет.

На II всесоюзном съезде колхозников-ударников в Москве он говорил:

— В нашем Советском Союзе люди не рождаются, рождаются организмы, а люди у нас делаются — трактористы, мотористы, механики, академики, ученые. Я не родился человеком, я сделался человеком. И чувствовать себя в такой обстановке — больше, чем быть счастливым.

В другой раз, на предвыборном собрании, Лысенко, кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, сказал:

— Меня часто спрашивают, кто мои родители. И я обычно отвечаю: крестьяне, с 1929 года в колхозе. А по сути у меня есть и другие родители: коммунистическая партия, советская власть и колхозы. Они меня воспитали, сделали настоящим человеком.

— Что такое яровизация? Ее не было бы, если бы не было колхозов и совхозов. И если бы не было советской власти, то я, наверное, не был бы на научной работе.

Лысенко считает, что его опыты удаются только в том случае, если их подтвердит проверка на тысячах и миллионах гектаров колхозной земли. Так было с яровизацией. Так обстоит дело с внутри-сортовым скрещиванием.

Колхозники — постоянные и желанные гости в институте. От них там нет секретов.

И Лысенко, самый знаменитый наш

ученый, президент Всесоюзной сельскохозяйственной академии имени Ленина, избранный на 1-й сессии Верховного Совета СССР заместителем председателя Совета Союза, любит говорить так:

— У меня миллионы сотрудников. Без них мой институт был бы ничто.

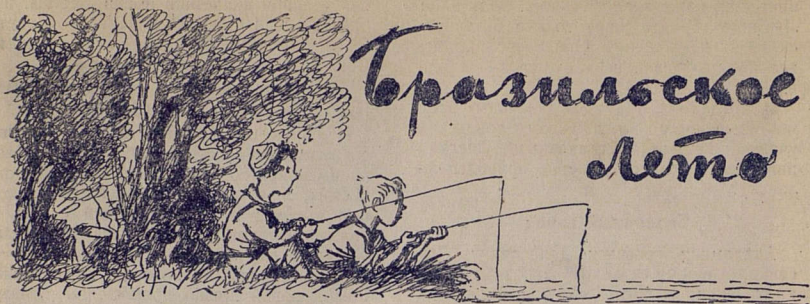
И у Лысенко в самом деле множество сотрудников: Кизюрин, собирающий яблоки в Сибири со своих стелющихся садов; Цидин, скрестивший пшеницу с многолетним пыреем; Юдин, выведший ячмень с голыми зернами, приносящий невероятные урожаи; замечательный опытник — мичуринец Мальцев; колхозники, возвращающие к новой жизни дряхлеющие ценные сорта хлебов, — все они делают то же дело, что и Лысенко.

Сказочный городок сейчас строится под Москвой. Это Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Там вы увидите животных, о которых не написано ни в одной зоологической книге, и плоды, которые грезились только в детстве, когда все мы мечтали стать великими путешественниками и поехать открывать неизвестные земли под тропиками. Это природа, покоренная и переделанная советскими людьми.

Возвращаясь из этого сказочного городка, поневоле мечтаешь о будущем. И там, в этом недалеком будущем, я вижу такую картину:

...Пролетая из Батуми в Лос-Анжелос (Калифорния), приземлившись остановился на берегу Ледовитого океана. Короткое полярное лето еще не успело растопить весь снег. Но по столбам веранды аэропорта взбирались вьющиеся растения. Их диковинные цветы походили на орхидеи. Ветер шевелил жесткие листья стройных деревьев, напоминавших пальмы. Далеко, в сизой дымке, убегали поля. Гигантские колосья смыкались над идущим человеком. Пастух гнал стадо коров, покрытых, как шубами, длинной шерстью. Ряды невысоких зданий с алюминиевыми куполами тянулись по прибрежью в сторону от многолюдного города. Сложные механизмы добывали там энергию из ледяных вод полярного моря...

И мы с вами доживем до этого, читатель!

Рассказ А. Ленча

Рисунки Н. Радлова

Лето Димка Разиков провел в Малаховке, под Москвой, на даче. Жилось ему здесь неплохо. Он купался в озере, катался на лодке, заплывая в неисследованные затоны, заросшие кувшинками и осокой, которую Димка называл лианами, удил рыбу и совершал длинные и интересные прогулки на велосипеде. За лето он очень поправился, загорел и так вырос, что прошлогодние штаны едва доходили ему до щиколоток.

Однажды прозрачным прохладным августовским утром Димка и его новый приятель, сосед по даче Павлик Сараев, сидели на озере под развесистой ольхой и удили рыбу. Было скучно, потому что рыба упорно не желала ловиться.

— Не клюет! — горестно вздохнул Димка. — Слушай, Павлик, попробуй посвистеть. Помнишь, ты как-то посвистел и мы сразу вытащили здорового карася?!

Павлик сложил губы трубочкой и тихо свистнул.

Поплавки продолжали беспечно качаться на воде, подернутой тихой рябью.

— Кис-кис! — смеясь, позвал рыбу Павлик. — На тебе червячка! Куси-куси!..

Однако глупая рыба не обратила внимания и на этот отчаянный призыв.

— Скучно, — сказал Павлик и лег на землю, сложив руки за голову.

— Слушай, Димка, — прибавил он, — все-таки я считаю, что нам с тобой не повезло!

— Почему?

— А потому, что мы залезли в эту проклятую Малаховку. Вот у нас в классе, я знаю, Колька Попов поехал на Кавказ,

Эдья Кувшинер устроился к своему дяде в экспедицию на швертботах по Московскому морю, Оля Чумакова, кажется, попала в Артек. Они вернутся в класс — им будет что рассказать! А мы? Что мы будем рассказывать?

— Мы расскажем, как ловили карасей и... вообще...

— По совести говоря, мы за все лето поймали одного карася, — это когда я посвистел. А потом мы и вместе свистели и каждый отдельно — ни один даже и не клонул. Их дачники распугали.

Димка Разиков посмотрел на неподвижный поплавок, и ему вдруг тоже стало очень скучно. Прав Павлик. Хорошего мало в этой самой Малаховке. А вот Женя Катушкин, ребята говорили, уехал в Крым, в Коктебель. Привезет оттуда коллекцию замечательных камушков, будет показывать, хвастаться. Димка Разиков живо представил себе, как длинноногий веснушчатый Женя Катушкин, его постоянный соперник во всех делах и начинаниях, прищурив левый глаз, будет хвастаться, рассказывая свои крымские приключения, и ему стало не по себе.

— Пойдем домой! — сказал он Павлику. — Ну их, этих карасей!..

Весь вечер Димка Разиков, думая о предстоящей встрече с товарищами по классу, соображал, как бы ему перекрыть хвастливого Женю Катушкина, и, наконец, придумал.

Утром он вытащил из своего дорожного рюкзака прошлогоднюю коллекцию камней, собранную им в Новом Афоне, взял французский учебник, баночку с тушью и

перо и долго трудился, делая какие-то надписи на каждом камне.

Закончив эту работу, он в весьма веселом настроении отправился с Павлом Сараевым на велосипедную прогулку. Павлику хитрый Димка Разиков не сказал ни слова о своей затее...

...В класс Димка вошел, когда все ребята и девочки уже собрались. Его встретили радостными возгласами:

— Димка!.. Здорово!..

— Ой, девочки, смотрите, как он вырос, прямо дядя Степа!

— Димка, на большой перемене беги к портному — пусть он тебе штаны надставит. Они у тебя по колено!

Отшучиваясь и приветствуя в свою очередь приятелей и приятельниц, Димка Разиков искал, однако, глазами Женю Катушкина. Катушкин сидел на последней парте, лицо его было кофейного цвета, как у мулата. На парте лежала целая груда замечательных камушков. Явно хвастаясь, Женя говорил:

— А один раз я заплыл далеко, далеко от берега и вдруг подводная лодка как вынырнет из воды прямо рядом со мной! Я даже немножко испугался. Чутьочку. А другой раз мы с одним мальчиком поплыли на байдарке...

— Здорово, Женька, — небрежно перебил его Димка Разиков.

— Здорово, Димка. Ого, какой ты длинный стал. Мне показалось, что это телеграфный столб ко мне подошел... Поплыли мы, значит, с одним мальчиком на байдарке...

— Где это было-то? — опять перебил Женю Димка Разиков.

— В Крыму. В Коктебеле. Где летчики учатся. Поплыли мы, значит, на байдарке...

— Крым — это ерунда, — веско сказал Димка Разиков. — Вот я лично летом побывал в Бразилии, на Атлантическом океане.

— Где?

— В Бразилии, — громко, чтобы все слышали, повторил Димка Разиков. — Ты ведь знаешь, что мой дядя — капитан дальнего плавания.

— Знаю!

— Ну вот, его теплоход совершал рейс в Бразилию, и он взял меня с собой. Мы плыли 12 суток. Попали в двенадцатибальный шторм. Ужас что было!

— Врешь ты все!

— Нет, брат, не вру. У меня есть доказательства.

Димка Разиков вынул из кармана своих укоротившихся штанов плоский новофонский камушек и, прищурив левый глаз, сказал небрежно:

— Видишь надпись: «Бразилия».

Женя Катушкин взял камушек и посмотрел: на его белой спинке действительно красивыми французскими буквами было написано: «Brasilia 1938 г.».

— Это — еще не доказательство, — растерянно сказал Женя Катушкин.

— Не доказательство? На, изволь, еще.

Димка вынул еще один камушек, известный среди любителей под названием «рыбий глаз», и сказал:

— Вот такие камни бразильщики зовут «акулий глаз». Это очень ценный камень. Мне подарили его бразильские пионеры. Они тут написали, «видишь?»

«Акулий глаз» был украшен такой надписью, тоже французскими буквами: «Dime Rasicovo pioneri Brasillii».

— Покажи, Димка! Ух, здорово. А ты акул выдал? — слышалось со всех сторон, но тут в класс быстрой походкой вошел учитель географии Семен Васильевич, по прозвищу Меридиан.

Семен Васильевич поздоровался с классом, осмотрелся и весело сказал:

— Какие вы все стали большие, черные, не узнать! Все, наверное, забыли за лето! Иди-ка к карте... Ну, хотя бы ты, Дима!

Димка Разиков одернул рубашку и несмело подошел к слепой карте.

— Скажи нам, Дима, какие ты знаешь страны в Южной Америке?

Димка Разиков слегка побледнел.

— В Южной Америке? Бразилию знаю, Семен Васильевич.

— Он там был летом, в Бразилии, — сказал Женя Катушкин ехидным голосом предателя.

— Был в Бразилии? — очки Семена Васильевича полезли на лоб. — Это интересно. Скажи-ка тогда, какой главный город в Бразилии?

— В Бразилии?

— Ну да, в Бразилии. Там, где ты был летом.

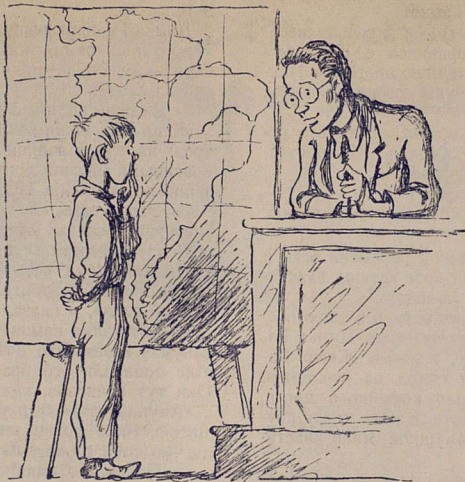
— В Бразилии главный город — Аргентина, — шопотом сказал Димка Разиков.

— Опомнись, Дима, что ты говоришь! А что добывают в Бразилии?

— Что добывают? В Бразилии?

— Да, да! Что добывают в Бразилии?

— В Бразилии добывают... эти самые...

— Какой главный город в Бразилии? — спросил Семен Васильевич.

ценные камни: «Акулий глаз» и разные там вообще.

В классе хохотали совсем уж откровенно.

— Что ты мелешь, Дима! Я тебя спрашиваю, какой главный продукт бразильского сельского хозяйства?

Димка Разиков тягостно молчал, путешествуя глазами по слепым морям и океанам на старой, потрешанной карте.

— Ну, что мы пьем по утрам?

— Молоко, — обрадовался Димка Разиков. — Молоко добывают в Бразилии, Семен Васильевич.

— Кофе, а не молоко, — сказал географ, качая головой. — Эх, Дима, Дима! Мало ты, должно быть, был в Бразилии, не успел ничего как следует разузнать. Лучше бы в учебник заглянул. Садись пока.

Под хохот всего класса Димка Разиков

вернулся на свое место и сел, стараясь не глядеть по сторонам. Уши его горели. Вдруг к нему на парту упала свернутая в комок бумажка. Димка развернул ее и увидел рисунок, выполненный искусной и беспощадной рукой Женьки Катушкина.

На рисунке был изображен Димка, длинный и худой, в коротких штанах и с камнем на шее, стоящий на берегу какого-то озера. На камне было написано: «Бразилия», а на озере — «Малаховка». Сзади Димку толкал в спину Семен Васильевич, Димка падал в озеро.

— «Печальное происшествие», — так назвал свой рисунок Женя Катушкин.

Дима Разиков достал красный карандаш и жирно подчеркнул ошибку в слове «происшествие».

Затем он свернул бумажку и бросил ее назад Жене.

И это было все, что он мог сделать.

Мы из Игарки

Так называется книга, написанная самими молодыми жителями одного из самых молодых городов Советского Союза — заполярной Игарки. С помощью Алексея Максимовича Горького игарские ребята написали очень интересную книгу о своем необыкновенном городе. Жизнь в этом городе похожа на жизнь в любом городе СССР, потому что Игарка — советский город. И вместе с тем жизнь в нем очень отличается от нашей жизни, потому, что Игарка лежит в полярном круге. Мы печатаем несколько рассказов из этой книги, которая выйдет к 20-летию комсомола.

За полярным кругом

Между тайгой и тундрой

От склонов Саянского хребта простираются к северу леса, огромные, дремучие и богатые зверем. На многие сотни тысяч квадратных километров — вдаль и вширь — разосталась сибирская тайга. Начинаясь в Монголии, там, где берет свое начало многоводный Енисей — отец сибирских рек, — тайга наступает вместе с рекой все дальше и дальше на Север. Чем ближе река к заполярью, тем дремучей лесные урманы, выше сосны, толще и раскидистей кедры.

Зайдешь в тайгу — и страх берет! Тихо в ней даже во время бури, темно даже в самый солнечный день. Где-то, поверху, ходит ветер, раскачивая верхушки елей и сосен, а внизу, на земле, тишина — только чуть гудят толстые, неподвижные стволы. Не пробраться ветру в неприступную лесную крепость!

Ни дорог, ни дорожек нет в тайге. Только звериные тропы, незаметные глазу человека, плетутся по чащобам. Медведи шалят тут часто.

Из окна самолета хорошо видна тайга. Кругом — сколько глаз хватает — на 30, 40 километров тянутся далеко внизу зелено-синим волнистым ковром сплошные леса. Только блестящий на солнце Енисей прорезает тайгу, пробиваясь к Карскому морю. День летишь над тайгой, два летишь — и конца ей не видать.

Глубоко на Севере, сразу же, как минуешь полярный круг, лес начинает редеть, попадаются серые плешины, усталые валежником. Но тайга еще не слабая! Пусть деревья становятся все ниже

и реже — тайга продолжает свое наступление на Север, на тундры, на болота, на вечную мерзлоту.

И вот, наконец, почти у самой Игарки тайга сдается. Здесь ее последнее лесничество, ее северная опушка.

Игарка — это ворота из тайги в тундру.

Деревянный город

Заполярную Игарку на Севере зовут лесной столицей, или деревянным городом. И не зря ее так прозвали.

Игарка — детище леса. Каждый год весной, в половодье, плывут по Енисею в Игарку плоты, тихие, как черепахи, плывучие острова. Сюда сплавляют ангарский мачтовый, енисейский строевой, корабельный и прочий лес. Пятнадцатиметровые бревна распиливают на игарских лесозаводах, изготавливая доски, длинные и короткие, тонкие и толстые, узкие и широкие. В проворных руках стахановцев-распиловщиков толстые бревна превращаются в тончайшие яичные дощечки, в паркетные плиты, в гибкие драйки.

На несколько километров растянулись лесозаводы. Внутри и вокруг них лес. На лесной бирже высятся желтые, многоэтажные штабеля досок; в бесчисленных переулках между этими штабелями можно заблудиться. На выкатке горы бревен. И вся эта лесная громада расположилась не на земле, не на болоте, а на слежавшихся опилках, пахнущих сосной, кедром, ольхой, елью. Горы опилок, обрезков, основного и кедрового «макаронника» — все это годами копилось в Игарке, постепенно превращаясь в ее почву. Опилками посы-

Игарка строится. Ежегодно вырастают новые кварталы города.

пают улицы, их жгут в топках лесозаводов. Все печи в игарских домах — голландки, буржуйки — изо дня в день пожирают деревянную заваль, но она никогда не переводится. Каждый год снова и снова приплывают в город караваны лесных маток с Ангары, Подкаменной и Верхней Тунгусок и заводы, лязгая рамами, рождают новые штабеля досок и целые кучи желтых, сырых опилок.

Куда бы вы ни зашли в Игарке — в политотдел Севморпути или в партийный комитет, в городской совет или в горком комсомола, — повсюду вы услышите разговор о лесе. Лес надо вовремя погрузить в трюмы пароходов! Надо до заморозков выкатить лес из воды на берег! Новый рекорд стахановцев на распиловке леса! На лесной бирже не хватает сортировщиков леса! Лес! Всюду речь о лесе.

Да и сама Игарка — лесная столица — целиком деревянная. Даже самые большие дома построены в ней из дерева. Куда ни посмотришь, всюду желтоватые бревенчатые стены или гладкая досчатая обшивка, плачущая смоляными слезами.

Весь город пропитан свежим запахом сосняка, лиственницы и кедра. В прекрасном двухэтажном здании театра партер, сцена, балконы, ложи — все построено из леса и отделано им же. Даже колонны в

зрительном зале пестрят кружочками срезанных сучков.

На улицах деревянные тротуары и деревянные мостовые. Автолесовозы, санки собачьей упряжки, автомобили, велосипеды и олени чарты мягко шуршат по деревянному шоссе.

Каждый раз, когда над Игаркой пройдет дождь, город напоминает квартиру, где перед праздником начисто вымыли деревянные полы.

Рождение города

Игарка — очень молодой город. Многие школьники в Игарке старше города, в котором они живут и учатся.

Еще в начале 1929 года здесь была тайга, дремучая и непролазная. Медведи, песцы, дикие олени и белки привольно жили здесь. Еще и сейчас в Игарке сохранился лог под названием «Медвежий».

Осенью 1929 года пароход привез сюда первую партию строителей.

В лютую стужу, в темень и пургу люди воевали с тайгой. Звери разбегались от человеческих голосов, визга пил и света костров. На промерзлой земле пьезажие поставили избушку, временные бараки и приступили к постройке домов и лесозаводов.

Вместе со взрослыми на болотистые берега с парохода сошли ребята. Они, как и

их родители, жили сначала неуютно, несело на этой неприветливой земле. Не было школ, не было пионерских отрядов, и зима, как нарочно, выдалась злая, колочая и ветреная. Маленькие, хрупкие домики первых строителей города трещали и гнулись под порывами северного ветра. Почти не выходя из дому, «у железных печек» провели ребята свою первую зиму в Игарке. Только весной, когда появились на проталинках первые табунки прилетевших снегирей, на вылазки вышли ребята.

Город рождался на глазах у ребят. Вырос первый лесозавод, а вокруг него — десятки домов. Построили первую школу.

Каждое лето в Игарку с тех пор стали приходить морские корабли за распиленным лесом. Моряки нанесли новый порт на карту: 67° 27' северной широты, 725 километров от Карского моря.

Через 7 лет в Игарке было уже около 13 тысяч жителей. Одних пионеров и школьников — 2500.

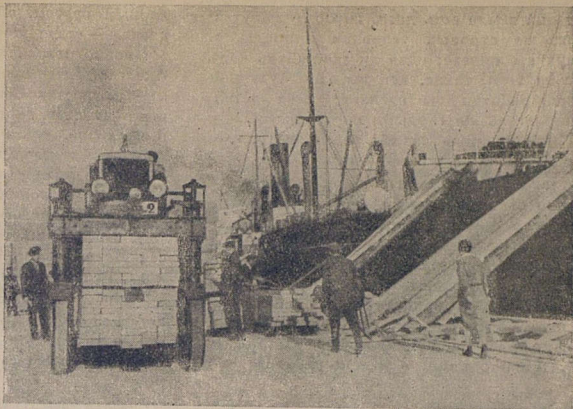
Три лесозавода круглый год шлят бревна. По городу бегают автомобили и автолесовозы. Построена графитная фабрика, аэропорт, десяток школ, городской театр, несколько звуковых кино. Есть и свой овощно-молочный совхоз «Полярный».

Маленькие корреспонденты

Игарские пионеры и школьники любят свой молодой заполярный город. Они знают в нем каждый уголок, гордятся каждым новым домом, каждым новым лесозаводом, каждым пароходом, который стоит у причала в Игарском порту.

Для ребят построили прекрасную новую школу и убрали ее цветами и зеленью. На городской площади устроили каток для хоккея и любовно оборудовали заполярный Дворец пионеров.

Немногим ребятам удастся увидеть то, что видели на своем веку школьники

В порту лесовозы привозят лес на иностранные пароходы.

Игарки. Им есть о чем рассказать. Они были свидетелями того, как на вечной мерзлоте устанавливали фундаменты для машин, как забивались первые сваи для причалов в порту.

И вот в декабре 1935 года в школе № 3 у ребят возникла мысль написать о своей жизни «на краю земли», об истории своего удивительного города Алексею Максимовичу Горькому.

— Напишем Алексею Максимовичу письмо, расскажем обо всем, — заговорили во всех школах.

Нашлись такие ребята, которые не верили, что Горький ответит. Другие, наоборот, были уверены в этом. Горький, который с таким волнением и любовью следит за расцветом страны, поймет ребят: он будет радоваться вместе с ними!

По строчкам, по отдельным словам собиралось письмо к великому писателю. Обсуждали его чуть ли не все ребята Игарки.

15 декабря 1935 года это письмо было передано по радио в Крым, где жил тогда Алексей Максимович Горький.

Ответ

С нетерпением ждали игарские школьники ответа из Крыма.

13 января Алексей Максимович написал ребятам ответ.

«Хорошее письмо прислали вы, — писал Алексей Максимович. — Едва ли где-ни-

буди: на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы, в каких вы живете; едва ли где-нибудь возможны дети, такие, как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли столь же гордыми смельчаками...»

Горький очень хвалил ребят за то, что они задумали написать книгу.

Алексей Максимович подробно и обстоятельно рассказал, как нужно организовать работу, и прислал примерный план книги.

Его письмо отпечатали в типографии в тысячах экземпляров и роздали школьникам. На отрядных и звеньевых пионерских сборах, на общешкольных собраниях и дома обсуждали и разбирали ребята письмо Алексея Максимовича.

С тех пор книга о жизни ребят за по-

лярным кругом, об Игарке—«горьковская книга» — стала жить.

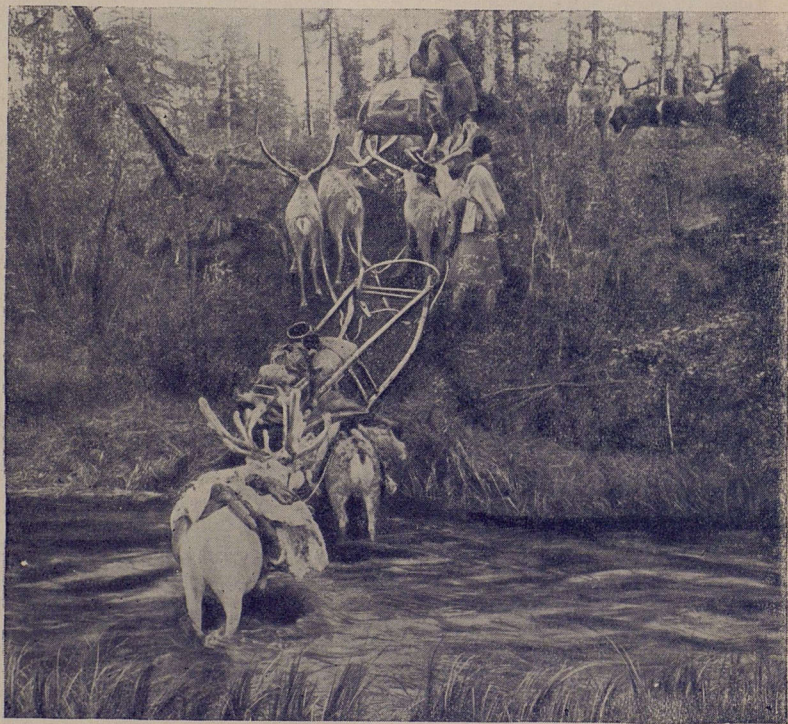
Письмо игарских ребят и ответ на него Алексея Максимовича были напечатаны во многих газетах Советского Союза. После этого со всех концов страны, из городов и колхозов, стали приходить в Игарку письма и телеграммы от школьников.

Одиннадцатилетний Сема Гершгорин из города Никополя писал:

«В «Пионерской правде» я прочел о том, что вы пишете книгу по совету Алексея Максимовича Горького. Хочу вам помочь, напишите мне, что вам нужно».

«Книгу вы обязательно напишите, — советовала Майя Башурова из Свердловска, — интересная должна быть книга».

Работа началась. Ребята распределили

Зимой и летом по тайге и тундре ездят на саних, запряженных оленями.

меду собой темы и принялись писать.

Во время работы книга разрослась, и вместо пяти глав, как было в плане Алексея Максимовича, получилось девять.

По всем школам прошли собрания, на которых ребята разрабатывали план.

— Я предлагаю, — говорил на одном из собраний пионер Андрей Скибинецкий, — первую главу сделать о том, где мы живем. Можно, например, описать путешествие в Игарку из Москвы!

— Верю, — поддержал Скибинецкого маленький предприимчивый Боря Иванов. — Пускай Вена Вдовина напишет, как он летел в Игарку с Молоковым. Вот интересное путешествие было!

— Хорошо, — согласился Вена, — а ты, Боря, напиши, как ты ехал сюда на пароходе. Это тоже интересно.

— А я напишу, как мы с Колей Дардаевым аэросани делали, — вызвался Воля Вебер.

Молчаливый Ваня Алдаев, проживший на Севере пять лет, спросил тихо:

— Я люблю собак. Можно мне о собаках написать?

— Пиши, пиши. Алдаев, — согласилось собрание.

— А про птиц можно? — спросила Маруся Нагленко:

— Обязательно. Маруся! Ты ведь поэт, так в стихах и напиши.

Книга и ее авторы

Дети Игарки хорошо знают природу своего края. Но книжка заставила их приглядеться к окружающей их жизни еще внимательнее и глубже. Целыми ватагами ходили они в тайгу и тундру наблюдать природу. Ставили силки и капканы на куропаток, плавали по Енисею, собирали кедровые орехи, охотились за белками. Во время таких прогулок, вдоволь набродившись по непролазным урманам тайги или устав от ходьбы по мокрым, зыбучим болотам, они разжигали костер и рассказывали друг другу разные свои приключения — на охоте, на рыбной ловле, во время поездок с родными. Особенно интересные случаи, рассказанные ребятами, впоследствии записывались. Многие из таких рассказов стали страницами этой книги.

Общая работа над книгой сблизила и сдружила между собой юных авторов.

Вот, например, что случилось с Валей

Баженовой, рассказ которой напечатан в шестой главе.

Валя очень любит растения и зверей, но с ребятами она не дружила. Кроме полярных мышей-лемингов, куропаток, лягушек и птиц, друзей у нее не было. Ее прозвали Буккой. И вот однажды у бедной Букки случилось сразу два больших несчастья: собака задушила куропатку «Курру», и горел в печке любимый воробышек. Тогда на помощь одинокой Вале пришли пионеры, ее товарищи по игре.

— Надо помочь Вале, — решили они.

В детской игарской газете «Пионер Заполярья» появилось объявление о том, что редакция срочно требуется живая куропатка. Ребята поставили на ноги всех охотников Игарки. Даже взрослые старались раздобыть для Рали куропатку. Но была весна, а северная куропатка вместе со снегами уходит в это время от тепла еще дальше на Север. Перед самым ледоходом, когда прилетели первые пернатые гости с юга — вестники весны, — пионеры обратились за помощью к комсомольцам.

Шестого июня, через взбухший, грозный лед протоки, с острова перебрался в Игарку комсомолец-синоптик метеорологической станции. Он принес Вале подарок. Правда, это была не куропатка, а раненая утка — чирок, маленькая с желтой грудкой. Но Валя обрадовалась и этому подарку. Она принялась заботливо ухаживать за чирком и скоро вылечила его. Тут ребята наперебой стали носить Вале разных птиц: стрижей, синиц, воробьев, здоровых и больных. Валя открыла у себя настоящую «птичью больницу». Ребята то и дело забегали к ней посмотреть, как поживают ее питомцы. И незаметно у Вали появилось множество друзей — больше чем птиц.

Каждого нового участника книги ребята встречали приветливо и радостно.

Каждого товарища, отправлявшегося в поездку по краю, просили не забыть о том, что он сотрудник книги.

Летом в Игарку приехали со станка Карлаул, что расположен в нескольких сотнях километров от острова Диксон, четверо ребят: Нина, Миша, Дуся и Шурик Золотаревы. Они прожили два года на станке. Много интересного, веселого и необычайного рассказывали они, и школьники попросили их написать о жизни в тундре.

Вену Вдовина, который ездил со своим отцом в богатый белкой и соболем эвенкийский национальный округ, ребята то-

На недели в тайгу уходят охотники Севера добывать белку. Метко бьют белок в глаз, не портя ценной шкурки.

же попросили написать о его путешествии. Перед самым отъездом товарищи вручили Вене толстую тетрадь и сказали ему: — Где бы ты ни был, что бы с тобой ни случилось, Вена, записывай все.

Он обещал и очень добросовестно выполнил свое обещание. Вена привез рассказ о дремучих лесах, о горных порожи- стых речках, о своих встречах с охотни- гами-катами и эвенками.

В школе, в лагере, на рыбалке, в ле- су — всюду копили ребята материал для своей книги. Так шел месяц за месяцем.

В августе на одном из гидросамолетов в Игарку прилетел какой-то странный че- ловек. Было жарко, а приезжий был за- кутан в меха. Он был весь обвешан фото- аппаратами и сумками, мешавшими ему двигаться. Человек этот оказался коррес- пондентом большой лондонской газеты. Осматривая Игарку, журналист зашел к одному из стахановцев посмотреть, как он живет. Хозяина дома не оказалось. Англи- чанина встретила маленькая пионерка. Она вежливо приняла гостя, но долго раз- говаривать с ним не стала. Вот как рас- сказывает об этом сам журналист на стра- ницах своей газеты:

«...девочка вдруг остановилась и сказа- ла:

— Мне нужно идти писать нашу книгу.

Увидев, что я удивлен, она объяснила:

— Пионеры Игарки пишут книгу о жиз- ни детей Арктики. Я пишу о катанье на оленях. Мы должны окончить работу к весне, потому что мы обещали Горькому выполнить план... Это он дал нам мысль писать эту книгу, и он послал нам свои указания. Теперь один французский то- варищ тоже обещал нам помогать... Я ду- маю, что вы его знаете. Это товарищ Ромэн Роллан.

Английский журналист, который при- вык ничему не удивляться, с удивлением узнал о том, что на далеком Севере Со- ветской страны сотни детей пишут книгу и что их главные советчики в этом деле — Максим Горький и Ромэн Роллан.

Работа над книгой шла полным ходом.

Каждую рукопись, страницу за страни- цей, строчку за строчкой, ребята обсуж- дали и разбирали в отрядах и школах. Каждую ошибку подвергали суровой кри- тике, требовали исправлений и дополне- ний.

Таким образом чуть ли не все ребята

На графитных разработках взрывает породу.

Игарки приняли участие в создании этой книги.

18 июня 1936 года умер Алексей Мак- симович Горький.

Весь эта тяжело потрясла его малень- ких игарских друзей. Работа останови- лась.

— Зачем теперь писать, когда некому принять у нас книгу?.. Не осталось нико- го, кто ждал бы ее! — говорили школь- ники.

Но в эти скорбные дни отовсюду неслись в Игарку письма и телеграммы: из Харькова, из Чебоксар, из Одессы... Ре- бята Союза писали игарцам, что они с не- терпением ждут их книги. Теплое, обо- дряющее письмо получили ребята из дале- кой Швейцарии — от Ромэна Роллана.

Одушевленные товарищеским сочувст- вием, маленькие авторы решили довести работу до конца и посвятить книгу памя- ти своего вдохновителя и главного редак- тора — Алексея Максимовича Горького.

Я летал с Молоковым

Я очень обрадовался, когда узнал, что папа едет работать на Север. Я много читал об О. Ю. Шмидте, о Героях Советского Союза и о челоюскинцах.

...Начались сборы в далекий путь. Папа принес из политотдела Севморпути книжку об Игарке, но из нее мы ничего не узнали о ней, кроме того, что она на Севере и что там есть совхоз. Все, кто приходил к нам из знакомых, в один голос советовали брать все, что только есть теплого.

Насобирали мы много вещей: вышло четыре чемодана и три больших узла. Везти столько вещей с собой было невозможно. Снова начали перебирать чемоданы и узлы. Открываем первый чемодан и смотрим, что это за мешочек лежит, вроде как бы его не было, когда мы закрывали чемодан. В мешочке была белая мука, во втором мешочке — крупа. Мы с папой давай хохотать. Это мама, наслушавшись рассказов об Игарке, взяла с собой продукты, которых в Игарке будто бы не было.

Во втором чемодане нашли мы с папой много всяких тряпок и даже мои рваные брюки. Выбросили все это, но убавился только один чемодан. Опять начали перекладывать все вещи и выбирать только необходимые, но мама так и старается чего-нибудь сунуть в уголочек: то чай, то горчицу, то чеснок или чего-нибудь еще.

Всякое рассказывали нам об Игарке. Помню, один знакомый даже серьезно уверял, что ночью по Игарке бегают медведи, и страшал морозами. Недавно я получил из Москвы письмо от товарища по школе, в котором тот серьезно спрашивает меня, что я, наверное, уже убил медведя и отведаль медвежатины.

Наконец, мы простились с Москвой и поехали на сибирском экспрессе по железной дороге. Меня очень тянуло полететь на самолете. В вагоне поезда я не спал всю дорогу, а все думал и думал об Игарке. Во сне я видел битвы с белыми медведями при свете северного сияния.

Через пять дней мы приехали в Крас-

ноярск, откуда идет авиолиния на остров Диксон. Со станции мы прямо поехали на авиабазу, там шли последние приготовления к отлету полярного летчика Махоткина на Север. С этим самолетом мы не улетели. Зато какая была радость, когда нам сообщили, что завтра вылетает на Север Герой Советского Союза Василий Сергеевич Молоков и что он заберет нас с собой. Что со мной было, я не могу рассказать! Ведь я мечтал хотя бы только увидеть его близко, а тут не только увижу близко, но и полечу с ним.

Конец дня мы провели за покупками в красноярских магазинах лимонов и лимонной кислоты. Нам сказали, что на самолете будет здорово качать, будет кружиться голова и даже тошнить. Накупили мы лимонов целую гору.

Рано утром 9 октября мы приехали в аэропорт, который расположен возле Красноярска, на Енисее, на острове, названном в честь Василия Сергеевича Молокова. Входим в здание порта. Первое, что я увидел, был Молоков. Василий Сергеевич играл на бильярде. Как часто я видел его на снимках в газете, так и сейчас он был в синем пиджаке с орденом Ленина на груди, в фуфайке и больших оленьих пимах. Я ничего больше не видел вокруг, а все смотрел и смотрел на Василия Сергеевича.

Окончив партию на бильярде, Василий Сергеевич повернулся к нам и улыбаясь сказал:

— Может, позавтракаем, товарищи пассажиры?

После завтрака, когда мы оделись в меховые одежды, он снова вошел к нам и, увидев, как много мы наделили на себя одежды, засмеялся и сказал:

— Ну, пошли в самолет.

Мы берем наши чемоданы и идем к самолету. Десятки теплых вещей, надетых на меня, мешают идти, я задыхаюсь, потею и еле-еле тащусь. Василий Сергеевич остался в аэропорту забирать последнюю почту: письма, газеты для Игар-

На улице заполярного города.

ки. От папы и мамы я отстал, чемодан измотал руки. Слышу: меня догоняет Василий Сергеевич. Он подходит и берет из моих рук чемодан:

— Ну-ка, давай понесем вместе.

— Ничего, спасибо, товарищ Молоков, я сам донесу.

Чемодан он все-таки у меня взял, идет рядом и спрашивает:

— А ты первый раз летишь?

— Да. Никогда не летал.

— Ну ничего, смелее держись, все хорошо будет.

Вот и самолет. Это был тяжелый самолет-лодка «Дорнье-Валь». Около него стоит неизменный спутник Василия Сергеевича, летчик-механик, высокий дядя Гриша Побежимов.

Солнце не хочет спать

Земля еще спала. Спал и город, и никто не вышел встречать наш пароход. Даже и тогда, когда пароход сердито крикнул, входя в Игарскую протоку, берега остались пустынными. Только на рейде стояло 4 потертых корабля с какими-то неизвестными, непонятными названиями. Это были иностранные морские корабли.

Залезали мы в кабину самолета долго, путались в своей одежде и только после больших трудов и усилий спустились в люк. Самолет целиком металлический, внутри нет сидений для пассажиров, потому что машина предназначена для перевозки грузов. Сидим, ждем. Вдруг зажужжали пропеллеры, сильнее, сильнее, самолет закачался, рванулся, пробежал сотню метров по воде и поднялся на воздух.

— О-ох-ох! — это вскрикнула мама.

Она сидела бледная и сосала лимон, думая, что с ней сейчас будет плохо. Я лимон пока не трогаю.

Самолет начинает плавно набирать высоту. Под управлением Героя Советского Союза эта сложная и большая птица очень послушна. Вскоре самолет начинает здорово качать, затем его начинает бросать из стороны в сторону, и я чувствую, что мы опускаемся. Верно, скоро сели. Я выглядываю из кабины, кругом снег и снег. Папа говорит, что разыгралась буря и пурга и что Василий Сергеевич, наверное, остановится пережить непогоду. Но Молоков снова поднимается в воздух и летит в Енисейск.

ВЕНА ВДОВИН

Было это в 1931 году. Тогда той Игарки, которую мы привыкли видеть сейчас, не было. Не было и пристани, поэтому наш пароход подали ко второму логу для разгрузки. Приглубые берега дали возможность пароходу подойти почти вплотную к земле и укрепиться. Матросы сбросили трапы...

После весеннего разлива берега еще не

оспели подсохнуть. Мы выгружались по колону в грязь. По мху, по болотам мы носили чемоданы, свертки, постели и клали все это прямо в грязь. Помещения не было не только для багажа, но и для людей. Удивляться тут нечему, потому что городу в то время было от роду всего 2 года.

Около радиостанции, на самом сухом месте, стояло несколько маленьких самодельных домиков. Возле них разрешили построить дом и нам.

Пока что первое время устраивались, как могли. Нас, ребят, устроили на ночевку в балаган, мы спали под брезентом, а родителям приходилось спать под открытым небом. В первую же ночь мы ощутили всю особенность жизни на Севере. Началось это перед дождем. Глубоким вечером откуда-то взялись стаи огромных кровожадных комаров. Они набросились на неопытных новичков, у которых через час стали распухать руки и лица. Вслед за комарами грянул дождь. Все мы промокли, несмотря на то что спали под брезентом. Но вот дождь прошел, и снова появились полчища комаров. Всю ночь мы прямо дрались с ними. Спать было невозможно, поэтому мы с братишкой, закрыв лица сетками, пошли к лесозаводу за досками для дома. Лес таскали всю ночь, а утром всей семьей приступили к строительству жилья. К вечеру дом был готов.

Папа притачил откуда-то железную печку, и через час наш дом с успехом мог сойти за баню.

Еще вчера я заметил, что почти целые сутки не приходила ночь. Все время было светло, и солнце не заходит за горизонт. Один раз я спросил у папы о времени и получил ответ: «Два часа». Я не знал, день это или ночь. Меня это очень поразило, и сегодня я во что бы то ни стало решил узнать, есть или нет здесь ночь, заходит или не заходит солнце.

Караулил ночь, сидя с удочкой в руках на плоту. Рыба клевала плохо, а попадалась еще хуже, да я и не особенно старался ее поймать, больше следил за солнцем. Так ждал я много часов подряд, а солнце дошло до самого горизонта и снова полезло кверху. Сначала я думал, что ошибся, и продолжал ждать... Как уснул, не знаю. Но помню, видел сон, что из лесу на меня вышел вдруг большой волк, и вот раздался крик «Ой!» Я не разобрал со сна, что это за крик, подумал, что это волк бросился на меня, и бултыхнулся в воду. Оказывается, крикнул от удивления мой товарищ Паша Skorобуденко, вытаскив огромного сига.

А солнце попрежнему не хотело пойти спать... Так я и не подкараулил тогда ночи.

ГОША ЛУКИН

Ружье на костре

Прозвонили... Кончился пятый урок, я бегу в соседний класс.

— Боря, ты пойдешь на охоту?

— Пойду.

— А ты, Петро, тоже пойдешь? — спрашиваю я у другого товарища.

— У меня ружья нет, — огорченно говорит Петя Окладников.

— Не беда, достанем у кого-нибудь.

— Ну, тогда пойду.

— А ты как, Вена? — спрашиваю у третьего.

— Ну еще бы! — отвечает он уверенно.

— Так приходите все к нам, когда поужинаете, ладно? (Мы с Борей живем в одном доме, а Петя и Вена — поблизости от нас.)

— Ладно, — отвечают ребята.

Поужинав, я иду в комнату Бори, и мы начинаем готовиться к охоте. Приходит Петя Окладников и зовет нас за Веной. Только мы отошли от дома, как нам встретился Вена с мелкокалиберной винтовкой за плечом. С левого бока на длинных ремнях — сумочка с провизией.

— Ну, Вена, значит, тебя отпустили?

— Отпустили! Меня пускают всегда, когда я захочу.

Но только что он это проговорил, как из его дома выбежала мать и закричала:

— Ну-ка, Вена, сейчас же домой! Почему ты не спрашиваешься, когда уходишь?

Вена угрюмо поплелся домой. Вид у него был уже не такой решительный, с

Распускаются тысячи цветов, о которых Заполярье раньше и не слышало.

каким он шел сюда. Ружье кое-как висело на плече, а сумка тащилась чуть ли не по земле...

Вместо Вены с нами пошел Шура Иголкин. Идем мы четверо с тремя ружьями: Пете так и не удалось достать ружья, у нас с Борисом одноствольные передомки, а у Шуры однозарядное без выбрасывателя.

...Мы идем по еле заметной извилистой тропинке, часто проваливаемся по колено в сыпучий, как песок, весенний снег.

Долго бродили мы по лесу, но ничего не нашли. Тогда мы выбрали хорошее место и разложили костер. От нечего делать стали стрелять в пень, потом в бумагу. Шуре попался испорченный патрон. Он прицелился в бумагу, нажал «собачку», а выстрела нет.

— Осечка, — говорит он и снова нажимает курок, но выстрела попрежнему нет. Тогда он хочет выбить испорченный патрон и просит шомпол. А шомпол мы сегодня нечаянно сломали пополам: он у нас деревянный. Шура заталкивает одну половину шомпола в дуло и начинает забивать его поленом. Патрон не вылетает. Шура тащит шомпол обратно — шомпол

ле лезет. Тогда они берутся с Борисом вдвоем: один тянет за шомпол, другой за ружье — ничего не выходит! Тут мы начинаем щелкать курком без передышки: мы надеемся, что ружье в конце концов выстрелит и шомпол вылетит вон. Но ружье не стреляет: видно, патрон нигуда не годится...

Петя Окладников посоветовал нам привязать ружье к дереву и взорвать патрон, приложив к капсюлю горячий уголь. Так мы и сделали, но патрон не взорвался.

Опять мы стали думать, как быть, и,

наконец, я предложил Шуре сунуть ружье в костер. Шура согласился.

Мы отвернули ложе, чтобы оно не сторело, прибавили в костер хворосту и бросили в пламя ружейный ствол с торчащим из него шомполом, а сами убежали к берегу. Скоро раздался выстрел. Бежим к костру. Патрон разорвался, а шомпол все еще сидит в дуле. Мы долго топтались у костра, пока, наконец, шомпол в стволе не превратился в уголь. После этого мы вытряхнули из ствола остатки шомпола, собрали злополучное ружье и пошли домой.

Возле самой Игарки нам попались два смежных озера. Боря пошел по правому берегу одного озера, Шура — по левому берегу другого, а мы с Петей — между озерами. Вдруг над головами у нас раздался шелест. Вижу: летят две утки. Я вскинул ружье и выстрелил. Одна из уток сильнее замахала крыльями и упала недалеко от нас в поле.

Как-никак, а вернулись мы домой не с пустыми руками.

Утка была хорошая, жирная.

ПЕТЯ ПОЭТОВ

„Лающие кони“

— Витя! Обожди меня, Витя!

Виктор Вальков остановил пару запряженных в нарты собак и обождал, когда я подбегу.

— Куда ты на бегунцах поехал?

— Ясно куда — кататься по улице.

— Посади меня.

— Садись, не жалко!

Мы сели и покатились так, что вслед за нами поднялась снеговая пыль столбом. У Вити Валькова две большие ездовые собаки. Зовут их «Мишка» и «Гришка». «Мишка» — большой серый пес; взглянешь на него и сразу скажешь, что ездовой пес, потому что ноги у него кривые, «Гришка» лохматый, пятнастый. Все игарские собаки боятся его.

Ездили по Игарке долго, стало темнеть, когда возле кино «Первый заполярный» навстречу нам из-за бугра вылетели три упряжки оленей. Очень красивые олени, рога у них как ветвистый дуб. На каждых санках-нарте сидел эвенк и

держал большую длинную палку, которая называется хорей; этой палкой, как кнутом, погоняют оленей. К последней нарте успел прицепиться какой-то мальчик и мчится за ней, как ветер.

— Он хорошо прокатится, — говорит Витя.

— Да, пожалуй.

Мы подехали к дому, было совсем темно. И вдруг, только мы хотели пойти погреться, стало светло-светло.

— Витя, смотри-ка, северное сияние. Да какое красивое! — закричал я.

Витя стоял и глядел в небо, полыхающее яркими цветами сполохов.

— Как разукрашенная занавеска шевелится от ветра, — сказал он. — А вот в учебниках рисуют сияние правильным полукругом, как радугу, наверное, художники ни разу не видели нашего сияния.

Громкий лай «Гришки» и «Мишки» прервал наши наблюдения: пришлось забиться о своих «конях».

ВАСЯ ПОЛЕЖАЕВ

Песец был лияльый

Клев уже кончился. Мы бросили удочки и пошли бродить по озерам. С нами были собаки, поэтому мы стреляли в летящих уток, не боясь, что утка упадет в воду. Наши собаки доставали их.

Вдруг что-то громко зашевелилось у берега. Мы посмотрели в воду, там устривалась на ночлег большая щука.

Ваня выстрелил. Хищница сразу перевернулась в воде и всплыла вверх. Есть мы ее не стали, а хорошо накормили собак.

Идем дальше. Слышим, нас нагоняет третий наш товарищ — Петя. Он подбежал к Ване и стал выхватывать у него из рук берданку.

— Это зачем тебе?

— Там песец у озера пьет воду!

— Чудак ты, Петя, — смеясь ответил я ему, — зачем тебе летний песец, он сейчас лияльый.

Домой мы возвращались в лодке на буксире у собак.

ФЕДЯ ШАТКОВ

На рыбалке

Книги и тетради положены в шкаф — и скорее на улицу, на свежий воздух, где зеленеет трава, где слышится протяжный разговор ручейков, бегущих по камешкам! Весна не жлет!

Солнце сверкает в каждой луже. Голо-

са весны звучат и у нас, на далеком Севере. Лед прошел. В воду опушены самолеты и поставлены жерлицы на шук.

Мы с братом едем на лодке по Енисею осматривать наши самолеты. Я сначала замерзла от утреннего холодного воздуха.

На берегу Енисейского залива, в 500 километрах севернее Игарки, есть рыбоконсервный завод. Поглядите, в каких огромных бочках солят рыбу...*

но, взявшись за весла, быстро разогрелась.

Впереди сквозь густой туман что-то зашлепало, забрызгало, заплескалось в воде, как будто кто-то купался. Налетел маленький ветерок и разогнал туман. Тогда мы увидели большую рыбу, которая то ныряла в воду, то высоко прыгала из воды и сильно била хвостом. Это была стерлядь. Брат взял багор и бросил в рыбу. Стерлядь быстро ушла в воду и больше уже не показывалась.

Когда мы стали вынимать из самолетов, вдруг что-то задергалось и зашумело возле нашей лодки. Одному стало невозможно удержать самолет. Взялись вдвоем, тихонечко подтягиваем рыбу

к лодке. Каково же было наше удивление, когда мы увидели в воде какое-то круглое животное. Это была рыба-широколобка (так зовут на Енисее рыбу «подкаменщик»). Голова была у нее большая и широкая, а все тело — меньше головы. Мы стали удивляться, почему она так сильно дергала самолетов, но потом увидели, что на следующем крючке рвется еще какая-то рыба. Кое-как вдвоем втащили и ее в лодку и прикрыли досками. Но она была такая сильная, что подбрасывала доски кверху. Тогда брат ударил ее по голове, и она присмирела.

Через три часа эта стерлядь лежала на столе. Весила она больше пуда.

НАДЯ ЗЫРЯНОВА

СОБАКИ ВМЕСТО МОТОРА

Интересно ехать на лодке, когда по берегу идут две собаки и тянут ее на лямке. Раз мы ездили так на речку Гравийку за шишками. В лодке нас сидело шесть человек, а по берегу бежали две собаки и на длинной веревке тащили лод-

ку против течения. Лодка, будто моторная, плыла по воде. А мы спокойно сидели в лодке и распевали на весь лес «Песню о Ворошилове».

МАРУСЯ БЕЛЯНИНА

Ирина Петрова

Рис. Ю. Кискачи

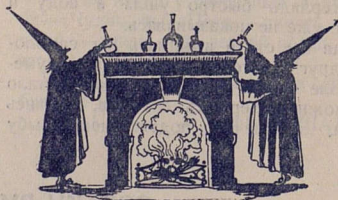
В глубокой древности
 Была одна страна,
 Где жили рядышком
 Два старых колдуна.
 Один был Пиколе,
 Насмешник и болтун.
 Другой был Паколе,
 Завистник и хвостун.
 Хранило зелье их
 От смерти и от бед,
 И было вместе им
 Четыре сотни лет.

Шепча заклятия,
 В волшебных колпаках,
 С волшебной палочкой
 В волшебных чугунах
 То зелье чудное
 Варили колдуны
 При свете призрачном
 Ущербленной луны.

Однажды Пиколе
 Сказал: «Я пошучу
 И на день Паколе
 Я в рака превращу.
 Пускай поползает
 Он задом наперед!»
 И начал зелье он
 Мешать наоборот.

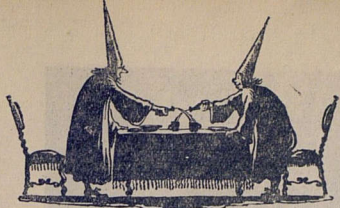
«Когда натешусь я,
 То зелием другим
 Его попотчую,
 Чтоб стал собой самим».
 И новым зелием
 Наполненный графин
 Он с осторожностью
 Поставил на камин.

В тот день и Паколе
 Сказал: «Я пошучу
 И на день Пиколе
 Я в краба превращу.
 Пускай побегает
 Он вбок, а не вперед!»
 И начал зелье он
 Мешать наоборот.

«Когда натешусь я,
 То зелием другим
 Его попотчую,
 Чтоб стал собой самим».
 И новым зелием
 Наполненный графин
 Он с осторожностью
 Поставил на камин.

Пришли волшебники
На дружеский обед,
И каждый думает:
Его хитрее нет.
Сидят приятели,
Беседуют, едят,
Но друг за дружкою,
Внимательно следят.

Из чаши Паколе
Отпил вина глоток,
И появились вдруг
Тончайших восемь ног,
Вся кожа нежная
Оделась в твердый фрак,
И понял Паколе,
Что он зеленый рак.

В бессильной злобе
Он сидел. Меж тем
И бедный Пиколе
Зеленым стал совсем,
И твердым панцирем
Он защищен кругом.
Он крабом стал,
И нет сомнения в том.

— Плохие шуточки, —
Сказал по-рачьн рак. —
Впервые вижу я,
Что Пиколе дурак.
Но зелье чудное
Сварил я и припас,
И прежний образ мой
Вернет оно сейчас.

Обманщик Пиколе
И крабом проживет,
За шутку глупую
Его возмездье ждет.

— Плохие шуточки, —
По-крабьи краб сказал, —
Впервые вижу я,
Что Паколе нахал.

Но зелье чудное
Сварил я и припас,
И прежний образ мой
Вернет оно сейчас.
Обманщик Паколе
И раком проживет,
За шутку глупую
Его возмездье ждет.

За крабом медленно
Пополз зеленый рак,
Но зелье чудное
Им не достать никак.
Не дотянуться им,
Клешней не зацепить,
И образ прежний свой
Теперь не возвратить.

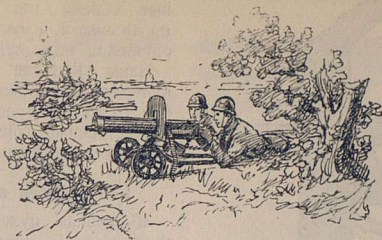

Живут волшебники
В сырой воде сейчас,
И слезы капаят
Из выпученных глаз.
Мы варим их,
И в кипятке всегда
Они краснеют
От досады и стыда.
И стыдно им,
Что все на них глядят,
И грустно им, что
Люди их едят.

Пулеметчики горнострелковой дивизии на ученье в горах. Хорошо виден станок для наземной стрельбы. У правой руки первого номера виден болт грубой наводки, а под рукой—винт механизма тонкой наводки. Около катков виден стол, который можно двигать по дугам, скрепленным с хоботом станка. Над рукой наводчика видна рукоятка, которая во время стрельбы поворачивается на оси 8—10 раз в секунду.

Пулемет

М. Занеин

Когда появился пулемет

1870 год отмечен в истории началом франко-прусской войны.

Полчища немцев топтали и грабили землю французского народа.

Свирепые завоеватели были убеждены в силе своего оружия, они гордились своей артиллерией.

Однако спесь надутых немецких генералов была вскоре сбита (что, впрочем, бывало не раз и раньше и позже).

Корпус французского маршала Конробера в большом сражении 18 августа 1870 года сумел нанести ужасные потери своему врагу. Это было достигнуто неожиданным применением нового средства борьбы.

Измученные пруссаки услышали резкие, отрывистые звуки, похожие на стократно усиленный треск разрываемой шолоковой материи.

Этот треск сопровождался градом пуль. Свинцовый град выкашивал ряды наступающих, как коса срезает траву.

Так 18 августа 1870 года заговорила митральеза — пулеметательная скорострельная машина, делавшая до 150 выстрелов в минуту.

С тех пор на полях сражений, в каждой новой битве, в каждой новой войне, все громче и громче звучал голос пулемета.

Какое значение имеет пулемет

Еще сравнительно недавно, перед началом империалистической войны 1914—1918 годов, пулеметам не придавали особого значения.

Достаточно сказать, что во всех армиях их было не более 8—12 штук на полк, а ведь полк состоит из 2—3 тысяч солдат.

Первые же крупные бои показали, что пулеметов нужно иметь побольше.

Пулеметы облегчают оборону. Своим метким огнем с расстояний в 1000, а иногда и более метров они выкашивали наступающих солдат, расстраивали их боевой порядок, понижали боевой дух наступающих.

Не раз наступающий противник пытался заранее, до атаки, разрушить и уничтожить пулеметы обороняющихся.

По указаниям разведчиков, обнаруживших место нахождения пулеметов, начинали стрелять пушки.

Иногда часами и днями длился такой обстрел: он назывался артиллерийской подготовкой. Казалось, все должно быть уничтожено такой жестокой бомбардировкой.

Но обычно перед атакой, когда артиллерия наступающей стороны была вынуждена прекращать обстрел обороняющихся, чтобы не убивать своих же солдат, в последнюю секунду среди взорванных окопов неожиданно «оживал» пулемет.

С кратчайших расстояний ловкие и мужественные пулеметчики расстреливали наступающих. Иногда один пулемет и два обслуживающих его солдата останавливали движение целых батальонов и полков.

Так срывались наступления и захлебывались в пулеметном огне штыковые атаки.

боявые морские и речные суда, специальные войска для борьбы с воздушным противником, кавалерия — всюду на вооружении есть пулеметы.

Наша Красная Армия также богата пулеметной техникой. У нас на вооружении отличные пулеметы. И ими владеют мужественные, горячо любящие свою родину, меткие бойцы-пулеметчики.

Как устроен пулемет Дегтярева

«Бабушка» пулеметов наших дней — митральеза — своим видом напоминала пушку.

Ее обемистый ствол представлял собою кожух, вмещающий 25 стволов небольшого калибра.

При помощи остроумного механизма, приводимого в движение рукой стрелка, все 25 стволов быстро заряжались и один за другим стреляли.

Около 150 пуль выпускала митральеза в течение 1 минуты. И пули ее летели на расстояние до 3500 метров.

Вместе с тем у митральезы были большие недостатки. Ее вес на походе и в бою равнялся 1000 и более килограммов. Такую машину трудно было подтаскивать близко к врагу, а издали митральеза стрелять не могла: пули ее сохраняли убийную силу на расстоянии в 1200—1500 метров.

Кроме того было очень неудобно крутить ручку механизма, перезаряжающего стволы митральезы. Человек торопливый стрелял слишком часто, и пули попадали в одно и то же место, медлительный стрелок вращал механизм митральезы слишком медленно, и редкий огонь не причинял особого вреда противнику.

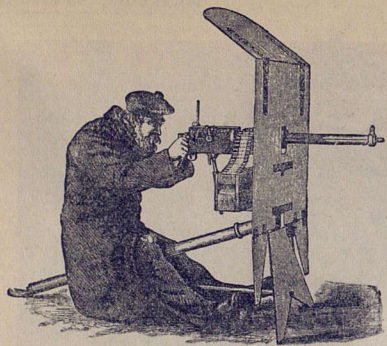
В наше время пулеметы обладают всеми достоинствами митральезы и не имеют ее недостатков.

Возьмем для примера легкий пулемет, сконструированный русским изобретателем Дегтяревым. Пулемет Дегтярева принят на вооружение Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Им вооружены пехота, конница, авиация, танки.

Пехотный образец пулемета Дегтярева (ДП) имеет боевую скорострельность, равную 100—125 выстрелам в минуту.

Дальность прицельного огня из этого пулемета равна 2000 метров.

А вес его равен всего 10,5 килограмма. Такой пулемет любой боец может нести в руках, он легкий, прост по устройству, безотказен в работе.

Таким был пулемет Максима в 1887 году.

Но не только для обороны пригоден пулемет. Наступающие, передвигаясь вперед, как бы прикрываются пулеметным огнем. Например впереди окоп, из него стреляют непрерывно и метко солдаты противника. Двигаться вперед опасно. Тогда на выручку наступающим приходит пулемет. Из укромного местечка пулеметчики начнут обстреливать окоп врага.

Под градом пуль сидящие в окопе будут вынуждены прекратить стрельбу. Часть их будет убита, часть спрячется, и даже у мужественных стрелков меткость станет поменьше.

И в момент, когда под пулеметным огнем обороняющиеся пригнулись к земле и ослабили силу и меткость своего огня, — в этот момент наступающие без больших потерь перебегают поближе к врагу.

Так, сочетая движение с огнем и огонь с движением, наступающим удавалось приблизиться к противнику вплотную, ворваться в его оборонительные сооружения и окончательно уничтожить врага в рукопашной схватке.

В результате опыта боевого применения пулеметов число их в армиях всех стран, участвовавших в войне 1914—1918 годов, стало быстро увеличиваться.

После империалистической войны насыщение пулеметами войсковых единиц (взводов, рот, батальонов, полков) продолжало возрастать.

Пулемет перестал быть исключительно пехотным оружием. Боевые самолеты, танки, броневомобили и бронепоезда,

Пулемет Дегтярева, как и все современные пулеметы вообще, отличается от митральезы тем, что скорострельность его достигается не силой человека, приводящего в движение механизмы, и не большим числом стволов. Пулемет Дегтярева имеет 1 ствол, а зарядание его патроном и выстрел производятся автоматически, самопроизвольно, по желанию стрелка.

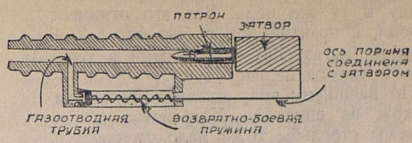
Что за сила приводит в движение механизм пулемета Дегтярева, как устроена эта автоматически работающая машина?

Вы знаете, быть может, что пуля выбрасывается из ствола силою упругих нагретых газов, образовавшихся при взрыве пороха в гильзе патрона.

Часть этих пороховых газов, следующих за пулей, через отверстие в канале ствола отводится в газовую камеру и толкает вперед газовый поршень.

Под давлением пороховых газов поршень отходит назад, сжимает возвратно-боевую пружину и отводит затвор. Затвор, прилегающий к пеньку ствола, вытаскивает стреляную гильзу.

(А)
До выстрела ствол
Залплет пружина
ослаблена.

(Б)
После выстрела
газы отбросили
поршень и затвор
назад и сжали
пружину.

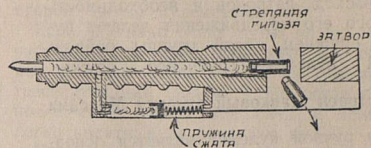

Схема автоматического оружия, действующего отводом пороховых газов.

Как только действие пороховых газов прекратилось, возвратно-боевая пружина распрямляется и толкает газовый поршень и соединенный с ним затвор вперед. При этом затвор захватывает из дискового магазина очередной патрон, вталкивает его на место в ствол и ударом бойка вызывает выстрел. Так все явления сами собой повторяются автоматически, и стрельба продолжается до тех пор, пока все 49 патронов, вмещающихся в магазин, не будут расстреляны или пока стрелок не перестанет нажимать на спусковой крючок.

Так как пулемет рассчитан на быструю стрельбу, то его ствол требует охлаждения, а это достигается увеличением поверхности ствола. Ствол пулемета Дегтярева ребристый — воздух, соприкасаясь с нагретой поверхностью ствола, отнимает большую часть теплоты и вызывает охлаждение металла.

Надо сказать, что технически возможная скорость стрельбы из пулемета Дегтярева равна 600 выстрелам в минуту, а боевая, как вы знаете, равна всего 100—125 выстрелам. Эта разница возникает по той причине, что при стрельбе нужно менять магазины с патронами. Все 49 патронов пулемет расстреляет в течение 5 секунд, а смена магазина требует еще 5 секунд. Затем стрелок должен вновь прицеливаться: при стрельбе стрелок должен менять точку прицеливания.

Стрельба из ручного пулемета системы Дегтярева. Слева пулеметный диск.

ведь нет смысла все пули направлять в одну и ту же цель. Все это отнимает время, и практически, в бою более 2—3 дисков (магазинов) с патронами в течение 1 минуты не расходуют.

По внешнему виду пулемет Дегтярева похож на винтовку. Устройство его и приемы стрельбы тоже мало отличаются от винтовки.

В бою этот пулемет может переносить и использовать даже один боец. Но большой расход патронов и необходимость быстрого его передвижения делают пулемет оружием целой группы бойцов; ручной пулемет — групповое оружие.

Как устроен станковый пулемет Максима

Если ручной пулемет является основным оружием небольшой группы бойцов (отделения), то у взвода и роты есть более мощная машина — станковый пулемет.

Станковый пулемет, состоящий на вооружении Рабоче-Крестьянской Красной Армии, изобретен американцем Кайрам-Стивенс Максимом в 1887 году.

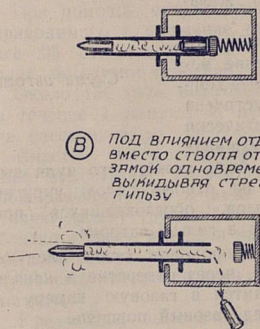
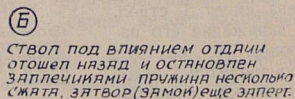
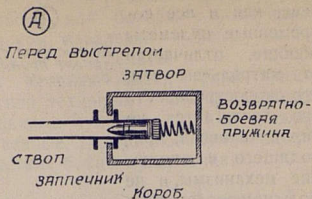
С тех пор пулемет Максима, изменяясь и совершенствуясь в деталях, в своей основе остался неизменным до наших дней.

От ручного пулемета Дегтярева пулемет Максима отличается тем, что он укреплен на станке системы Соколова. Станок придает большую устойчивость пулемету. Особые приспособления позволяют вести меткий огонь с большого расстояния, иной раз даже стрелять с закрытых позиций и через головы своих войск.

Темп стрельбы пулемета Максима тот же, что и у ручного пулемета, — 600 выстрелов в минуту, но боевая скорострельность равна не 100—125 выстрелам в минуту, а от 250 и до 350 выстрелов, т. е. больше в 2—3 раза чем у ручного пулемета. Это увеличение боевой скорострельности объясняется тем, что магазином у пулемета Максима служит лента, вмещающая 250 патронов, т. е. в 5 с лишним раз больше, чем помещается в диске ручного пулемета.

Механизмы пулемета Максима приводятся в действие не отводом пороховых газов, а силой отдачи.

Отдачей называется движение ствола орудия в сторону, противоположную выстрелу.

Схема автоматического оружия, действующего силой отдачи.

Пулемет Максима устроен так, что ствол, начав двигаться назад, силой своего давления взводит боевую пружину, открывает затвор, выкидывает гильзу, заставляет затвор вытащить очередной патрон из ленты и вставить его в патронник и затем произвести выстрел.

Все эти действия происходят автоматически, стоит только зарядить пулемет и нажать на спусковой рычаг, дающий «разрешение» автоматическому механизму начать стрельбу.

Большое число выстрелов сильно разогревает ствол станкового пулемета. Раскаленный ствол меняет свои свойства и неточно посылает пули в цель. Чтобы этого не было, ствол нужно охлаждать. Но воздушное охлаждение неспособно предохранить ствол станкового пулемета от быстрого перегрева.

Поэтому в отличие от ручного пулемета ствол пулемета Максима помещается в кожух, в который наливается вода.

Как видите, пулемет Максима—громоздкая машина. Вес его равен 65 килограммам. Обслуживать его должно несколько бойцов, в их числе командир пулемета, определяющий, по каким целям надо стрелять, дальномерщик, определяющий расстояние до цели, наводчик и его помощник, направляющие пулемет в цель и производящие стрельбу, подносчики патронов. Все эти бойцы составляют целый маленький коллектив — группу, поэтому станковый пулемет тоже носит название оружия группового. Такая группа пулеметчиков называется отделением.

Как же действует в бою пулеметное отделение, какими свойствами обладает наш станковый пулемет? Об этом рассказал посетивший нашу редакцию снайпер-пулеметчик Н. Н. Салов.

Стреляем по-разному

Стрелять из пулемета мы можем по-разному. Вот нам нужно поразить небольшую и неподвижную цель. Мы знаем расстояние до нее и ведем огонь в точку. Все механизмы пулемета закреплены, и пули летят в одно место.

Но вот противник пошел на нас в атаку. Перед нами широкая цепь. Мы укрепляем рассеивающий механизм, и пулемет начинает стрелять с рассеиванием по фронту — по горизонтали. Пули, вылетая из ствола, постепенно сами отклоняют пулемет вправо. Пулеметчик только придерживает его за ручку, чтобы он отходил не очень быстро, и потом проводит обратно. Пули летят веером, рассеиваясь по фронту.

По дороге идет колонна противника. Цель по фронту спереди узкая, но зато в длину большая. Мы можем из пулемета прострелять ее в глубину. В этом случае наводчик ведет огонь, а помощник наводчика вращает специальный механизм, и ствол пулемета медленно то поднимается, то опускается, и поэтому пули покрывают большое пространство, рассеиваясь в глубину.

Когда стреляем по самолетам, то тело пулемета снимается со станка и устанавливается на треногу. С треноги стреляют стоя, можно и сидя, с особым зенитным прицелом, а самое главное, тренога позволяет стрелять под очень большим углом вверх — почти в самый зенит.

Кроме того огонь из пулеметов различают еще по направлению. Вы, наверное, думаете, что проще всего стрелять прямо по врагу — фронтальным огнем. Но как раз это очень сложно, требует много пуль и точного знания расстояния. Поэтому всегда стараются противника обстрелять из пулеметов фланговым или продольным огнем, например вдоль его колонны или сбоку. Но самым губительным для врага является перекрестный огонь, когда цель обстреливают с двух сторон двумя пулеметами.

Если нам надо очень точно определить расстояние до цели, например до окопов, для пристрелки к цели мы стреляем трассирующими пулями. Они оставляют после себя светящийся след, и можно легко видеть, куда попадают пули.

Раньше уже было сказано, что мы можем из пулеметов обстреливать и невидимые для нас, закрытые цели. Вот, например, разведчики донесли, что на обратном, невидимом для нас скате холма накаплиется пехота противника, чтобы атаковать наше расположение. С помощью особых математических таблиц и измерительных приборов мы быстро вычисляем, как нам надо стрелять, как установить механизмы пулемета, и, пользуясь тем, что пуля во время полета описывает дугу, мы можем обстрелять и рассеять противника, скрывающегося от нас на обратном склоне.

Очень важно уметь стрелять в дыму и ночью. В современной войне очень часто бой будет вестись ночью или под прикрытием дымовой завесы. Атакующему выгодно быть невидимым, чтобы по нему было трудно стрелять. Но мы, пулеметчики, заранее, днем, измеряем и пристреливаем все направления и места, откуда может появиться противник, и несмотря на дым и темноту открываем меткий огонь.

Задачи пулеметов

Во время боя пулеметы выполняют очень много задач. Если наши части наступают, то пулеметы идут с ними и поражают противника, засевшего в домах, окопах, укреплениях или пытающегося перейти в контратаку, расстреливаем расчеты пулеметов и орудий противника. Мы можем стрелять и в промежутках между своими наступающими частями. Возможность такой стрельбы мы определяем просто: вытягиваешь вперед руку с

растопыренными указательным и средним пальцами. И если в поле зрения между пальцами не видно наших бойцов, а фланги своих войск касаются внешних сторон пальцев, — значит, смело можно стрелять.

Можем стрелять и поверх голов наших частей, но тут расстояния определяются при помощи специальных измерительных приборов: угломеров-квадрантов, оптических прицелов, дальномеров и т. п.

Когда же наши части обороняются, пулеметчики огнем из пулеметов отражают атаки противника, поддерживают контратаки наших частей. Чаще всего мы стараемся применить фланговый огонь. Например противник наступает из лесу, из оврага, из-за гребня возвышенности или же просто передвигается перебежками по ровному полю. Мы направляем пулемет вдоль фронта наших войск, и, когда враг приблизится, мы неожиданно протягиваем перед ним полосу из пуль, которая не позволяет ему продвинуться вперед.

Если нас атакуют танки, то мы замаскировываем пулеметы: прячем их в ямы, закрытые сверху крышками с травой, ветками, особыми маскировочными коврами и сетками. Когда же танки пройдут и за ними появится пехота, — тут-то мы и появляемся из-под земли, открываем губительный огонь и уничтожаем ее. А одна танки без пехоты не так опасны.

Какими должны быть пулеметчики

Как вы знаете уже, пулемет называют групповым оружием потому, что его обслуживает несколько человек. Бойцы пулеметного расчета носят названия номеров: так, наводчик носит название 1-го номера, его помощник — 2-го номера и т. д. Но все номера должны уметь заменить друг друга. От пулеметного расчета требуется большая сработанность. Каждый боец должен очень точно и четко делать свое дело, отлично знать пулемет. В бою бойцы должны понимать друг друга почти без слов. У нас бывает так, что командир успел только произнести пер-

вую букву команды, а бойцы уже начинают выполнять ее.

Какими качествами должен обладать пулеметчик? Я считаю, что прежде всего у него должны быть очень хорошие нервы. Вот противник атакует, пулеметчик лежит у пулемета и ждет удобного момента, чтобы открыть огонь и смести его. Врага надо подпустить настолько, чтобы полностью его уничтожить. Тут надо хладнокровно рассчитывать, выждать, спокойно наблюдать. Враг все ближе и ближе. Надо лежать не волнуясь и вовремя открыть огонь, и, если в это время случилась задержка, нужно не волноваться, но быстро ее устранить.

Нужен пулеметчику и меткий глаз. Мы почти ежедневно тренируемся в стрельбе, отбатываем одну за другой задачи. Вы в классах решаете задачи по физике и математике. Мы же решаем задачи по стрельбе, и без решения задач по физике и математике нельзя на «отлично» решать задачи по стрельбе. Чтобы точно поразить цель, мы должны учитывать и силу ветра, и температуру воздуха, и отдаленность цели. Все это влияет на полет пули. Вот, например, одна из задач, которую мы решаем: стрельба по движущимся автомобилям. Перед нами видны деревянные автомобили. Они движутся со скоростью 15 метров в 3 секунды. Их двигают люди, укрывающиеся в блиндажах — закрытых бетонированных окопах. За эти три секунды мы должны выпустить по автомобилям 2 очереди по 3 пули и пробить их. Стреляем мы и по макетам самолетов, которые быстро двигаются по проволоке.

Пулеметчик, как и всякий боец непобедимой Красной Армии, должен быть политически развит, горячо любить нашу великую родину, быть готовым отдать за ее победу свою жизнь.

Пулеметчики Красной Армии готовы в любой момент уничтожить огнем врага, осмелившегося на нападение. Метким огнем мы поддерживаем наступление наших бойцов до полного разгрома противника.

Сказка о славном Дюро Рашовиче

Радуле Стийенский

Рисунки Ю. Кискачи

Перевод с сербского М. Алиер

Эта сказка — продолжение славной истории о черногорском сказочном герое — пастухе Дюро Рашовиче, который освободил черногорский народ от ненавистной угнетательницы царицы Ирины безумной. Сказка Р. Стийенского о Дюро Рашовиче и царице Ирине безумной была напечатана в № 11 журнала «Пионер» за 1937 год.

Умерла безумная Ирина,
 Опустел престол великой Зеты,
 Без вождя народ ее остался,
 Царский меч покрылся едкой ржою.
 И пришли к прининному граду
 Люди славной Зеты, люди Рашки
 И другие балканские народы,
 Жившие под ненавистным игом.
 Низко-низко поклонившись Дюро,
 Эти люди вымолвили хором:
 — Помоги нам, добрый брат наш Дюро,
 Мы к тебе пришли с великой просьбой
 Ты убил жестокою Ирину,
 Погубил безумную ворону,
 Что над нами царствовала властно,
 Каркала, носилась, ворожила
 Триста тридцать три тяжелых года.
 Ты, юнак бесстрашный и могучий,
 Будь отныне нашим властелином.
 Сядь на трон из золота литого,
 Облачись в пурпурные одежды,
 Опасайся мечом волшебным,
 Скипетр возьми рукою сильной,

Водружи на голову корону
 И зовись отныне Дюро Первым.
 Будь защитником бездомного люда,
 Черногорской бедноты голодной,
 Будь источником чести и правды,
 Береги гайдуцкую свободу.
 Ах ты, Дюро Рашович, сильный,
 Ты уважь народную просьбу,
 Облегчи народную долю,
 Осуши народные слезы!
 Пусть он выпрямит согбенную спину,
 Отдохнет от мук своих извечных,
 Запоет веселые песни.
 И над просьбой своего народа
 Призадумался Дюро Рашович.
 Размышлял он целую неделю.
 Думал месяц, и другой, и третий.
 Вот уж год, как думает Дюро.
 Все не знает, что ему ответить,
 Взять ли скипетр из чистого золота
 В богатырские простые руки
 Иль отправиться бродяжить, как прежде,
 По хребтам да по чабанным стоянкам,

По приморским городам да по селам
Со своими Мачеком и Вуком¹.
А пока раздумывал Дюро,
Начались великие смуты.
Малисоры засели в ущельях,
По хребтам спуют арнауты,
Никому незнакомые гайдуки
По дорогам грабят караваны.
Турки подошли к одной границе,
А к другой подходят генуэзцы,
К третьей — храбрые венецианцы,
А к четвертой — смуглые болгаре.
Всполошились зетские народы,
Снова просят Дюро-великана:
— Что ж ты, Дюро Рашович, могучий,
Разве так поступают юнаки?
Ты убил безумную Ирину,
Умертвил проклятую ворону.
С неприступных крепостных башен
Оглашающую карканьем Зету.
От зловещего карканья вороны
И дожди перестали падать с неба,
Горные источники иссякли,
Наши виноградники посохли.
От нее освободил ты Зету,
Доведи же до конца свое дело.
Наступает тяжелое время.
Сотня воронов каркает над нами,
И от этого проклятого крика
Потекли обратно наши реки.
Все посевы на корню погибают,
Что поспело, поклевали птицы
Кукуруза растет корнями кверху.
Не горят сосновые лучины,
Почва делается солончанковой,
Кровь струится из овечьих вымен,
Травы превращаются в колючки.
Помоги ты своему народу,
Разгони ты разбойничью шайку!

Тут могучий юнак согласился,
Он взошел на престол опустевший,
Взял он скипетр золота литого
Сильными пастушьими руками
И назвался он Дюро Первым.
Разогнал он разбойничью шайку,
Утвердил он границы державы,
Обучил многочисленное войско
И разрушенные крепости отстроил.
Он понизил сборы и налоги,
Бедноту совсем от них избавил.
И в стране воцарился порядок,
Прекратились грабежи и убийства.
Плодородный дождь на землю хлынул,
И народ свободно, вольно зажил,

И народ прославил Дюро в песнях,
И повсюду эти песни звучали,
Доносились до далекого Рима,
Доносились до прекрасной Вены,
До Генуи, Софии, Тираны,
До красавицы Венеции надводной,
До богатых берегов Босфора,
До Стамбула, до дворца султана.
И султан Таир услышал как-то
Эти песни, дышащие счастьем,
Эти песни про Рашовича Дюро.

Не понравились песни те султану,
Он созвал пашей своих и беков
На красивые брега Босфора
И такую речь держал пред ними:
— Верные друзья мои и слуги,
Наступает тягостное горе,
Говорю вам я, султан турецкий,
Утвержденный волею пророка.
Новый царь короновался в Зете,
В этой Карадаклии мятежной.
Говорят, народом был он избран,
Сам народ поднес ему корону.
Говорят, не царского он роду,
И не царские вводит он порядки.
Бедноту берет он под защиту,
Разговаривает сам с мужиками,
Понижает им подати, налоги,
Помогает деньгами и советом.
Говорят, он укрепил границы,
Неприступные крепости построил,
Обучил многочисленное войско.
Шугур богу, говорю я правду,
Не по сердцу мне царь этот новый,
Не по сердцу мне его порядки.
Ведь о них еще услышать могут
Наши слуги и наши крестьяне
И себе пожелать таких порядков.
Каждый любит волю и свободу.
Мне же это вовсе не по вкусу.
Вдруг еще взбунтуются холопы,
Захотят ввести свои законы
И прогнать пророкова султана.
Так сказал султан Таир турецкий
И речей своих он сам испугался.
Побледнел, как морская пена,
Как перо белоснежной чайки,
Задрожал, как тростник над рекою,
Опустился на ковер цветистый.
Испугались паша и беки,
Зашумели, как осенние листья,
Зашушукались между собою
И от страшного горя замолчали.
А Таир передохнул немножко,
Приподнялся с ковровых подушек,
Средним пальцем почесал под носом,

¹ Кот и пес Дюро Рашовича.

Обратился к своим генералам:
— Ой вы, беки, орлы и забяки,
Собирайте вы великое войско
И ведите вы армию лихую
На поля Карадакли мятежной!
Мы войною уничтожим Дюро,
Разгромим мы народное царство
И копытами коней наших быстрых

Втопчем в землю дерзкую свободу!
Звучали серебряные трубы,
Загудела кожа барабанов,
Засверкали кривые ятаганы,
Развернулись зеленые знамена.
Ой, какая выступила сила!

Ой, ой, ой, огромная сила!
Увидал бы ты лютых янычаров!
С кухонными острыми ножами.
Поварские колпаки они надели,
Ой, ой, ой, какая сила валит!

Вот гарцует конница султана,
Всадники на петухах огромных
С пышными цветистыми хвостами.
Всадники на индюках сердитых.
Ой, ой, ой, какая сила валит!

Глянь: идет султанская пехота
На ходулях тонких и высоких,
Кочергами помахивает грозно.
Ай, ай, ай, какая сила валит!
Катятся грохочущие пушки,
Порохом набиты необычным,
Контрабандным табаком заморским,
Тонким, ароматным, трапезундским.

Ой, ой, ой, какая валит сила!
Ой, какая сила входит в горы!
Пыль столбом поднялась до неба,
И от конского ржания и топая
Вся земля дрожит и трясется
И от неба отрываются звезды.

«Дзюнь, дзюнь, дзюнь», — позвякивают
сабли,

«Дон, дон, дон», — постукивают кирки.
«Бом, бом, бом», — грохочут бомбы-дыни,
«Пых, пых, пых», — попыхивают трубки.

Это валит турецкая сила,
Это смелые отряды Таира
Через пень-колоду шагают.
Впереди всех Таир-полководец
На кобыле своей стоногий.
Рядом с ним паши его и беки,
Головы в чалмах белее снега.
А за ними слуги-сераскиры.
И у каждого пестрая торба
И за поясом фляга золотая.
В торбе жареные фисташки,
Розовый рахат-лукум душистый,
Баклава, орехи и цукаты,
Финики, халва, инжир и смоква,

Кольцами витой ячменный сахар
И другие лакомства и явства.
«Буль, буль, буль», — побулькивают флаги,
Точно голуби воркуют под крышей,
А во флягах сладкие шербаты
И густая прная мастика.

Сам султан жует халву сухую,
Запивает розовой водою,
Говорит пашам своим и бекам,
Разжимая слипшиеся губы:

— Ай, ай, ай! Какая сила валит!
Кто пред нею устоять сумеет?
Разве только что Рашович Дюро,
Богатырь отважный и могучий?

— Хо, хо, хо! — хохочут басом беки.
— Ха, ха, ха! — им вторят сераскиры.
— Хе, хе, хе! — смеются янычары.
— Хи, хи, хи! — паши визжат от смеха.
Затрубили серебряные трубы,
Засвистели звучные свирели,
Загудела барабанная кожа,
Ятаганы, как молния, сверкают
И колыхнутся зеленые знамена.

Так дошли они до Косова поля
И раскинули военный лагерь.
Растянули по полю палатки,
Перед ними костры разложили.
Шашлыки поджаривать стали,
До того аппетитно запахло,
Что у неба потекли слюнки
И упали дождем на землю.
Сам Таир в шатре своем ковровом
От дождя неожиданного скрылся.
Спрятался под лопухом широким
И оттуда отдает приказы.
Он зовет быстрого Таира,
Расторопного гонца-письмошу:
— Ты лети в Карадаклию стрелой
И письмо мое Рашовичу Дюро.
Передай ты в собственные руки.
Шугур богу, пусть живет, читает
Грозное посланье от султана,
Писанное желчью и кровью
На дубленой человеческой коже.
Побежал Талир быстрее зайца,
Только пятки замелькали, засверкали,
В три секунды он исчез из виду.
Пересек Метохию в минуту
И на горы Зетские взобрался.
Через реку Тару перепрыгнул,
Переплыл студеную Морачу
И, ни чуточки не запыхавшись,
Стал он перед царскою столицей,
Неприступным дюровым градом.
А от Косова до царской столицы
Будет ровно сто десять копаков,

*Ой, какая выступила сила!
Ой, ой, ой, огромная сила!*

Но за три часа ододел их
Быстроногий скороход Таира.
Подошел он к воротам столицы,
Застучал, заколотил кулаками.
Пропустили сторожа Талира,
Провели по узким переулкам,
Провели через широкую площадь,
Где стоял дворец владыки Зеты,
Сильного Рашовича Дюро.
Где же царь?

Нигде его не видно.

Где ж юнак?

Пропал, исчез бесследно.

Ищут Дюро на высоком троне,
Ищут и за тронем и под тронем,
И в больших и в маленьких покоях.
Где же Дюро? Всюду ищут Дюро.
Где же царь? Нигде его не видно.
Где юнак? Пропал, исчез бесследно.
Ищут в бане и в саду зеленом,
Средь ветвей развесистых деревьев. •
Кличут Дюро с крепостных башен.

Не пошел ли в оружейную палату
Дорогое свое оружие чистить?
Ведь не мог же он спрятаться в печке
И в колоде не мог притаиться!
Где же Дюро? Всюду ищут Дюро
И нигде найти его не могут.
Наконец, на след напали слуги.
Хитрый Дюро притаился на кухне:
У веселого теплого огня
Доедал он десятого барана,
И десятую связку лука,
И десятую бочку допивал он
Виноградного вина молодого.
Привели к нему гонца-письмоношу.
И хитро посмотрел на него Дюро
И спросил его гудящим басом:
— Кто ты, братец, и откуда явился?

Поклонился Талир великану,
И письмо из-за пазухи вынул,
И, приказ султана выполняя,
Передал его в собственные руки
Удалого Рашовича Дюро.
Вытер Дюро усища руками,
Вытер руки широкой штаниной,
Распечатал письмо султана
И читать его начал потихоньку:
«От Таира, турецкого султана,
Наместника великого пророка,
Сильного царя правоверных
И владыки половины вселенной,
Побродяжке Рашовичу Дюро,
Бедняку и царю-самозванцу
Карадаклин, земли красивой.
Люди говорят, что ты бродяга,
Что народу своему надоел ты,

Ложью, колдовством его опутал.
Люди говорят, ты любишь хвастать
Силою своею, и геройством,
И умением владеть оружием.
Люди говорят, что ты построил
Крепости и степля на границах,
Что большое войско обучил ты,
Подати понизил и налоги,
Бедноту совсем от них избавил.
Я клянусь тебе Гогом и Магогом,
Есть конец терпению людскому,
И пришел конец твоим деяниям,
Подлости и мерзостным проделкам.
Отдаю тебе приказ султанский:
Прекрати на троне безобразить,
Славу не кради у государей.
Моментально предо мной явись ты,
Упади на землю на колени
И проси высокого прощенья.
И тогда как царь распрощаюсь я
Отпустить спине твоей холопской
Пятьдесят ударов батогами,
Хоть и больше у меня заслужил ты.
После порки милостью султанской
Я прошу тебе твои поступки,
Дам тебе почетную работу,
Будешь чистить ты мои конюшни.
Уплачу тебе я за год щедро:
По четыре выщербленных гроша,
По шесть пригоршней желтой кукурузы,
По семь жбанов кислой г. остокаваши.
Подписал письмо собственноручно
Я, Таир, султан земли турецкой
И владыка половины вселенной,
Утвержденный волею пророка».

Досмерти перепугались слуги,
Храбрые придворные и свита.
Воцарилась тишина на кухне.
Стало слышно, как летают мухи.
Люди смотрят с трепетом на Дюро,
Ожидая грозного ответа.
Ждут, что заревет он диким зверем,
Размахнется сильными руками,
Растолкает слуг, уберет Талира.
Но юнак ничуть не рассердился,
Только покраснел сильнее, чем прежде,
Точно волк голодный рот разинул,
Сдвинул брови, трижды хмыкнул носом
И чихнул он на письмо султана.
— Будь здоров! — залопотали слуги.
— Будь здоров! — придворные сказали.—
Тыщу лет живи и здравствуй, Дюро!
А юнак рукой под носом вытер,
Опустил в карман письмо Таира
И спросил, прищурясь, письмоношу:
— За какое время ты добрался

От широкого Косова поля
До столицы земли моей Зеты?
Правду говори, меня не бойся.
До земли поклонился письмоноша
Государю Рашовичу Дюро
И в ответ ему умильно пискнул:
— Славный Дюро, государь балканский,
От широкого от Косова поля
До столицы твоей величавой
Будет ровно сто десять конаков.
Я же путь за три часа проделал.
Если б вы меня сытно покормили,
И вином приморским напоили,
И недельку отоспаться б дали,
Я бы снова за три часа домчался
До военного лагеря султана.
Точно пушка, рассмеялся Дюро,
Так что даже скалы задрожали
И ушеля отозвались эхом:
— Не бегун ты, брат, а черепаха
Или виноградная улитка,
Что за год пройти не может сада!
Три часа, пожалуй, слишком много,
Чтоб сто десять пробежать конаков.
Я боюсь, султан окаменеет,
Дожидаясь моего ответа.
Дам тебе письмо я прямо в зубы,
Ты держи его как можно крепче,
Я тебя по-своему отправлю
На широкое на Косово поле.
Взял он кость широкую баранью
И ответ великому султану
Нацарапал острием ханджара.
Сунул кость он письмоноше в зубы,
Взял его за шиворот рукою
И поднял на крепостную башню.
Привязал его он крепко-крепко
К стройному стволу сосны липучей
С ветками, с широкими корнями.
А дубовый ствол согнул он дуком
И пустил беднягу-письмоношу,
Как стрелу свистящую, прямую,
В направленье лагеря султана.
Просвистела та стрела пад Зетой,
Взвилась над сосновыми лесами,
Над белоголовыми горами,
Над водою Тары и Морачи.
Просвистела и вонзилась в землю
Косова широкого поля
Перед шелковым шатром султана.
Письмоноша, точно рыба в сети,
Запищал, затрепетал, забился.
Из зубов бедняка кость баранья
На зеленую траву упала.
Подбежали беки к письмоноше,
Развязали, на ноги подняли,
И баранью кость, посланье Дюро,

Понесли прямешенько султану.
Взял он кость лилейными перстами
И, сощутив маленькие глазки,
Поблуднев, прочел на ней такое:
«От чабанского сына, от бродяги,
Честного, простого черногорца,
Ставленного на престол народом,
Первого Рашовича Дюро,
Гордому царю и льву Стамбула,
Молнии сухой, плетеной плетке,
Бородатой ласточке босфорской,
Выкормленному халвой с шербетом
Знаменитому султану Таиру.
Подожди меня, султан, немного
На широком на Косовом поле.
За письмом своим неграмотным следом,
За твоим Талиром-письмоношей,
Что быстрее молнии небесной,
Пред тобой предстану я с поклоном.
Мы тогда поговорим меж собою
И сведем старинные ссеты.
Подписал письмо собственноручно
Молодой юнак Рашович Дюро,
Государь земли прекрасной Зеты
И хозяин Мачека и Вука».
Только что султан дочел до точки
Дюрово короткое посланье,
На далеком синем горизонте
Показалось облако густое,
Заслонило облако полнеба,
Мечет на земь молнии и громы.
Надвигается оно все ближе
На широкое на Косово поле.
Увидал султан Таир турский,
Увидали и паши и беки,
Молодые сераскиры увидали,
Янгычары и прочее войско:
То не облако летит дождевое:
Это зетский царь Рашович Дюро.
Он спешит на коне своем крылатом,
Из породы коня Бедевия,
Что у колдуна служил когда-то,
У того Ибрагима Онагоста.
Машет конь воронными крылами,
Ударяет копытами по звездам.
То не молнии блещут косые:
То сверкает дюрово оружие.
Разбежалось все султанское войско,
Побросало ножи и кастрюли,
Поварские колпаки побросало,
Побросало пушки и мортиры,
Табаком набитые заморским.
С петухов лихих кавалеристы
Наземь сперепугу повалились,
И свои ходули побросала
Смелая султанская пехота.
Ай, ай, ай, какая сила валит,

А герой-юнак Рашович Дюро,
Сидя на коне своем крылатом,
Точно бабочка, порхает над полем.

Небывалая поднялась сила!
Горькими слезами плачут беки,
Утираясь грязными чалмами.
А султан уткнулся носом в землю,
Запищал и ножками задрывал,
Точно малый, неразумный ребенок,
Что не хочет кукурузной каши.
А герой-юнак Рашович Дюро,
Сидя на коне своем крылатом,
Точно бабочка, порхает над полем.
Видит Дюро: не с кем тут сражаться:
Разбежались храбрые вояки,
Сам султан Таир лежит под кочкой
И не может двинуться от страха.
За штаны его Рашович поднял
И с чалмы его шолковой отрезал
Полумесяц из кованого злата,
Полумесяц вставил в рукоятку
И сказал, вернув его Таиру:
— Эй, наместник самого пророка,
Получай-ка ты свой полумесяц,
Убирайся подобру, поздорову,
Жни пшеницу, и забудь о войнах,
И не зарься на чужие страны,
Защищаемые силой народной.

Тут наш Дюро возвратился в Зету,
Посидел на троне для приличья.
А потом шмыгнул тихонько в кухню,
Примостился около огня,
Начал есть он пециво баранье,
Заедать его зеленым луком,
Запивать его вином приморским.
Не успел юнак наесться вдоволь,
Не успел как следует согреться,
Как явился новый письмоноша,
Кулками застучал в ворота.
— Ах, ты, чорт возьми! —
промовил Дюро. —
Ни минуты не дают покоя!
Бросил необглоданные кости
Смирно дожидавшемуся Вуку
И коту, мурлыкавшему песню,
И велел ввести гонца на кухню
И явился тот, гремя оружием,
В белой пене страусовых перьев,
Вьющихся над гордой головою.
Стройный рыцарь, писанный красавец,
Императорский гонец из Рима,
Быстрый, точно гончая собака.
Поклонился он Рашовичу Дюро,
Изогнулся, как смычок от гуслей,
И промовил тенором высоким:
— Тра-ля, ля, ля, кланяюсь вам низко,
Тра-ля ля, ля, тыща извинений.
Что покой ваш царственный нарушил.
Вам вручить я послан этот свиток.

Мой нелегкий долг меня смущает,
Тра-ля, ля, ля, тыщу извинений
За мою неслыханную дерзость.
Перебил юнак Рашович Дюро
Болтовню красивого посланца,
Вытер жирные пальцы о штанину,
Развернул пергаментный свиток,
Громким голосом прочел посланье:
«От Лубардо, императора Рима,
От наследника девицы Марии,
От хозяина севера и юга,
От владыки половины вселенной
Наглецу, бродяге, самозванцу,
Хитрому Рашовичу Дюро,
Завладевшему землей Монтенегро¹.
Люди говорят, что ты преступник,
Люди говорят, что ворожею,
Колдовством и ложью завладел ты
Золотым престолом Монтенегро.
Люди говорят, что ты зазнался,
Хвастаешься ловкостью и силой
И умением владеть оружием.
Говорят, ты крепости построил
На границах славной Монтенегро,
Обучил многочисленное войско
И понизил бедные налоги.
Но, клянусь я молоком волчицы,
Есть конец терпению на свете.
Надоело мне глядеть спокойно.
Как ты в Монтенегро безобразишь.
Я тебе приказываю, Дюро,
Выбери из своего народа
Тыщу молодых красивых женщин,
Тыщу парней сильных и послушных,
Ровно тысячу быков рогатых,
Ровно тысячу баранов жирных
И пошли мне это все в подарок
В город Рим, к великому престолу,
В город Рим, красивейший на свете,
На семи холмах расположенный.
А еще тебе приказываю, Дюро,
Снаряди ты караван, груженный
Золотом дукатов, мне в Неаполь.
Золото мне нужно для отлитья
Гордых статуй римских полководцев.
Римских пап мудрейших и святейших.
А еще приказываю, Дюро,
Самому тебе явиться лично
К моему великому престолу
В славный Рим на чистых водах Тибра.
Упади предо мною на колени,
Голову свою поспыль золою,
Опоясайся лозою виноградной,
Положи к ногам моим оружие
И смиренно попроси пощады.

¹ Монтенегро — по-итальянски — Черногория.

Я тогда отдам распоряженье
Отлестать тебя пучком крапивы
И сухим терновником колючим.
Может быть, тогда тебя, калеку,
Я прошу и дам тебе работу.
Будешь подметать мой двор широкий,
Расчищать садовые дорожки.
Подписал письмо собственноручно
Я, Лубардо, римский император,
Я, хозяин севера и юга,
Я, владыка половины вселенной».
Досмерти перепугались слуги,
Дюровы придворные и свита.
Воцарилась тишина на кухне,
Люди смотрят с трепетом на Дюро:
Что ответит он, юнак могучий,
Как он гнев на рыцаря обрушит.
Но юнак не рассердился вовсе,
Только трижды почесал под носом,
Да глаза сощурил, да чихнул он
На посланье гордого Лубардо.
— Будь здоров! — залопотали слуги.
— Будь здоров! — придворные сказали —
Тышу лет живи и здравствуй, Дюро!
Спрашивает Дюро письмоношу:
— За какое время ты добрался
От Лубардо до моей столицы?
Итальянец кланяется низко,
Отвечает тенором высоким:
— Тра-ля, ля, ля, несравненный Дюро,
Тра-ля, ля, ля, владыка Монте negro,
От стены воинственного Рима
Будет до престола Монте negro
Триста тридцать тягостных конанов.
Семь часов я только был в дороге,
И когда б мне дали отоспаться,
Да поесть клубники, слив и вишен,
Да попить душистый крепкий кофе,
Я б опять за семь часов добрался
До стены воинственного Рима.
Но Рашович Дюро засмеялся,
Будто бы заклокотал Везувий,
И сквозь смех промолвил итальянцу:
— Может быть, водяняк заболел ты?
Семь часов, да это слишком долго!
Твой Лубардо сдохнет ожидая.
И тотчас юнак распорядился,
Чтобы принесли ему нсмедля
Высушенную воловью шкуру.
И на ней ответ он нацарапал
Императору римскому Лубардо.
Ухватил он рыцаря за уши,
Обернул его воловьей шкурой,
Привязал к спине лохматой Вука
И отдал приказ своей собаке:
— Ты лети быстрее, пес мой верный,
Прямо в Рим носи ты письмоношу,

В мраморный дворец его владыки,
И живей обратно возвращайся!
Ох, и поскакала же собака!
Распахнула пасть свою широко,
Высунув язык, покрытый пеной.
Мчится через горы, через доли,
Разбежалась и со скал Ядрана
Смело перепрыгнула чрез море.
Промелькнула синева морская
В складах волн, одетых белой пеной.
Вук летит, как метеор небесный.
Вот и Рим и сам дворец Лубардо.
И в окно, распахнутое настжеь,
Прыгнул Вук и замер перед троном.
А едва очухавшийся рыцарь
Заканючил, заскулил, заплакал:
— Братья, братья, разберите шкуру,
В шкуре я, спасите, помогите!
Отвязали гердоги и графы
Храброго красавца-письмоношу,
Растянули шкуру перед троном,
И прочел посланье император:
«Я, простой и вольный черногорец,
Я, чабан, гайдук и виноградарь,
Ставленный моим родимым Колом
На престол отчизны нашей Зеты,
Для того, чтобы всегда бороться
За свободу своего народа,
Посылаю краткое посланье
Внуку горделивому волчицы,
Скользкой красноперой тибрекой рыбе.
Так послушай мой ответ, Лубардо,
Но не жди поклонов и подарков.
Не получишь ни рабов, ни злата,
Дам тебе лишь конского навоза,
Из него лепи ты полководцев
И святейших пап из Ватикана.
А еще пришло тебе, пожалуй,
Ровно тысячу хвостов мышиных,
Ровно тысячу ушей ослиных
Да две тыщи пороссячих ножек.
А насчет того, чтоб я приехал,
Я скажу тебе, Лубардо, прямо:
Я приехать бы не прочь, пожалуй,
Да боюсь я за свое здоровье.
Очень уж нечистый воздух в Риме,
Очень много мусору и грязи.
Мы к другому воздуху привыкли,
Вольныс, простые черногорцы,
Так что в Рим я приезжать не стану.
Подписал письмо собственноручно
Молодой юнак Рашович Дюро,
Государь земли прекрасной Зеты
И хозяин Мачека и Вука».
Прочитав послание, Лубардо
Почернел, как ночь, от мрачной злобы,
Шевельнул он красными ноздрями,

Начали друзья топить фаланги,
Легкие ладьи ломать на щепки.

Почесал он лысину большую.
— Эй, герои герцоги и графы!
Адмиралы, фельдмаршалы, вояки!
Собирайтесь все на Монтенегро!
— Тру-ту-ту-ту! — трубачи Лубардо
В полые ракушки затрубили
— Фу-фу-фу-фу-фу! — задули ветры
В паруса, белеющие в море.
Римские знамена развернулись,
Грозный римский флот выходит в море.
Он плывет и вечером и утром
Сквозь туман и под лучами солнца
Трубят трубы, слышится команда,
Паруса вздуваются под ветром,
Тонкие поскрипывают мачты,
А гребцы, что те сороконожки,
Как по счету, поднимают весла.
Впереди Лубардо-император,
А за ним герои-полководцы.
Ну и сила! Берега трясутся,
И вода волнуется морская.

В это время Вук вернулся в Зету,
Лает и рассказывает Дюро,
Что творится на широком море.
Тяжело вздохнул Рашович Дюро:
— Я обязан дать отпор латинам, —
И поднялся с трона золотого,
Оседлал коня и в путь пустился.
Никого юнак не взял с собою,
Только кликнул Мачека и Вука.
Над землей взвился конь крылатый,
Возле ног коня летит собака,
Черный кот несется, как лавина,
Подымая длинный хвост трубою.
Прилетели к берегам Ядрана,
Увидали римскую флотилию,
Подплывающую птичьей стаей.
Дюро соскочил с коня на землю
И вошел он в море по колено,
А за ним друзья его поплыли:
Слева Вук плывет, а справа — Мачек,
Плещут, кувыркаются, ныряют.
Борются с колючими ветрами,
С чудовищами страшными морскими.
Рядом кувыркаются дельфины,
И акулы лязгают зубами.
Осьминоги, крабы и омары,
Щупальца протягивают к Дюро,
Тянут Дюро за ноги, за руки,
За могучую шею молодую.
Стаи каракатиц и лагустов
Норовят пловцов хватить зубами.
Только Дюро гадин разгоняет,
Вук и Мачек помогают другу,
Гадов рвут зубами и когтями
И плывут, ничуть не отставая.

Наконец, уже устав изрядно,
Увидали римскую флотилию.
Вечерело. Заходило солнце.
И морские воды покраснели.
Корабли скользили величаво
По морскому волюющему простору.
Увидали с кораблей плывущих
И, еще не разобрав, в чем дело,
Завопили, обалдев от страха:
— Ай, ай ай, плывет змея морская!
— Ай, ай, ай, плывут киты-акулы!
— Ай, ай, ай, смертельный смерч под-
нялся!
— Ай, ай, ай, грядет на нас антихрист!
Но, пока они не разглядели
Ни юнака, ни кота, ни Вука,
Те нырнули в воду и поплыли
Под водой, под сильным римским флотом.
Начали друзья топить фаланги,
Легкие ладьи ломать на щелки,
И такая разыгралась буря,
О какой не помнили столетья.
Лает Вук, мяучит черный Мачек,
Гнуты мачты и уходят в воду,
Черный дым столбом поднялся в небо,
Волны захлестнули ясный месяц,
Волны поднимаются все выше,
Море, наконец, залило землю.
— Та-та-та! — загрохотали пушки.
— Ду-ду-ду! — им гаубицы вторят.
Страшный ветер и свистит и стонет.
Паруса натянутые рвутся,
Дюро в них бросает чем попало.
Устрицами, крабами, камнями.
И за ним победа остается:
Римский флот, Лубардо, свита, войско
Медленно пошли на дно Ядрана.
Море успокоилось, утихло.
Гладит воду утомленный ветер.
И тогда вернулся Дюро в Зету
Со своими Мачеком и Вуком.
Он созвал людей в свою столицу,
И собрались зетские юнаки,
И такую речь держал пред ними
Молодой юнак Рашович Дюро:
— Вы, мои товарищи и братья,
Слушайте мое простое слово.
Выберите снова из народа
Смелого достойного юнака.
Ну, а я уйду на Ловчен, в горы,
К своему родному брату Павлу.
Буду с ним пасти овец кудрявых
На широком ловченском просторе,
На дугу у букового леса,
Под широким небом черногорским,
Со своими Мачеком и Вуком.

Как узнать историю реки

(Продолжение статьи «Как узнать историю озера»)

М. Дурденевская

МОРЕ ИЛИ РЕКА

Только в седьмом часу вечера я добралась до конторы Челябинских копей,¹ куда была командирована на летнюю практику. Через две — три минуты я была уже в кабинете главного инженера.

— Я студентка, приехала на летнюю практику, — ответила я на немой вопрос сидевшего там человека.

— Маргарита Владимировна? Добро пожаловать. Садитесь. Относительно вас есть особая инструкция, — Сергей Семенович порылся в ящике стола и вытащил оттуда письмо.

Я сейчас же узнала почерк инженера Владимира Эдуардовича, направившего меня в Челябинск.

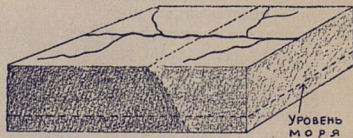
— Вот, — продолжал главный инженер, — «...приедет студентка Маргарита Владимировна, командуйте ее исследовать найденный ею берег третичного моря». Расскажите мне, пожалуйста, какой такой морской берег нашли вы у Челябинска?

— Видите ли, ваши челябинские угли лежат в глинах, отложившихся на земле в юрское время. Затем, в третичное время местность была покрыта морем, оставившим белые и желтые кремнистые глины — по-здешнему — опоки, которые так мешают вам при добыче угля. Берег этого третичного моря мне и удалось найти.

— Как?

— А по карте. Вот посмотрите (мы подошли к висевшей на стене карте): вот граница третичных морских отложений, нанесенная Карпинским. На запад от нее вы видите хорошо развитую речную сеть; на востоке рек очень мало — только те, которые текут с запада, а новых не образуется. Если посмотрите на карту с обозначением высот, то увидите, что западная часть выше восточной на 100 метров и переходит в восточную резко выраженным, хотя и пологим уступом. Вот тот уступ, я думаю, и есть берег моря.

— Так, так, так... А приняли ли вы в расчет, что на западе местность состоит из гранита — породы очень твердой, а на востоке — из рыхлых осадочных пород и что местность очень долгое время подвергалась размыву? Вполне естественно, что за это время рыхлые породы смылись, а твердые оста-

1 А. Кусок земной коры, состоящий наполовину из твердых (слева), наполовину из мягких (справа) пород. По нему протекает река.

¹ Теперь город Копейск.

лись и получился тот уступ, о котором вы говорите.

— Что же смыло мягкие породы?

— Реки.

— Да ведь их же здесь нет! — возразила я.

— Сейчас нет. А можете вы поручиться, что в ледниковую эпоху, когда чуть не половина Европы была покрыта льдом и когда климат был гораздо влажнее настоящего, их не было?

— Не могу. Но ведь, если здесь были реки, они должны были оставить какие-то следы?

— Они их и оставили: третичные морские отложения перекрыты более молодыми речными.

— А не морскими?

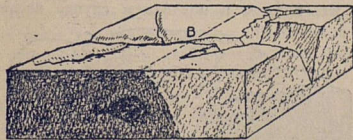
— Нет, Маргарита Владимировна, речными. Вы это завтра сами увидите...

Я была совершенно сбита с толку. Речные отложения... этого я никак не ожидала. Нет, тут что-то не так!

МОЛОДОСТЬ И СТАРОСТЬ РЕК

«Завтра увидим,— думала я, уходя в назначенную мне комнату,— увидим...»—и я принялась тщательно припоминать все, что знала о работе рек.

Предполагая, думала я, что Сергей Семенович прав, и посмотрим, как будут работать реки на местности, состоящей наполовину из твердых, наполовину из мягких пород. Нарисуем местность, состоящую на западе из гранитов, а на востоке—из рыхлых пород (рисунок 1А). Вот по ней текут реки. Реки эти впадают в море, находящееся где-то далеко от нашей местности. Как бы сильно река не размывала местность, а вырыть себе долину глубже чем уровень моря, в которое она впадает, она не может. Отметим пунктиром

1А. Тот же участок через некоторое время, когда в мягких породах реки успели вырыть себе молодые долины (узкие, с крутыми стенками).

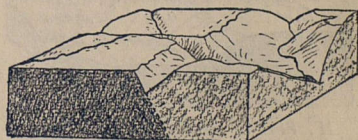
уровень моря на нашем рисунке. Положим, что рыхлые породы очень непрочны и река в них углубилась почти до своего предела (рисунок 1Б). Но долина ее еще узка, а стенки круты, как у молодых оврагов. А твердые породы за это время совсем не успели размыться, река течет еще в своем прежнем русле и совсем еще не углубила его.

На месте, где мелкая долина в твердых породах переходит в глубокую, в рыхлых породах должен быть водопад (рисунок 1Б, точка В).

Рассуждаем дальше: прошло еще много времени (рисунок 1В), стенки долины выветриваются, оползают и из крутых делаются пологими. Реки, потерявшие способность углублять свою долину, начали расширять ее; они поднимают свои берега и начинают извиваться: река подходит то к одному берегу, то к другому, образуя своеобразные полукруглые извилины (рисунок 1) и часто меняя свое русло. Извилины при этом срезаются в виде подковообразных озер— стариц. Чем старше река, тем больше у нее извилины.

Пока мягкие породы размываются, твердые также успели несколько податься: река вырыла в них на месте водопада короткое ущелье с круто падающим дном, а дальше, вверх по реке, долина еще не тронута и так же мелка, как прежде.

Время идет. Дождевая вода размывает склоны речных долин в мягких породах. Склоны эти делаются все положе (рисунок 1Г), долины становятся шире, а водоразделы между ними уже. Вот уже совсем исчезла первоначальная земная поверхность, сменившись новой. Реки обратились в цепь следую-

1В. Реки в мягких породах достигли зрелости: долины широкие, стенки пологие. В твердых — вырыто молодое ущелье.

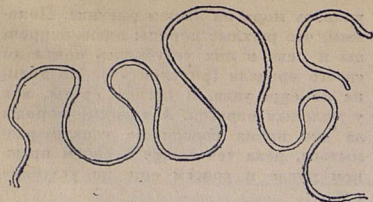

Рисунок 1. Типичные речные извилины.

щих друг за другом извилин. В твердых породах река пропилила длинное ущелье, русло ее почти выровнялось, пороги исчезли, и только большая крутизна падения воды напоминает о бывшем здесь когда-то водопаде. Стенки ущелья также уже не вертикальны: породы, из которых они состоят, успели сильно выветриться и местами осыпались.

Наконец, наступает старость реки (рисунок 1Д): долины широки—в несколько километров ширины,—склоны их пологи, едва отличаются от дна, водоразделы низки; от первоначальной земной поверхности ничего не осталось. В твердых породах река успела промыть широкую долину, стенки которой также выветрились и осыпались. Но водоразделы стоят тут попрежнему высоко и образуют в том месте, где твердые породы сменяются мягкими, высокий уступ. Все это очень похоже на то, что мы встречаем в Челябинске.

Теперь нужно предположить, что наступил засушливый период и реки высохли. «Стой! — прервала я свои рассуждения.— А почему реки высохли только на востоке, а на западе продол-

1Г. Реки в мягких породах стары, извилисты, долины очень широки, водоразделы сильно понижены, на них не осталось и следа первоначальной поверхности. В твердых породах зрелые долины.

жают течь? Тут что-нибудь не так. А откуда же речные отложения? Впрочем, завтра увидим»,—решила я и улеглась спать.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

Рано утром отправилась я на поиски так сильно беспокоивших меня речных отложений. Я обошла все открытые выработки, где добывается уголь,—нигде ни следа каких-либо речных осадков: везде прямо на третичных опоках лежала неслоистая глина с мелким гранитным щебнем, видимо, сползшая с уступа берега моя и принесенная дождевой и талой водой. Я уже собиралась идти к Сергею Семеновичу спросить, где он видел речные отложения, когда заметила едущий по дороге воя песку. Песок был чистый, перемытый, несомненно морской или речной.

— Откуда песок? — спросила я возницу.

— Из карьера.

— А где карьер?

— Ступай прямо по дороге — увидишь.

И действительно, в четырех примерно километрах к западу от копей я увидела карьер — открытые разработки песка. И песок был, несомненно, речной.

Дело в том, что отложения чистых песков могут образовываться тремя путями: они могут быть отложены ветром, рекой и морем или озером.

Озерные и морские пески отлагаются в спокойной воде горизонтально, слой за слоем. Их можно легко узнать по горизонтальной слоистости. Речные пески река отлагает на своем неровном дне. Она то размывает, то отлагает их, причем в последнем случае засы-

1Д. Реки стары и в мягких и в твердых породах. Справа, внизу, извилиста река со старицей.

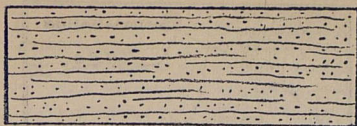

Рисунок 2. Морские отложения.

Рисунок 3. Речные отложения.

Рисунок 4. Пески челябинского карьера.

падет ими ямы на дне и засыпает так: вода катит песчинки по дну и роняет их в яму, где они ложатся на ее стенку, образуя косой слой. Когда количество воды в реке меняется, меняются и слои песка: при наводнениях откладывается крупный песок, а иногда и мелкая галька, при спаде воды — мелкий песок, почти ил. Итак, характерная особенность речных отложений — косая (или, как говорили геологи, диагональная) слоистость со слоями песка различной крупности. Наконец, ветер гонит песок по земле, образуя из него холмы — дюны. Во время ветра песок катится по земле, по склону дюны вверх, а когда достигает вершины, оказывается уже за ветром и скатывается вниз, покрывая подветренную сторону дюны равномерным слоем. Таким образом, и здесь слои песка лежат косо, как и в речных отложениях, только песок в дюнах одинаков по своей величине, и ни галечных, ни иловых прослоек в них не бывает.

Передо мной в карьере стояла стена

песков, по крайней мере, пятиметровой вышины. Слоистость была великолепно видна издали благодаря неравномерной окраске песков: они были желтые и белые. Слои были не только косые: прослойки косоугольных песков и галек в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ метра толщины чередовались с более тонкими слоями горизонтально-слоистых песков, хорошо отсортированных по крупности и очень постоянных по своей мощности. Толщина слоев песков и характер их не менялись, насколько их можно было видеть в карьере (рисунок 4). Косые слои были, несомненно, речные; горизонтальные, — несомненно, морские. И так передо мной было чередование речных и морских песков. Такое чередование может быть только в одном месте: в дельте реки, где в зависимости от высоты воды в море отлагаются то речные, то морские пески. Ура! «Речные отложения» оказались совсем не страшными и только подтверждали мое предположение, что уступ является берегом моря. Однако из осторожности я обследовала все карьеры и ямы, которых оказалось достаточно. Везде я находила дельтовые отложения. Когда же я нанесла свои разведки на карту, оказалось, что мои «песчаные точки» обрисовали красивую полукруглую дельту как раз под уступом — берегом против города Челябинска. Судя по величине, дельта эта принадлежала большой реке, — вернее всего, Миасу. И действительно, после небольших поисков мне удалось найти широкую долину, соединявшую долину современного Миаса с его старинной дельтой. Долина эта лежит высоко над современным Миасом, — значит, она давно покинута рекой, которая с тех пор успела сильно углубиться. Речные пески я встречала только в дельтовых отложениях.

Итак, «речные отложения» только подтверждали, что уступ является берегом моря. Для меня это было ясно, но Сергей Семенович только качал головой, и я прекрасно видела, что он мне не верит. Все это хорошо, но почему Миасу вдруг вздумалось уходить от своей старой дельты и поворачивать на север? Почему? На это я не могла ответить.

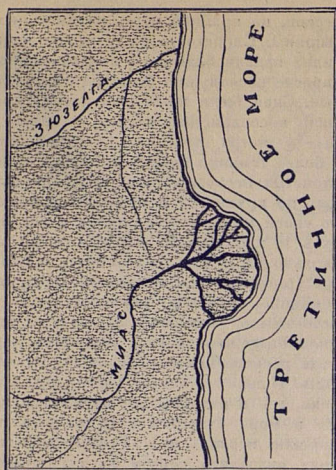

Рисунок 5. Район Челябинска в третичное время до поворота реки Миас.

КРАЖА РЕКИ

Я решила осмотреть реку Миас в строгой последовательности: зайти повыше, где река течет, несомненно, в своей старой, третичной долине, и спуститься вниз по течению. Так я и сделала: доехала по железной дороге до станции Полетаево, где долина реки, судя по карте, была очень старой, и пошла оттуда пешком то по правому, то по левому берегу Миаса.

Река имела следующий вид (рисунок 6): от Полетаева до Челябинска Миас течет по гранитам. Долина его широка, склоны коренных берегов пологи, русло извилисто,— одним словом, Миас имеет вид старой реки.

У самого Челябинска река круто меняет направление: поворачивает на восток, но, не доходя двух километров до уступа берега моря, снова поворачивает, течет на северозапад. Это короткое колено, направленное на восток, соединяется коротким и пологим логом с дельтовыми отложениями, которые я

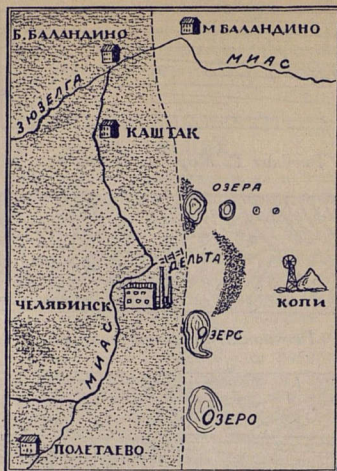

Рисунок 6. Современная речная сеть окрестностей Челябинска. Пунктир — уступ берега моря; двойной пунктир — бывшее русло Миаса.

описала. Очевидно, в этом месте Миас раньше впадал в третичное море.

Ниже Челябинска долина становится уже, река уже негде извиваться — она течет почти прямо. Коренные берега пологи и сплошь задернены, покрыты травой. Американский географ Дэвис назвал бы такую реку зрелой.

Еще ниже, начиная от селения Кашата, берега становятся крутыми и среди них появляются обнаженные скалы свежего гранита, а в русле — пороги. Река должна быть названа молодой. Чем дальше вниз, тем выше скалы и короче задерненные участки между ними.

У села Большое Баландино Миас пологой дугой поворачивает на восток и входит в сплошное ущелье. Там, между селами Б. и М. Баландино, река образует большой порог, который местное население называет водопадом: вода падает там по уклону, заметному на глаз, пенится и шумит так, что слышно на расстоянии двух километров. Порог этот находится

на гряде очень прочных изверженных пород, как раз на гребне уступа берега моря (пунктирная линия на карте). Ниже река входит в мягкие третичные опoki, долина расширяется, берега становятся пологи, русло извилисто. Морские третичные опoki в этом месте перекрывают речными отложениями — это очень крупные пески и галька, лежащие то горизонтально, то косо на слое, — одним словом, такие же отложения, как в дельте Миаса под Челябинском, только состоящие из более крупного материала. Итак, мы имеем выше Челябинска широкую старую долину Миаса, затем от Каштака до Баладина глубоко врезанную, молодую долину в твердых породах. Так оно и должно быть: река вырыла в мягких породах широкую долину, в твердые едва успела врезаться, выточила в них узкое, порожистое ущелье, а выше Челябинска долина Миаса совсем не тронута и осталась такой же, какой была в третичное время.

Но отчего все-таки Миас бросил свою дельту и повернул к северу, чтобы снова впасть в то же, третичное море, только на десять километров севернее? А потом, почему между старой долиной, которая кончается у Челябинска, и молодой, которая начинается у Каштака, лежит участок «зрелой» долины?

Ведь при теоретическом выводе получалось, что молодая долина непосредственно врезается в старую; да и в действительности это бывает так: посмотрите на любой молодой овраг, врезающийся в старую, задерненную балку. Балка остается, как была, а в дно ее врезается без всякого перехода овраг с отвесными стенками. Но нигде и никогда я не видела, чтобы между пологим и задерненным дном балки и свежим дном оврага вклинивалась какая-то водооина с дном, более крутым чем у балки, и более пологим чем у оврага. Такой участок встретился мне впервые — что может он значить? Не связан ли он как-нибудь с поворотом Миаса — ведь, тогда его присутствие понятно: Миас сначала тек только до Челябинска и там впадал в море. Он вырыл себе широкую пологую долину, затем повернул и вырыл новую долину

от Челябинска до берега моря у Баладина, где он влился в море и построил новую дельту. Ясно, что долина выше Челябинска старше той, которая образовалась позже — от Челябинска до Баладина. А если старше, то должна быть и шире. Да, но почему он все-таки повернул? Опять этот проклятый вопрос. Добрую неделю я ходила вокруг непонятного мне места — из Челябинска в Баладина и обратно — пока, наконец, не догадалась, что передо мной случай редкий, но все же неоднократно описанный в литературе, а именно «речное воровство».

Когда Миас впадал в третичное море у Челябинска, севернее его в то же море впадала река Зюзелга (рисунок 5). Миас, судя по дельтовым отложениям, нес с собой очень много песка, отлагая его, и не размывал, а засыпал свое русло. Зюзелга же осадков не имела, сильно углублялась, и вскоре оказалось, что она течет по земной поверхности глубже Миаса. Один из ее притоков тек с юга на север. Он сильно врезался в землю и, в конце концов, перехватил и повернул Миас (рисунок 5 и 6). Вот причина поворота реки Миаса. А дальнейшая история реки совсем проста: море вскоре ушло, река потекла по его дну и стала размывать сначала свое отложение, а потом и морские осадки.

Такова история рек окрестностей Челябинска. Она вполне подтвердила мое первоначальное предположение о том, что уступ между западной и восточной частями округа является берегом моря. Что же касается до Сергея Семеновича, то он принял мои предположения о «речном воровстве», как говорится, «в штыхки», и только тогда несколько успокоился, когда я с чертежами и картами в руках доказала ему, что «речное воровство» не только возможно, но существует на самом деле.

— А за дельту я вас благодарю, Маргарита Владимировна, — сказал он, когда вопрос о «речном воровстве» был окончен. — Ваши предположения сильно помогли при разведке на песок и гальку для починки дорог. Мы теперь заранее знаем, где их искать.

И мы расстались самыми лучшими друзьями, несмотря на произошедший между нами весьма крупный спор.

Задание членам общества „Компас“

Руководствуясь историей реки Миаса, вы можете сделать много очень интересных наблюдений над ближайшей к вам речкой или ручьем: вы можете узнать, стар ли он или молод и настоящая ли его молодость или она только кажущаяся и зависит оттого, что долина его прорыта в твердых породах. Вы сможете до некоторой степени предсказать и его будущее: будет ли он углубляться или будет в ближайшем будущем расширять свою долину. (Ближайшее будущее, конечно, геологической измеряется тысячелетиями.) Для этого следует исследовать ваш ручей или реку. Первым делом ее, конечно, следует внимательно осмотреть. Чтобы при этом ничего не забыть и не пропустить, рекомендую следующий план осмотра и записи виденного:

а) течение реки медленное, быстрое, порожистое;

б) русло прямое, извилистое;

в) долина узкая: русло реки занимает все ее дно, и по берегу реки пройти нельзя; пройти можно; широкая долина: во столько-то раз шире русла реки;

г) стены долины обрыва: крутые с обнаженными породами; средней крутизны, сплошь задернены; очень пологи.

При каждом изменении характера ре-

ки или долины следует делать все описание наново, по приведенному выше плану. Тогда уж вы, наверное, ничего не пропустите.

Окончив осмотр реки, сравните ее с теоретически выведенными схемами и определите ее возраст. А затем напишите нам о том, что вы видели.

Предостерегаю вас от двух чрезвычайно распространенных ошибок: во-первых, не спешите и не увлекайтесь теориями, забудьте о них, как только выйдете в поле; описывайте точно и правдиво все, что вы видите, а то рискуете впасть в ту же ошибку, что и Сергей Семенович, который увидел речные отложения и сразу же по одному этому факту решил, что местность смыта реками, тогда как на самом деле она была дном моря.

Во-вторых, не пренебрегайте «мелочами», описывайте и их. Иногда какая-нибудь «мелочь» оказывается чрезвычайно важной для понимания местности. Хорошим примером могут служить горизонтальные слои песка в дельтовых отложениях: не заметить я этой «мелочи», я признала бы пески за обыкновенные речные отложения и домала бы голову над вопросом, почему они лежат только в одном месте и куда девались долины тех рек, которые их отложили?

„...арский пролив ...ского моря“

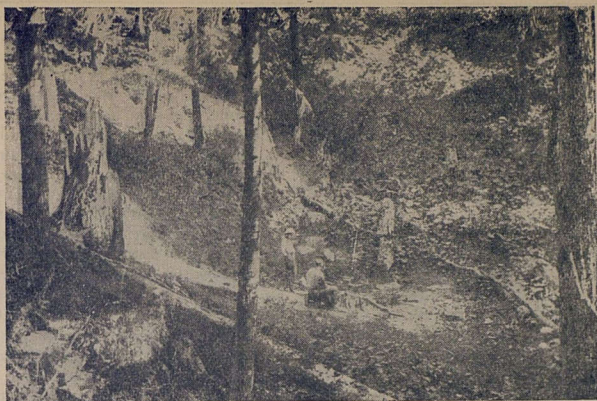
(Ответ на географическую задачу в № 6)

Эти острова даже сравнивать трудно. Это поистине муха и слон. Первый лежит у восточного берега Швеции, в Балтийском море, отделенный от нее Кальмарским проливом. Острая оконечность в правом углу карты — остров Готланд. Буквы «БД» относятся к местечку «Катламмервик», находящемуся на нем. Имя острова — Зланд. Крайне поэтически описывает его шведская писательница Лагерлеф в своей детской книге «Путешествие мальчика на гусях по Швеции».

Остров второй карты, котормая тюрьма парского правительства, «Соколинный остров»

тюремных песен — суровый, но прекрасный Сахалин. Море, омывающее его, тоже «...ское» море — «Охотское». Пролив, отделяющий его, тоже «...арский» — Татарский. И над ним на карте виден треугольный мыс — южное окончание Камчатки (вот откуда здесь слог «ка»). И тут на материке лежит рядом большой порт только не «Карльскрона», а «Владивосток». Словом, все до смешного совпадает. Случайное совпадение так велико, что легко ошибиться. Конечно, легко, если вы не умеете обращаться с картами и не знаете, что масштаб — важнейшая деталь каждой карты.

Профессор Формозов зарисовывает следы животных в Кавказском заповеднике.

Звериные встречи

В горах Кавказского заповедника живет много крупных животных.

Высоко в горах, среди безлесных просторов, живут туры и серны. Тур особенно любит крутые склоны, до которых человеку не добраться. Серна нередко спускается и на отлогие альпийские пастбища. В лесной полосе гор, среди дубовых и буковых лесов, пасутся косули. Близ высокогорных опушек, среди густой травы, особенно много держится оленей и кабанов.

Но есть в горах места, где копытные часто встречаются друг с другом — это водопой, солончи, излюбленные лежбища и тропы. Тут натуралисты подглядели много интересных сцен из жизни животных.

В заповеднике есть ущелье, за крутизну склонов прозванное «Коробочкой». На дне его из скалы сочится минерализованная вода. Животным не хватает минеральных веществ, и поэтому они любят пить минеральную воду или поедать землю, в которой есть соли. Такие места и источники зовутся солонцами.

В «Коробочке» нам пришлось видеть, что если на солонце уже находятся туры, то серны терпеливо располагаются поодаль, в сотни метров от источника. Иной раз ждать им приходится долго: туры пьют воду неспеша, иногда даже прилягут. Наконец, туры уходят, и только тогда серны спускаются к воде. Массивные рога и большая сила туров внушают почтение маленьким сернам.

Однажды серна испугалась людей, бросилась через гребень хребта и как раз попала в стадо туров, спокойно лежавшее на другой стороне его. Несколько туров окружило серну и давай бодать ее, а одна из туриц даже схватила серну зубами за ногу. Только увидев людей, все животные разбежались.

Летом, в те дни, когда жарко, животные охотно заходят на большие поля снега, оставшиеся высоко в горах и ущельях после зимы. Здесь они проводят полдневные часы, спасаясь от докучливой мошки. Иногда на снежном поле улягутся в небольшом расстоянии друг от друга туры, серны и олени. Каждый вид собирается в каком-нибудь

одном углу, не смешиваясь с другими. Бывает, что здесь же пристроится и старая медведица вместе с двумя медвежатами. Копытных эта близость мало тревожит. Медведи у нас — вегетарианцы и редко нападают на крупную дичь. Животные же отлично знают неповоротливость мишки и то расстояние, на которое можно без риска подпускать к себе медведя.

Животные очень внимательны к знакам тревоги, подаваемым другими животными, и хорошо знают их. Много раз я видел, как испуганный крик горной индейки заставлял туров быстро оставлять лежку и спешить на открытые скалы, чтобы осмотреть местность.

Мне пришлось быть свидетелем такой встречи. Чем-то напуганный, тур бежал по склону и в одном из оврагов наскочил на двух больших медведей, лакомившихся черникой. Торопливость тура встревожила трусливых мишек, и они, не долго думая, кубарем скатились к лесу.

Особенно часто встречаются животные друг с другом на тропах. От мест коржежки к солонцам, водоюям и леж-

кам ведут десятки горных троп. Зимой, когда трудно идти в глубоком снегу, слабые пользуются тропами сильных. В те годы, когда в наших горах еще водились зубры, по их ходам охотники ходили кабаны. Там, где кормились зубры, раскидывая снег и доставая излюбленный ими кустарник — ежевику, — позже рылись и кабаны. А несколькими часами спустя сюда слетались витютни и сойки поискать, нет ли под снегом плодов бука. Зимой постоянными спутниками туров являются горные индейки. Туры копытами разбивают крепкий наст, и индейкам легче искать пищу.

Не все встречи между животными заканчиваются безобидно. Олень, застав в своей грязевой купалке кабана, бросился на него и заколол рогами. Не всегда дружелюбны при встрече под грушевым деревом и медведь с кабаном. Охотники заметили, что чаще место уступает медведь, опасющийся страшных клыков кабана.

А. А. Насимович.

старший научный сотрудник Кавказского зоопарка.

В совете общества

★ Всем членам общества «Компас» разослано задание для географической работы на лето. В совет уже поступили первые отчеты о выполнении заданий. Поторопитесь с присылкой отчетов и материалов о своей географической работе за лето.

★ В начале нового учебного года членам общества будут рассылаться значки. Перед рассылкой будет проведена перерегистрация членов общества «Компас». Как она будет проводиться, будет сообщено в следующем номере «Известий общества «Компас».

★ Члены «Компаса», желающие переписываться друг с другом, обмениваться коллекциями и сведениями о своей местности, сообщите об этом в совет. Ваши адреса будут печататься в

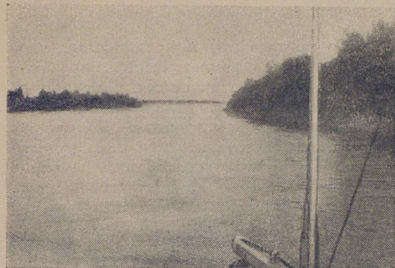
«Известиях общества». Можете указать местность, откуда вам интересно было бы получать письма.

★ Совет общества просит всех членов «Компаса» и читателей журнала «Пионер» сообщить, о чем бы они хотели прочесть в «Известиях общества», на какие темы поместить статьи, каких исследователей просить рассказать о своих путешествиях.

★ В январе 1939 года исполняется 15 лет существования журнала «Пионер». Совет предполагает на время январских каникул вызвать в Москву наиболее активных членов общества для участия в заседании совета общества, посвященном 15-летию годовщины журнала «Пионер».

Фотографии, присланные членами „Компаса“

Соловьиное горло на реке Белой. Самое узкое место реки. (Снял Женей Лютиковым из Москвы.)

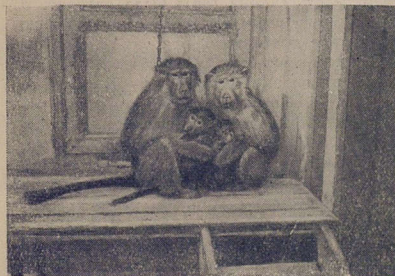
Вид берега Охотского моря. (Прислал Рэм Куцурбов из города Рухлова, ДВК.)

Пароход, выброшенный льдами Охотского моря на берег. (Прислал Ф. Смирнов.)

Исследуем пещеры в горах. (Прислал А. Шорнов из Канибадама, Таджикистан.)

Две гамандрилы с детенышем в сухумском обезьяннике. (Прислал Олег Оленичев из Сухуми, Абхазия.)

Даже в мае в Петропавловске на Камчатке обычно еще бывает глубокий снег. Жители проделывают на улицах коридоры. (Прислал В. Саидеров.)

Г. Свешников (поселок Барзас, Новосибирской области) рассказал о походе на перекат реки Кайгер — «Каменная гора». Идти до него 25 километров.

— Небольшая лихая река неторопливо несет свои воды. Время уже под вечер, и кое-где на воду с шумом садятся утки. Расположились мы ночевать у небольшого шалашика. Встали рано, до восхода солнца, и, взяв по куску хлеба, пошли ловить рыбу. Постепенно мы дошли до переката. Мы увидели участок реки длиной метров 8 и шириной метра 3. Вода с шумом неслась, зажатая берегами. Один берег очень высокий, весь сложенный из огромных каменных плит. Другой берег пологий, у воды небольшая полоска песка, местами заросшего травой. Я увидел в песке какой-то странный комок. Я поднял его, это оказалась челюсть какого-то древнего зверя с 4 зубами, зубы в диаметре сантиметра по 3, блестящие с красивыми синими жилками. Я заметил, что часть песка — это маленькие ракушечки очень красивой формы. От некоторых людей я слышал, что в 1929—1931 годах на перекате была какая-то экспедиция, и когда машинами размывали перекат, то нашли кости ноги мамонта, слитки серебра и золота, много старинных монет и вещей из бронзы.

Мара Базилевская (село Рамонь, Воронежской области) сообщает об интересном наблюдении. 23 марта 1938 года в 6 часов вечера за 6 километров от Рамони, в селе Ивницы, произошел такой случай: в кирпичном доме на стене висело зеркало, на зеркале висела сухая кувшинка, на полу стояла миска с водой. Когда глянули в зеркало, оказалось, что миска дрожит. Сбоку посмотрели, и было ясно видно, что это дрожит зеркало, а вместе с ним и лилия. От-

чего это могло быть? Я предполагаю, что где-нибудь было землетрясение или подземный обвал, отразившиеся у нас. Этот случай рассказал наблюдавший его мой дядя. Продолжалось дрожание 30 минут. Зимой этого года, ночью моя мама сидела в комнате. На столе стояли чайные чашки. Они задребезжали. Когда мама меня разбудила, было уже поздно и ничего не было заметно. Наш дом деревянный, мог бы он дрожать от того, что кто-нибудь сильно затворил дверь или автомобиль проехал, но все было тогда тихо.

Олег Назаренко (Ромны, УССР) описывает путешествие на гору Золотуху, где добывают нефть и гипс.

— До Золотухи было километров 8. Наконец, увидели первую буровую вышку. Она была высотой метров в 25, видно, недавно отстроенная. От нее тянулись трубы для нефти. Потом мы увидели еще три таких же вышки и заметили человека, который оказался конюхом. Он нас повел в какое-то белое, словно обсыпанное снегом помещение. В нем мы увидели огромную кучу серовато-белых камней. Это был алебастр. Затем мы пошли посмотреть на печи. Они были вырыты в земле. Одна печь была с уже прокатанным гипсом и алебастром, две других еще только засыпали. Часть склона горы была срезана, и в ней резко выделялись блестящие гипсы и матовые алебастры. Вот тут-то и началась настоящая погоня за камнями! Я заметил сверху, метров в 6—7, какой-то матовый розовый гипс. Кое-как, цепляясь за выступавшие из обрыва камни, я, наконец, долез. Это был какой-то особенный камень, с мутнорозовым оттенком. Я взял образец и спустился вниз. Много еще мы лазили по стенам карьера, набрали полные карманы всяких камней. Я раз забрался на такой карниз, что страшно было смотреть вниз и очень трудно было спускаться. Но я на этом карнизе достал кусок глины, какой не было ни у кого.

КАК ПРАВИЛЬНО?

А другие говорят:
— Ничего подобного. Надо поместить так: он просто прислонился к стенке и чешет ухо.

Так ни до чего мы и не договорились, напечатали снимок в двух положениях, а вы уж сами решите, какое из них правильное, объясните, почему, и пришлите свое объяснение в редакцию.

Принес нам в редакцию фотограф этот снимок и не сказал, в каком положении снимал он молодого леопарда.

— Сами, — говорит, — догадаетесь.

Стали мы решать, как же напечатать этот снимок в журнале.

Одни говорят:

— Надо поместить так: зверь лежит на полу и поднял вверх лапки.

Ги де Мопассан.

1850—1893

Ги де Мопассан

Детство свое Мопассан провел в Нормандии, в маленьком белом доме, окруженном большим садом. С балкона, обвитого диким виноградом, было видно море.

Ги не заживался в просторных комнатах, уставленных старинной мебелью. Он предпочитал, по выражению матери, «жизнь вырвавшегося жеребенка».

Мальчик жил в дружбе с крестьянами и рыбаками. Он уходил с ними в море осматривать соседние гроты или ловить рыбу. Он любил при лунном свете вытаскивать закинутые накануне сети. Он был сильный и смелый, и моряки не боялись брать его в море даже в бурную погоду.

Эта вольная бродячая жизнь кончилась, когда тринадцатилетнего Ги отдали учиться в семинарию. Для мальчика, который носился верхом на лошади среди виноградников или на лодке по бурному морю, настала почти монастырская жизнь. Ничто не радовало его в этой французской бурсе. Карьера священника отнюдь не привлекала его, а дела господ бога интересовали чрезвычайно мало. «Даже маленького меня оскорбляли религиозные обряды и церемонии, — говорил он. — Я видел только их смешную сторону».

Неожиданный случай выручил его. Воображение мальчика, скованное невольным заключением, нашло выход в стихах. Его кузина вышла замуж, это было достаточным поводом, чтобы молодой поэт написал ей поздравление отбавами. В это длинное стихотворное послание он сумел включить короткий, но резкий протест против «соединенного монастыря, ясы и стихаря». Стихи дошли до начальства, и он не стал отказываться от своего первого поэтического творчества.

Ректор семинарии воспользовался этим предлогом, чтобы исключить ученика, менее всего склонного к богословию. Непокорный же воспитанник был скорее обрадован чем опечален.

Мать дала сыну возможность побродить на воздухе и осенью отдала его в Руанский лицей. Здесь Ги занимался с увлечением. Две страсти увлекали его: стихи и театр. Во время каникул он устраивал дома настоящие драматические представления. Мопассану было двадцать лет, когда вспыхнула франко-прусская война. Руан был занят неприятелем. Ги поступил на военную службу.

Предки не проявили большой заботливости о наследстве молодого Мопассана, и ему при-

шлось стать чиновником морского министерства. Но его обветренное лицо с рыбацкой шляпой на голове чаще можно было видеть на реке чем в министерстве. Каждый день он подымался с зарей, мыл свою лодку и наслаждался греблей, стараясь оттянуть свой приход на службу. Потом он перешел в министерство просвещения, но привычки его не изменились. Перед товарищами он гордился своими победами среди гребцов Сены или тем, что свободно мог пройти пешком все семьдесят километров. Мало кто знал, что его подлинной страстью оставались театр и стихи. Он писал их на казенной министерской бумаге в служебные часы, писал и на лодке, прячась в укромные уголки реки. Их он показывал только одному человеку. Человек этот был великий французский писатель Флобер. «Никто не относился так серьезно и с такой любовью к своему искусству, как Флобер. Он любил литературу так горячо, так безгранично, что в его душе не было места для другой любви, для других стремлений». Флобер, с детства знавший мать Мопассана, отнесся к нему как к родному. Но, беспомощный к себе, он был требователен и к другим.

«Флобер, с которым я иногда встречался и который полюбил меня, пресматривал некоторые из моих литературных опытов, — вспоминал потом Мопассан. — «Не знаю, — говорил он мне, — есть ли у вас талант. То, что вы пишете, свидетельствует о некоторой способности, но не забывайте, молодой человек, что талант, по выражению Бюффона, — не что иное, как долгое терпение. Трудитесь!»

Я работал и стал бывать у него чаще; он мало-помалу привязался ко мне и называл меня, шутя, своим учеником. Семь лет я сочинял стихи, рассказы, повести, написал даже очень плохую драму.

Ничего не сохранилось из всего этого. Учитель перечитывал все и в следующее воскресенье за завтраком подвергал это критике».

Флобер уверял, что нет во всем мире двух песчинок, двух мух или двух рук совершенно одинаковых. Во всяком предмете он учил находить его самую характерную черту. «Когда ты проходишь, — говорил он своему ученику, — мимо торговца, сидящего перед своей лавкой, мимо привратника, курящего трубку, нарисуя мне этого лавочника и этого привратника, их позу и фигуру, их характер так, чтобы я не мог смешать их ни с каким другим лавочником или привратником».

Флобер делился своими знаниями, он передавал ученику свой писательский опыт, приучал его к наблюдательности и «сердился, когда две следующие одна за другой фразы имели один и тот же смысл и ритм».

Это была замечательная дружба, которая продолжалась семь лет. Верный своему учителю, Мопассан не спешил печататься. Когда друзья уговаривали его это сделать, он спокойно отвечал: «Не к чему торопиться; я изучаю свое дело».

Весной 1880 года на книжных прилавках Парижа появилась книга рассказов о франко-прусской войне. Называлась она «Меданские вечера». Рассказы принадлежали разным авторам. Из них публика знала только одного Золя, всех остальных считали его учениками. Общее внимание привлек рассказ «Пышка». Это был первый рассказ Ги де Мопассана.

Мопассан сам рассказал историю этой книги, имевшей решающее значение в его жизни:

«Мы собирались все летом у Золя, в его Меданском именье. После длинных обедов (все мы любили много и вкусно покушать, а Золя один ест, как три обыкновенных романиста) мы беседовали. Золя рассказывал нам планы своих будущих романов, свои взгляды на литературу, на все вообще. Иногда он брал ружье, а так как был близорук, то стрелял по пучкам травы; при этом мы его уверяли, что это были птицы, и он очень удивлялся, не находя трупов. В иные дни мы занимались рыбной ловлей. Я лежал, растянувшись в лодке, или целыми часами купался.

Ночи бывали великолепные, теплые, полные аромата листвы, и мы каждый вечер отправлялись кататься на соседний большой остров. Я перешел всех в лодке. И вот однажды в лунную ночь зашла речь о Мериме, о котором дамы говорят: «Какой очаровательный рассказчик». Мы стали припоминать всех знаменитых рассказчиков и превозносить людей, умевших рассказывать устно; из них самым удивительным был, по нашему, великий русский писатель Тургенев, столь близкий французам.

...Кто-то скептически проговорил, глядя на луну: «Какая прекрасная романтическая декорация, следовало бы его воспользоваться». «Рассказывая чувствительные истории»,—прибавил другой. Золя нашел, что это удачная мысль и что действительно нужно поочередно рассказывать истории. Мы много смеялись над этой выдумкой и для большей трудности постановили, что рамку, выbranную первым рассказчиком, должны сохранить и остальные, которые заставят разыграться в этой же обстановке различные события. Все уселось, и среди спокойствия задремавших полей,

при ослепительном блеске луны, Золя рассказал нам ужасную страницу из истории войны, которая носит название «Осада мельницы». Когда он кончил, все воскликнули: «Нужно скорее написать это». Он расхохотался: «Это уже сделано». На другой день была моя очередь».

Золя нашел эти рассказы любопытными и предложил составить из них книгу. Когда была напечатана «Пышка», все увидели, что в литературу пришел настоящий мастер. «Я утверждаю,—писал Мопассану Флобер, прочтя рукопись,—что «Пышка» первоклассная вещь. Постарайся сделать дюжину таких рассказов, и ты будешь знаменит».

Меньше чем в год эти рассказы были написаны. Они принесли Мопассану славу. В рассказе, новелле он нашел себя как писателя. Начиная с 1881 года десять лет жизни Мопассана — история его творений. За десять лет он написал шесть романов, более двухсот рассказов, три книги путешествий.

Мопассан стал мировым мастером рассказа. Чехов говорил про него: «Мопассан как художник поставил такие огромные требования, что писать постаринке сделалось после него уже невозможно». Его рассказы коротки и выразительны, как сказка, и правдивы, как сама жизнь.

Мопассан любил жизнь, но жизнь перед ним открывалась безрадостная и жестокая. Он возненавидел этот мир, где все покупается и продается, и дал нам незабываемые образы буржуа, пошлых и алчных.

Родную Нормандию Мопассан хорошо знал. Не поэтому ли, как живая, встает перед нами госпожа Лефевр, всего запаса великодушия которой не хватило, чтобы прокормить одну собаку.

Мопассан сам был на войне и видел среди национальных гвардейцев «двух приятелей», простых мирных людей, у которых в момент опасности просыпается чувство долга и мужество.

В речи над могилой Мопассана, рано умершего после мучительной болезни, Золя спросил: «Почем знать, не заключается ли бессмертие скорее всего в какой-нибудь повести в триста строк, в басне или сказке, которую школьники будущих столетий будут заучивать как недостижимый образец классического совершенства? В этом-то и была бы слава Мопассана, и это была бы самая верная и самая прочная из слав».

Мы живем в XX веке, том «будущем столетии», о котором говорил Золя. И мы можем засвидетельствовать, что рассказы Мопассана свежи, как в день их творения. Они бессмертны.

П ь е р о

Ги де Мопассан

Г-жа Лефевр, вдова, жила в деревне; это была одна из тех полукрестьянок-полу-дам, которые любят ленточки и шляпки со сборками, одна из тех особ, которые говорят с ошибками, на людях принимают величественный вид и под смешной, разукрашенной внешностью скрывают грубую душу самодовольного животного, подобно тому как под перчатками из шолка-сырца скрывают толстые красные руки.

Служанкой у нее была славная, совсем простая деревенская женщина по имени Роза.

Жили они в Нормандии, в округе Ко, в маленьком домике с зелеными ставнями, стоявшем у дороги.

Перед домом был узенький палисадник, где росли кой-какие овощи.

И вот как-то ночью у г-жи Лефевр украли дюжину луковиц.

Роза, как только обнаружила кражу, бросилась сообщить об этом своей хозяйке, которая вышла из дому в одной нижней юбке. Они были в отчаянии, в ужасе: г-жу Лефевр обокрали, обокрали! Значит, в округе пошли кражи, и воры еще могут вернуться.

И обе женщины растерянно смотрели на следы ног, тараторили, строили предположения: «смотри, они здесь прошли; они взобрались на забор; они спрыгнули на грядку».

И будущее пугало их. Можно ли теперь спокойно спать?

Слух о краже разнесся. Пришли соседи, удостоверились в случившемся и в свою очередь стали обсуждать это событие: с каждым вновь пришедшим женщины делились своими наблюдениями и соображениями.

Фермер-сосед посоветовал им:

— Вам надо бы завести собаку.

Вот это был правильный совет; им следовало завести собаку, хотя бы для того, чтоб она предупреждала об опасности. Только небольшую собаку. Боже мой! Что бы они стали делать с большой собакой? Она их разорит: столько корма пойдет на нее. Но другое дело — маленькая веселая собачка, собачонка, которая будет тявкать.

Когда все ушли, г-жа Лефевр долго разбирала этот вопрос о собаке. Подумав,

она нашла множество возражений и стала ужасаться при мысли о миске, полной еды, ибо она была из породы тех скопидомных деревенских хозяек, у которых в кармане всегда лежат сантимы, чтобы можно было на виду у всех подать милостыню нищему, а в церкви, во время воскресной мессы, положить монету на блюдо.

Роза, любившая животных, приводила свои доводы, которые искусно защищала. Решено было раздобыть собачку, совсем маленькую.

Принялись за поиски, но им предлагали только больших собак, пожиравших столько супу, что бросало в дрожь. У рольвильского лавочника была, правда, маленькая собачка, но он требовал, чтоб ему заплатили два франка в уплату издержек на ее воспитание. Г-жа Лефевр заявила, что кормить собачонку она будет, но платить за нее деньги несогласна.

Как-то утром булочник, знавший обо всех этих обстоятельствах, привез им в своей тележке странного маленького зверька, совершенно желтого, почти без лап, с туловищем крокодила, головой лисицы и загнутым хвостом, похожим на султан и равнявшимся по размеру всему его телу. Один из клиентов булочника хотел отделаться от него. Г-жа Лефевр нашла, что эта шавка, ничего не стоящая ей, очень хороша. Роза поцеловала песика и спросила, как его зовут. Булочник ответил:

— Пьеро.

Его поместили в старом ящике из-под мыла и первым делом дали ему воды. Он выпил ее. Затем ему дали кусок хлеба. Он с'ел его. Г-же Лефевр, уже обеспокоенной, пришла в голову мысль: «Когда он как следует привыкнет к дому, его можно будет выпускать. Он будет рыскать кругом и найдет, чем поживиться».

Действительно, ему предоставили бегать на воле, что не мешало ему быть страшно голодным. К тому же тявкал он только тогда, когда требовал пищи, но уж в этом случае лаял он с остервенением.

Каждый, кто хотел, мог войти в сад. Пьеро ласкался ко всякому вновь пришедшему и оставался совершенно безмолвен.

Между тем г-жа Лефевр привыкла к животному. Она даже полюбила его и стала

Нельзя от времени давать ему из своих рук кусочки хлеба, которые макала в соус от рагу.

Но она совершенно не подумала о налоге, и, когда от нее потребовали восемь франков — восемь франков, сударыня! — за эту собачонку, которая даже и не тявкает, она от потрясения чуть не упала в обморок.

Сразу же было решено избавиться от Пьеро. Никто не захотел его взять. Все окрестные жители на десять миль вокруг откашались от него. Тогда, за отсутствием других возможностей, решили, что Пьеро должен «отведать мергеля».

«Отведать мергеля» дают всем собакам, от которых хотят отделаться.

Среди широкой долины виднеется нечто вроде хижинки, или, вернее, маленькая соломенная крыша, положенная прямо на землю. Это и есть спуск в мергельную яму. Большой прямой колодезь идет на двадцать метров вглубь, а там начинается целая серия длинных подземных галерей.

В эту каменоломню спускаются раз в год, в ту пору, когда почву удобряют мергелем. Все остальное время она служит кладбищем для собак, обреченных на смерть; и часто, когда проходишь мимо этой дыры, до тебя доносятся жалобный вой, яростный или полный отчаяния лай, безнадежные призывы.

Охотничьи собаки и овчарки в ужасе бегут от этой стонущей ямы, а если наклониться над ней, вас обдаст страшное зловоние — запах гниения.

Жуткие драмы разыгрываются там в темноте.

На дне, питаясь гниющими останками своих предшественников, умирает какой-нибудь пес, попавший сюда дней десять — двенадцать тому назад, и вдруг в яму сбрасывают нового пса, более крупного и, разумеется, более сильного. Они теперь вдвоем, оба голодные, глаза у них сверкают. Они подстерегают друг друга, друг за другом следят, боязливо выжидают. Но голод толкает их: они набрасываются друг на друга, долго и ожесточенно борются, и более сильный с'едает более слабого, пожиная его живьем.

Когда было решено, что Пьеро «отведать мергеля», стали искать человека, который совершил бы эту казнь. Рабочий, укачавшийся дороге, запросил за поручение десять су. Г-жа Лефевр нашла, что это непомерно дорого. Работник соседа был согласен на пять су; это тоже было

слишком много, а так как Роза заметила, что лучше было бы им самим отнести Пьеро — ведь благодаря этому ему в дороге не будет грозить грубое обращение и он не догадается о своей участи, — то и было решено, что они пойдут обе, когда начнет темнеть.

Ему в тот вечер дали хорошего супу, положили в него щепотку масла. Он вылакал все до последней капли и от удовольствия махал хвостом; тут Роза и взяла его в свой передник.

Они, точно воровки, быстро зашагали по полю. Вскоре они увидели мергельную яму и добрались до нее; г-жа Лефевр наклонилась, прислушалась, не стонет ли там внизу какой-нибудь пес. Нет, ничего не было слышно; Пьеро будет один. Тогда плачущая Роза поделовала его и бросила; обе женщины, насторожив слух, наклонились над ямой.

Сперва они слышали глухой шум, потом пронзительный, раздирающий душу жалобный вой раненого животного, потом прерывистый визг, вызванный болью, потом отчаянный лай, мольбу пса, который, подняв голову, зовет на помощь.

Он тявкал, да, он тявкал!

Их охватило угрызение совести, испуг, безумный и непонятный страх, и они бросились бежать. Роза бежала скорее, и г-жа Лефевр ей кричала:

— Подождите меня, Роза, подождите!

Всю ночь их преследовали ужасные кошмары.

Г-же Лефевр приснилось, что она садится за стол и собирается есть суп, но, когда она снимает крышку с суповой миски, там оказывается Пьеро. Он выскакивает и кусает ее за нос.

Она проснулась, и ей показалось, что она слышит его тявканье. Она прислушалась — это ей только померещилось.

Она снова уснула и во сне очутилась на большой, бесконечно длинной дорожке, по которой ей куда-то надо было идти. Вдруг посреди дороги она увидела корзинку, большую корзинку, брошенную здесь каким-нибудь фермером, и она почувствовала страх перед этой корзинкой.

В конце концов она открыла ее, и Пьеро, спрятанный там, вцепился ей в руку и не выпускал ее; не зная, что делать, она бросилась бежать, а на руке у ней повисла собака, не разжимавшая челюстей.

На рассвете, почти совершенно обезумев, она поднялась и побежала к мергельной яме.

Они, точно воровки, быстро зашагали по полю.

Пьеро тявкал; он все еще тявкал; и он тявкал всю ночь. Она заплакала и стала называть его всевозможными ласковыми, уменьшительными именами. Он отвечал, и в голосе пса были все оттенки нежности, какие только он может выразить.

Она захотела снова увидеть его и дала себе слово, что сделает его счастливым до самой смерти.

Она побежала к землекопу, который добывал мергель, и рассказала ему, в чем дело. Он выслушал, храня молчание. Когда она кончила, он сказал:

— Вы хотите получить свою собачонку? Это будет стоить четыре франка!

Она вздрогнула; всей ее скорби словно не бывало.

— Четыре франка! С ума сойти! Четыре франка!

Он возразил:

— Что ж вы думаете, я соберу свои веревки, свои приспособления, налажу все это и поеду с моим мальчиком в колодезь, а там ваш проклятый пес меня еще покушает — и все это для вашего удовольствия! Не надо было бросать его.

Она в возмущении ушла: четыре франка!

Вернувшись домой, она сразу же позвала Розу и рассказала ей о требованиях землекопа. Роза, как всегда покорная, повторила:

— Четыре франка! Ведь это все-таки деньги, сударыня.

И прибавила:

— А что, если бедному псу бросить чего-нибудь в яму, чтоб он с голоду не подох?

Г-жа Лефевр обрадовалась и одобрила

эту мысль, и они снова отправились в путь с толстым ломтем хлеба, намазанным маслом.

Они разрезали его на кусочки и стали бросать их один за другим, и то одна, то другая заговаривала с Пьеро. А пес, как только с'едал один кусок, принимался тявкать, требуя следующего.

Они снова пришли вечером, пришли и на другой день, но уже только по одному разу.

Однажды утром, собираясь сбросить ему первый кусок, они вдруг услышали страшный лай в глубине ямы. Теперь там было две собаки! В яму сбросили другую собаку, большую!

Роза крикнула:

— Пьеро!

И Пьеро затыкал. Тогда они стали бросать ему корм, но после каждого куска они совершенно отчетливо слышали, как внизу подымается страшная взвоя, потом доносится жалобный визг Пьеро, укушенного своим товарищем по несчастью, который все с'едал, потому что был сильнее.

Напрасно они раз'ясняли ему:

— Это для тебя, Пьеро!

Очевидно, Пьеро ничего не доставалось. Озадаченные, они переглянулись, и г-жа Лефевр раздраженно сказала:

— Но ведь не могу же я кормить всех собак, которых будут бросать туда. Придется перестать.

И негодуя при мысли обо всех этих собаках, которые будут жить на ее счет, она пошла прочь и даже понесла назад остатки хлеба, которые по дороге стала жевать.

Роза шла за ней, утирая глаза краем своего синего передника.

Два приятеля

Ги де Мопассан

Осажденному Парижу грозила голодная смерть. Воробьи только изредка появлялись на крышах домов. Помойные ямы пустели: ели все, что повало.

Господин Мориссо, часовщик по профессии и солдат по необходимости, гулял в одно светлое январское утро по окраинному бульвару города с опущенными в карманы форменных панталон руками и пустым желудком и неожиданно встретился с товарищем по оружию. Это был его старый приятель — господин Соваж.

Каждое воскресенье, еще задолго до войны, Мориссо на рассвете, с бамбуковой тростью в руке и жестяным ящиком на спине, отправлялся по железной дороге в Аржантейль, высаживался в Коломбе и пешком добирался до острова Марант. Как только он вступал на остров — остров был предметом его мечтаний, — он принимался удить рыбу и удил вплоть до поздней ночи.

И неизменно каждое воскресенье он встречал здесь мленького, толстого, об-

длительного человека, страстного любителя рыбной ловли, торговца галантерейным товаром с улицы «Notre dame de Lorette». Они проводили весь день, сидя рядом, свесив ноги над водой, с удочками в руках. И они искренно привязались друг к другу.

Бывали дни, когда они вовсе не разговаривали; порой же они беседовали. Но и без слов они прекрасно понимали друг друга: их связывали одинаковые вкусы, тождественные ощущения.

Весенними утрами, часов около десяти, когда над тихой рекой поднимались легкие, точно уносимые течением испарения и солнце приятным теплом весенних лучей согрело спину рьяных любителей, Мориссо иногда спрашивал соседа: «Что, не правда ли, хорошо?» И Соваж неизменно отвечал: «Я не знаю ничего лучше». Этого было вполне достаточно, чтобы понимать друг друга.

Осенью, при закате солнца, когда небо, окровавленное лучами заходящего светила, отражало в воде причудливые формы облаков, обливало ярким пламенем весь горизонт, окрашивало в огненно-красный цвет лица приятелей и золотило поряжевшие уже деревья, Соваж, глядя с улыбки на соседа, произносил: «Что, какова картина?» И, очарованный вечером, Мориссо, не отрывая глаз от поплавок, отвечал: «Это лучше бульваров, не правда ли?»

Неожиданно встретившись на бульваре и узнав друг друга, они обменялись дружеским рукопожатием. Оба были очень взволнованы этой встречей, встречей при изменившихся обстоятельствах. Соваж со вздохом произнес:

— Ну и времена!

А совершенно подавленный Мориссо простал:

— И какая погода! Сегодня первый ясный день в этом году.

Небо в это утро действительно было совершенно прозрачного ясно-лазурного цвета.

Они шли рядом, молчаливые, задумчивые, грустные.

— А помните наше ужение? — заговорил первым Мориссо. — Какое приятное воспоминание!

— Когда же мы вернемся туда? — спросил Соваж.

Они вошли в маленькое кафе, выпили по стаканчику абсента и отправились дальше.

Но вскоре Мориссо остановился.

— Выпьем еще по зелененькой, — сказал он.

— К вашим услугам, — ответил Соваж.

И они пошли в другое кафе.

Оттуда они вышли отуманенные, с тем легким помрачением, какое бывает, когда выпьешь на пустой желудок. Выдался теплый день. Легкий ветерок ласкал лица. Соваж, совершенно опьяненный теплым воздухом, остановился:

— А что, если бы мы отправились туда?

— Куда?

— На рыбную ловлю!

— Но куда же?

— Да на наш остров. Французские аванпосты стоят около Коломба. Я знаком с полковником Дюмуленом. Нас пропустят без всяких затруднений.

Мориссо вздрогнул от предвкушаемого наслаждения:

— Хорошо, отправимся.

И они разошлись, чтобы захватить удочки.

Через час они были уже на большой дороге и скоро добрались до занимаемой полковником дачи.

Он улыбнулся в ответ на их просьбу и согласился исполнить их странное желание.

Получив пропуск, они продолжали путь. Добравшись до аванпостов, они обошли совершенно опустевший Коломб и очутились у опушки маленьких, спускавшихся к Сене виноградников.

Было около одиннадцати часов утра.

Напротив, точно в вечном сне, покоилась деревня Аржантейль. Над всей окрестностью поднимались высоты Оржемон и Сануа. Большая равнина, простиравшаяся до Нантерра, с группами оголенных вишневых деревьев и печальными серыми полями была совершенно пустыня.

Указывая пальцем на вершины, Соваж сказал вполголоса:

— Там наверху пруссаки.

И в безмолвии этой пустыни необъяснимая тревога охватила друзей:

— Пруссак!

Они еще не видели пруссаков, но уже несколько месяцев чувствовали у ворот Парижа присутствие этих невидимых, всемогущих, разорявших, расхищавших, моривших голодом Францию врагов. И какой-то суеверный страх примешивался к жгучей, питаемой к этому незнакомому, победоносному народу ненависти.

— А что, если мы встретим их?—спросил робким голосом Мориссо.

Соваж с тем веселым сарказмом, который так характерен для французов, возразил:

— Что же, мы предложим им жареную рыбу.

Испуганные глубоким безмолвием, они сначала боялись идти дальше.

— Пойдем вперед, — сказал, наконец, Соваж, — только как можно осторожней.

Они спустились вниз по виноградникам, согнувшись вдвое, ползая и прячась по кустам, с тревогой в глазах и прислушиваясь к малейшему шуму. От берега реки их отделяла полоса голой земли; они бегом пустились по ней и, добравшись до берега, укрывшись в камышах.

Мориссо приложил ухо к земле; ничего не было слышно: они были одни, совершенно одни.

Успокоившись, они начали удить.

Против них красовался, укрывая их от противоположного берега, заброшенный остров Марант. Маленькое здание ресторана на острове было заколочено и казалось давным-давно заброшенным.

Соваж вытащил первого пескаря, Мориссо — второго, каждую минуту они поочередно выхватывали трепавшую на конце нитки серебристую рыбку. Да, это была необыкновенно удачная ловля!

Они бережно клали рыбу в густую, лежавшую у их ног сетку. И ими овладевала глубокая радость, радость возвращения к любимому занятию, которого они были так долго лишены.

Они более ни к чему не прислушивались, ни о чем не думали, забыли об окружающем мире: они удили.

Внезапно, точно под землей, раздался, потрясая почву, глухой шум: опять загремели пушки.

Мориссо повернул голову и за крутым откосом берега увидел обрисовывавшийся вдали большой силуэт горы Валерьян, на вершине которой, точно шляпа, красовалось белое облако порохового дыма: вслед за тем белое облако появилось и над крепостью; через несколько секунд раздался новый залп. За ним последовали другие; гора Валерьян, не переставая, выбрасывала смертоносный гуд, и молочные-белые пары медленно, образуя над горой облако, поднимались к ясному небу.

Соваж пожал плечами.

— Слышите? Они опять начинают, — промолвил он.

Не спускавший глаз с поплавка Мориссо почувствовал внезапный прилив гнева. Это был гнев мирного гражданина, возмущенного этими дравшимися с такой жестокостью безумцами.

— Какими нужно быть идиотами, чтобы убивать друг друга! — воскликнул он.

— Они хуже зверей, — заметил Соваж.

Мориссо, только что вытащивший удильку, произнес:

— И подумать только, что войны будут всегда, пока существуют правительства.

— Республика не объявила бы войны, — остановил его Соваж.

Но Мориссо прервал его:

— При монархии неизбежны внешние войны, при республике — междоусобные.

И они стали спокойно рассуждать, решая великие политические вопросы со здравым смыслом мирных, трезвых людей. Они были твердо уверены только в одном — в том, что люди никогда не сделаются свободными.

А гора Валерьян, не переставая, гремела, разрушая ядрами французские дома, уничтожая жизнь, пресекая мечты, ожидания, нанося неизлечимые раны сердцам женщин, девушек, матерей.

— Это жизнь! — сказал Соваж.

— Скажите лучше: смерть! — возразил с усмешкой Мориссо.

Чувствуя, что кто-то стоит за их спинами, они внезапно вздрогнули. Повернув голову, они увидели за собой четверых огромного роста, бородастых, вооруженных людей в лакейских ливреях и плоских фуражках. Они стояли, прицелившись в них из ружей.

Удочки выпали из рук и понеслись по течению.

В несколько секунд они были схвачены, связаны, брошены в лодку и перевезены на остров.

За домом, который они считали заброшенным, они увидели десятка два прусских солдат.

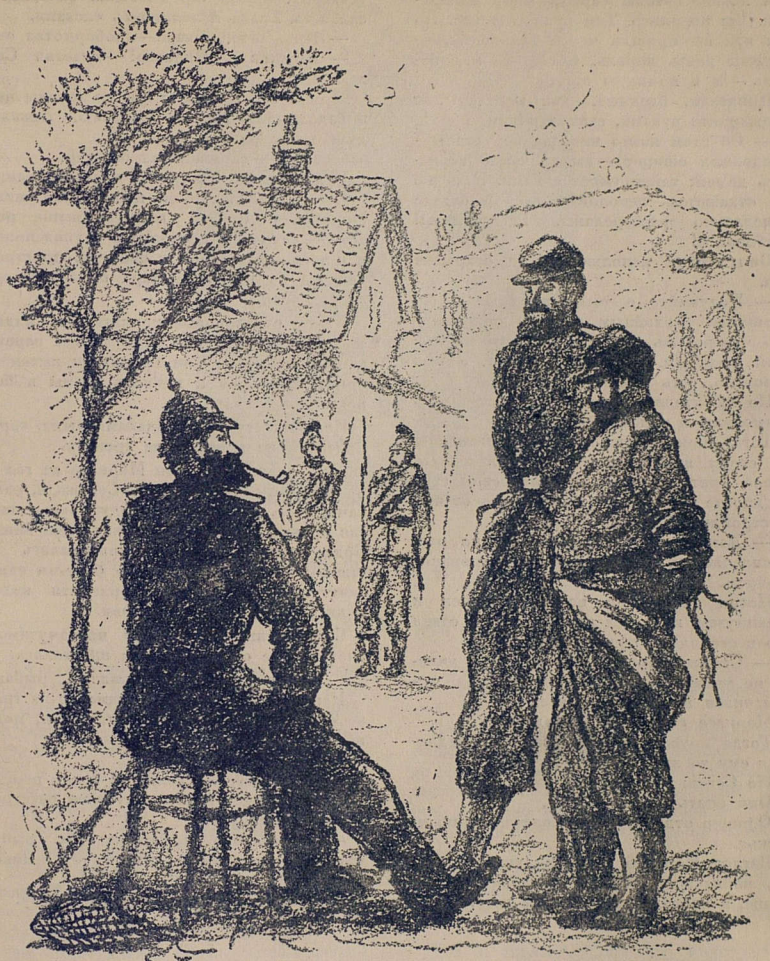
Бородастый великан, куривший, сидя верхом на стуле, из длинной фарфоровой трубки, спросил их на прекрасном французском языке:

— Что, господа, удачна ли была ловля?

В это время солдаты положили к ногам офицера наполненную рыбой сетку: они позаботились захватить с собой и ее.

— Как видно, дело шло недурно, — улыбнулся офицер, — но теперь речь не об этом. Выслушайте меня, не волнуйся. В моих глазах вы просто два шпиона, вы-

Любители рыбной ловли оставались безмолвными и неподвижными.

сланные следить за мной. И должен схватить вас и расстрелять. Вы занялись рыбной ловлей, чтобы скрыть ваши намерения. Вы попались. Тем хуже для вас. Но так как вы прошли через аванпосты, то должны знать пароль. Сообщите мне пароль — и я помилую вас.

Приятели, бледные, как мертвецы, с дрожащими руками, стояли рядом.

— Об этом никто никогда не узнает, — продолжал офицер, — вы спокойно вернетесь домой; тайна умрет с вами. Если же вы откажетесь исполнить это, то будете немедленно расстреляны. Расстреляны! Выбирайте!

Они стояли неподвижно, не открывая рта.

— Подумайте о том, — продолжал совершенно спокойным голосом офицер, — что через пять минут вы будете на дне этой реки. Да, через пять минут. У вас, вероятно, есть родные?

Но любители рыбной ловли оставались безмолвны и неподвижны.

Тогда немец отдал какие-то приказания на своем языке, потом, не желая быть около приговоренных, перенес свой стул на другое место. В двадцати шагах от них выстроились двенадцать солдат.

— Даю вам еще пять минут на размышление, ни секунды более, — произнес офицер.

Потом он быстро встал, подошел к французам, взял под руку Мориссо, отвел его в сторону и шепнул ему:

— Скорее, пароль! Ваш приятель ничего не узнает об этом: я сделаю вид, что смягчился и помилую вас.

Мориссо оставался безмолвен.

Тогда пруссак отвел Соважа и предложил ему то же самое.

Но Соваж молчал.

Они опять стояли рядом.

Офицер отдал приказ. Солдаты подняли ружья.

Взгляд Мориссо случайно упал на сетку, набитую пескарями. Она лежала на траве, в нескольких шагах от него.

В сетке продолжали еще метаться, сияя в лучах солнца, рыбы. И при виде трепетавших рыбок его охватила внезапная слабость. Глаза наполнились слезами.

— Прощайте, Соваж! — пробормотал он.

— Прощайте, Мориссо! — ответил Соваж.

И они, охваченные с ног до головы непреодолимой нервной дрожью, пожали друг другу руки.

— Пли! — скомандовал офицер.

И двенадцать выстрелов слились в один.

Соваж свалился точно пень, лицом вниз. Мориссо — он был гораздо выше ростом — качнулся, повернулся и упал поперек товарища, лицом к небу; из простреленного на груди мундира била ключом струя крови.

Немец отдал новые приказания. Солдаты разошлись, потом вернулись с веревками и камнями. Они привязали камни к ногам мертвецов и понесли трупы к берегу.

Покрытая густыми облаками дыма, гора Валерьен не переставала греметь.

Два солдата схватили Мориссо за голову и за ноги, два другие — Соважа и, раскачав тела, бросили их в воду: трупы, описав кривую, опустились стоя, ногами вниз. Вода забила ключом, взволновалась и опять успокоилась, поспав к берегам едва заметные волны. На поверхности воды виднелось еще немного крови.

Сохранявший все время невозмутимое спокойствие офицер сказал вполголоса:

— Теперь они предоставлены рыбам.

Направляясь к дому, он заметил на траве сетку с пескарями. Он нагнулся, поднял ее, улыбнулся и крикнул:

— Вильгельм!

На зов прибежал солдат в белом переднике. И офицер бросил ему улов расстрелянных французов.

— Немедленно зажарь-ка эту рыбу, пока она еще живая. Это будет великолепное блюдо!

И офицер спокойно закурил трубку.

Четвероногие артисты

Н. Бернштейн

В кинокартине «Дубровский» есть такая сцена. Горит усадьба, по пылающей крыше мечется обезумевшая от страха кошка. Со всех сторон она окружена огнем. Выхода нет. Кузнец Архип подставляет лестницу к горящей крыше, взбирается по ней и спасает кошку.

Тот, кто видел эту картину, пожалуй, и не подумал, что по крыше бежала не одна, а целых четыре кошки.

Дело было так. Для с'емки купили настоящий дом и подожгли его. На крышу бросили большую серую кошку, которая была предназначена для этой роли. Когда огонь подобрался к крыше, кошка фыркнула, и не успел режиссер оглянуться, как она удрала. За ней немедленно помчалась погоня, но серая кошка бежала так быстро, что ее никто не мог догнать. Пришлось заменить ее рыжей кошкой. Но и рыжая кошка не стала метаться по крыше, как было написано в сценарии, а тоже удрала.

Тогда режиссер закричал:
— Бегите скорее. Тащите сюда всех кошек. Скорее!

Все помощники сломя голову помчались искать кошек. Скоро они вернулись, неся на руках восемь кошек. Тут были рыжие, черные, серые кошки и одна белая. Все они отчаянно мяукали и царапались. Ни одна из них не хотела сидеть на горящей крыше.

Тогда режиссеру пришла в голову блестящая мысль:

— Мы будем снимать всех кошек вместе.

Так и сделали. Оператор непрерывно вертел ручку киноаппарата, а все помощники режиссера поочередно бросали кошек на крышу, и когда одна спрыгивала с крыши, другая в это время только еще готовилась к прыжку. Это было похоже на непрерывный конвейер. Потом кинооператор склеил все кадры вместе, выкинул те, на которых было видно несколько кошек,

и на экране все зрители увидели одну кошку, которая мечется по горящей крыше и не может найти выхода.

Для с'емки этой сцены кошек, конечно, не готовили, никаких репетиций не было. Но не думайте, что животных всегда снимают без репетиций. Наоборот, репетиции с животными продолжаются очень долго, иногда по несколько месяцев. Помните, в кинокартине «Веселые ребята» все стадо отправляется следом за своим веселым пастухом в гости. Вышибая ворота и опрокидывая изгороди, коровы, быки и овцы вламываются в зал, где все приготовлено для встречи гостей. Они усаживаются за стол, словно это приготовлено для них, взбираются на белые скатерти и начинают пировать.

Но ведь каждый человек знает, что коровы не привыкли есть из тарелок и пить из бокалов. А в картине они продельвали это совершенно спокойно, словно никогда и не жили в хлеву. Этот секрет открывается очень просто. Три месяца коровам и быкам, участвующим в с'емке, не давали пищи из кормушек, кормили их только из тарелок, и они привыкли к этому. Когда после с'емки их отвели на старое место в хлев, они начали упираться, мычать, хлестать себя хвостами по бокам, а один бык даже стал бодаться, еле-еле его успокоили. Видно, ему очень понравилась новая роль.

Но одному быку в этой картине не повезло. У него была особая роль, и ему пришлось пострадать. Каждый день артистка Орлова (Анюта) из всех сил била его. Бык был крепко привязан и ничего поделаться не мог. Он стал так бояться Анюты, что, увидев ее, забивался в самый дальний угол. Режиссеру только этого и надо было.

На экране зрители увидели, как большой сильный бык не только не забодал Анюты, когда она стала выпроваживать его из дома, но испугался и стремглав выскочил на улицу. Даже на свободе, без всякой привязи, он боялся маленьких кулачков Анюты.

Режиссеры, которые снимают животных, должны хорошо знать их повадки.

Как заставить свинью подняться на задние лапы? Читать свиньи не умеют, раз'яснить роль им невозможно. А в кинофильме «Крестьяне» надо было заснять момент, когда Егорка заходит в свинарник и все свиньи кидаются к нему навстречу, а одна

свинья встает на задние лапы и целует Егорку.

Выход был найден: оказывается, свиньи любят виноград. Егорка взял в зубы маленькую виноградинку. Никто из зрителей виноградинку не заметил, все увидели только, что свинья встала на задние ноги и поцеловала Егорку.

Овчарку «Люкс», которая прекрасно играет главную роль в кинокартине «Джюльбарс», пришлось дрессировать два с половиной месяца; ее отдали в школу собаководства.

А собаку «Фреди», которая участвует в картине «Концерт Бетховена», целый месяц учили «играть» на балалайке. Конечно, играть она так и не научилась, только проводила лапой по струнам, но зрителям казалось, что «Фреди» играет на балалайке.

Самое трудное — это заставить животных хорошо вести себя на с'емке. Со всех сторон горят большие электрические лампы, прожектора, от их яркого света начинают слезиться глаза. Тут самый храбрый зверь и то испугается.

Юрий Дуров рассказывает, как снималась в кино одна из его морских львиц. Она была приучена играть в мяч и каждый раз, когда роняла мяч, сама поднимала его. Во время с'емки мяч упал и подкатился к самому прожектору. Львица так испугалась, что убежала и ни за что не хотела прикоснуться к мячу. Ее уговаривали очень долго, и, лишь получив большую порцию рыбы, она подняла мяч.

Такой же случай был с собакой «Фреди». Увидав прожектора, она испугалась и решила бежать. Но «Фреди» — санитарная собака. Она приучена слушать команду. И когда ей подали команду: «Пост», — она, поборов свой страх, побежала вперед, прямо на свет прожектора.

Морскую львицу можно было задобрить большим куском рыбы, а к «Фреди» нужен был совсем иной подход.

Иногда звери в кино продельвают совершенно необычайные трюки, которые они не сумели бы сделать, даже если б их учили по несколько лет.

Все помнят поросенка из кинокартины «Веселые ребята». Он напился пьяный, шатается, скользит, не может устоять и, в конце концов, укладывается прямо на блюдо, которое стоит на столе. А в это время какой-то гость, приняв его за жаркое, посыпает перцем и собирается закусить.

Этого поросенка немножко подпюли на самом деле; а для того, чтобы он скользил, блюдо густо смазали маслом. Но самое трудное заключалось в том, чтобы заставить поросенка лечь на блюдо. Каждый раз, как его укладывали, он вставал и по-разному уйти.

Гораздо проще заставить лежащего поросенка вскочить с блюда, чем заставить его лечь. Тогда оператор и режиссер стали снимать эту сцену по-особому — «обратной с'емкой».

Поросенка уложили на блюде и начали с'емку.

На пленке получился сначала лежащий на блюде поросенок, потом поднимающийся на ноги, так это и было на самом деле.

Но потом в кино пленка двигалась, как обычно, поэтому кадрики, снятые вначале, оказались в конце и на экране сначала появился поросенок, стоящий на ногах, потом опускающийся и, наконец, улегшийся на блюдо.

В «Веселых ребятах» сцена на пастбище снята таким же образом. По команде Кости: «Стройся!» — быки и коровы выстраиваются в ряд, как заправские физкультурники.

А потом по списку Костя устраивает перекладку: «Чемберлен»... «Профессор»... «Марья Ивановна».

Заставить коров, быков, козлов построиться в ряд по команде гораздо труднее, чем заставить их разойтись.

В этой сцене тоже применили обратную с'емку, при которой конец становится началом. Животных заранее поставили в ряд, а потом они разбежались в разные стороны. А на экране получается, будто из разных мест коровы послушно становятся в один ряд.

Благодаря кинотехнике можно показывать таких животных, каких и в жизни не бывает, например ежа, который больше человека.

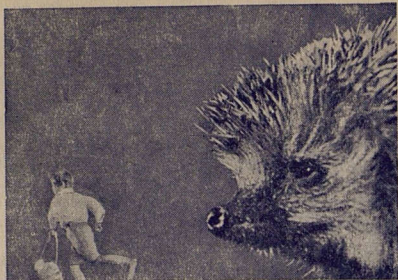
Два приятеля, пионеры Витя и Мирон («Полесские робинзоны»), попадают на необитаемый остров на одной из рек Полесья. Они должны ночевать в лесу. Витя засыпает. Ему снится, что он бродит среди высокой как лес травы и за ним гонится огромный еж, больше самого Вити.

Откуда же он появился, такой диковинный еж?

В кино есть способ, которым человека можно сделать великаном и карликом,

Животные взобрались на стол и начали пировать.

Витя убегает от ежа...

можно былинку превратить в куст, а ящерицу сделать большой как слон. Дело в том, что чем ближе стоят к киноаппарату люди, животные и вещи, тем крупнее они выходят, а чем дальше они от аппарата, — тем меньше.

Ежик, которого снимали в «Полесских робинзонах», был самым обыкновенным живым ежиком, но снимали его и Витю особенно.

В киноаппарате на объективе есть заслонка. Ею можно закрыть часть кадрика и снимать на остальную часть кадрика.

Сначала далеко, метрах в семи от аппарата, поставили мальчика Витю и кинооператор снял его на правой стороне кадрика, закрыв левую сторону. Затем на ки-

ноплечке отметили то место, где стоял мальчик.

Потом кинооператор закрыл заслонкой правую часть кадрика, на которой снят мальчик, а на незаснятой левой половине кадрика стал снимать ежика.

Ежик был совсем близко от аппарата, всего на расстоянии полуметра, вот почему он получился таким огромным, а Витя — маленьким.

И хотя зрителям ясно видно, что еж бежит за Витей, — во время с'емки он не бежал, а сидел на доске, и эту доску потрехивали. А позади него на доске стояли горшки с цветами и всякими травами, доску двигали, и казалось, что бежит ежик, а цветы и трава неподвижны.

Оказывается, что зверей для кинос'емки можно гримировать так же, как и актеров. Вот, например, в кинокартине «Веселые ребята» показан совсем молодой барашек, такой, какие появляются на свет только весной. А эта сцена, в которой показан барашек, снималась в январе. Каким же образом раздобыли в январе такого барашка? Да очень просто: взяли собаку и надели ей баранью шкуру, загримировав собаку барашком.

Режиссер, который снимает зверей, должен быть находчивым человеком. Четвероногие артисты часто капризничают, на с'емках могут произойти самые неожиданные случаи. Надо быть готовым к этим неожиданностям и не отказываться от того, что задумано, и всегда доводить с'емку до конца.

Покоренные вершины

Перед вами панорама главных вершин Кавказского хребта. Все эти вершины покорены советскими альпинистами. В середине двуглавый Эльбрус (высота 5630 и 5595 метров). Альпинисты считают Эльбрус вершиной 1-й степени трудности. На него восходят туристы, сдающие нормы на значок «Альпинист СССР». Слева поднимается вершина 2-й степени трудности — Пик Шуровского (высота 4259 метров). Слева же видны скальные вершины грозной Шхельды (высота 4320 метров) — одной из самых сложных для восхождения гор СССР. Ее название по-балкарски означает «цветок».

Вымерший гигантский ленивец — мегатерий.

Затерянные миры

А. Морозов

„Храм Шивы“

В октябре 1937 года два больших самолета вылетели из города Санта-Фе в штате Нью-Мексико. На самолетах отправлялась экспедиция музея естественных наук в Нью-Йорке. Самолеты пролетели над пустынной северозападной частью Нью-Мексико и индийскими поселениями. Потом начались каньоны Аризоны — глубокие и узкие горные ущелья.

Теплый воздух, поднимавшийся от нагретых скал, смешивался с холодным, струившимся из ущелий. Вверху получались настоящие воздушные «водовороты». Огромные самолеты раскачивались и порой круто ныряли носом. Начальник экспедиции профессор Энтони смотрел в окно на каньоны.

Земля походила на серый коралл, бесчисленные пропасти переплетались как поры.

Впереди виднелась высокая скала с большой площадкой на самой вершине. Эта скала была «Храм Шивы». Туда и направлялась экспедиция. «Храм Шивы» с самолета напоминал башню, крутые стены которой поднимались над землей на высоту 2285 метров над уровнем моря. Ни один человек не был на площадке, увенчивающей «Храм Шивы». Кто же оби-

тает в ее лесах, какие растения и животные уцелели с того времени, как «Храм Шивы» отделился от остальной земли?

Но на площадке не было места, пригодного для посадки.

Самолет опустился на Каибоб Плато, откуда экспедиция двинулась дальше к каньону, примыкающему к «Храму Шивы».

Первым на верхнюю площадку поднялся Вальтер Вуд, известный альпинист. Оттуда он спустил тонкую веревку и поднял на ней наверх веревочную лестницу, сделанную лучшими такелажниками Нью-Йорка.

По лестнице, закрепленной Вудом на вершине, поднялись все остальные члены экспедиции.

Необитаемое плато покрывало лес.

Что-то шевельнулось в кустах, окаймлявших небольшую лужайку. Раздался залп, потом охотники стали осторожно приближаться к зарослям.

Профессор Энтони поднял кролика, почти разорванного пулями крупного калибра.

Увы! Кролик оказался самым большим из животных, уцелевших на «Храме Шивы». Но все грызуны: белки, кролики и мыши — были странного светлого цвета, непривычного для глаз исследователей.

Их поразило еще то, что животные очень боялись человека. Обычно звери, никогда не видевшие человека, проявляют только любопытство. Во время полярной экспедиции Беринга песцы окружали матросов, отнимали у них еду, грызли обувь и одежду.

Много дней провела экспедиция доктора Энтони на «воздушном острове». Она собрала интересные коллекции насекомых, растений, мелких животных.

Особенно интересны находки каменных стрел, ножей и топоров. Это помогло установить «возраст» «Храма Шивы». Он отделился от других скал во время геологической катастрофы, происшедшей в ледниковом периоде. Тогда уже здесь жили люди, умевшие делать хорошие каменные орудия.

Исходив вдоль и поперек всю вершину «Храма Шивы», ученые благополучно спустились вниз. Надо прямо сказать, что они были несколько разочарованы.

Они надеялись, что на этом «островке», отрезанном от всей остальной земли, удастся найти какие-либо замечательные остатки прошлого населения земли.

Чем глуше, недоступней место, тем необычней его обитатели. Далеко от берегов Южной Америки находятся Галапагосские острова, принадлежащие республике Эквадор. На этих островах доживают свой век последние гигантские черепахи.

На островах Новой Зеландии еще живет ящероподобная гаттерия, странным образом сохранившая черты миллионы лет назад вымерших чудовищных пресмыкающихся. Впрочем, свиньи, завезенные европейцами, и на Новой Зеландии почти совершенно уничтожили гаттерию.

В Патагонии один путешественник случайно наткнулся на скелет и остатки шкуры ископаемого ленивца. Теперешние ленивцы — небольшие, малоподвижные животные — проводят всю жизнь, повиснув вниз головой на ветвях. Доисторические ленивцы ходили по земле и своими мощными лапами с корнями вырывали деревья.

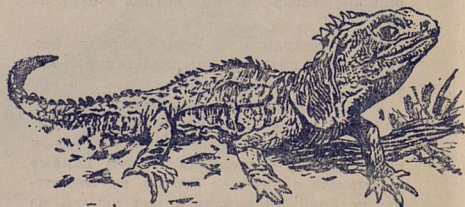
Знаменитый палеонтолог Рэй Ланкестер, осматривая остатки животного, нашел, что оно было живо еще несколько тысячелетий назад. И, быть может, где-нибудь в неисследованных областях Южной Америки мы еще встретим последних живых чудовищных ленивцев — мегатериев.

Ученые долгое время предполагали, что в горько-соленых ручьях «Долины смерти», в Калифорнии, нет живых существ. Но в 1937 году неожиданно в этих ручьях нашли морских сардинок. Этим рыбкам назвали «сардинками пустыни». Море постепенно ушло, а маленькие морские рыбки уцелели и живут в горькой воде ручьев, наглядно доказывая, что некогда здесь вместо бесплодной пустыни был океан.

„Таинственные животные Африки“

Капитан Хиченс, английский колониальный чиновник, провел жизнь в Африке. Недавно он напечатал в журнале «ДисCOVER» статью, которая называется «Таинственные животные Африки».

«Я убежден,— пишет капитан Хиченс,— что туземцы правы: в джунглях Родезии, в кустарниках Трансвааля, в болотах и озерах Юговосточной Африки живут опасные звери, совершенно еще не известные науке. Почему же их так трудно застрелить или поймать? Почему рассказы о них вызывают недоверчивые улыбки? Дело в том, что эти животные очень хорошо приспособились к условиям своего теперешнего существования. Они нападают лишь совершенно темной, чаще всего даже ненастной ночью. Их жертва редко может рассказать о нападении, тем более что обычно оно происходит в самых глухих местах. Ведь африканские джунгли до сих пор изучены весьма слабо. Развалины огромного города, построенного из камня, скрывались в лесу, к северу от Момбассы, в течение столетий. Более пятисот лет прошло, прежде чем здесь снова ступила нога человека. Удивительно ли, что тут легко прячутся звери, подобные нсу-фи, кодумодумо, мннга, кериту, лау и многим другим?»

Странная ящероподобная гаттерия—животное, которому 300 миллионов лет, еще доживающее на Новой Зеландии.

Негры много раз говорили европейцам, что краали Родезии опустошает «убийца нсуи-физи» — страшная помень леопарда и гиены: в нем соединены свирепость и смелость леопарда и трусливая хитрая повадка гиены. Строем тела нсуи-физи похож на леопарда, но его шкура расцветена не пятнами, а черно-белыми полосами, как у зебры.

Нсуи-физи европейцы долго считали плодом фантазии «дикарей». Но недавно Р. Покок доставил английскому зоологическому обществу единственную шкуру этого зверя, убитого в Родезии.

Но еще опасней кодумодумо — «разевающее пасть чудовище кустарников». Одно время кодумодумо так часто нападал на людей и скот в районе озера Танганьики, что здесь были мобилизованы отряды поселенцев и полиции для охоты за хищником. За голову зверя назначили большую награду, но ее никому не удалось получить.

Кодумодумо оставляет следы, похожие на блюдечко с двумя углублениями от когтей размером около 3 сантиметра. Он нападает совершенно тихо и этим резко отличается от льва, пугающего врага своим мощным рычанием.

Жители восточного побережья Африки постоянно жалуются на нападения гигантской кошки — мнгва. Ростом мнгва превосходит осла. Капитану Хиченсу часто приходилось перевязывать жертв этого хищника. Однажды из негританского селения Мчинга, на берегу озера Танганьики, к Хиченсу на носилках принесли известного туземного охотника, израненного мнгва.

В другом поселке, Линди (область Танганьика), мнгва ночью ворвался в поселок, растерзал нескольких жителей и закончил свои похождения, утащив полицейского, охранявшего городской рынок. В поселке воцарилась паника. А жителей посёлка никак нельзя назвать трусами. Они, не дрогнув, с маленьким копьем выходят на льва.

Мнгва очень давно известен неграм. О нем даже упоминается в песне, составленной, кажется, в XIII столетии:

«Я султан Ндан-Лу, я не люблю каменных городов.

В лес, скорее в лес, где мнгва терзает людей!..

А если мнгва схватит меня и вырвет сердце из груди,—

Что ж, я героем погибну на охоте...»

У охотников Южной Африки нет никаких сомнений в существовании зверя, называемого «медведь-нанди», керит, или дубу. Керит нападает на селения в безлунные ночи, похищая скот и людей. «Зареба» — высокие заграждения из колючих веток — ему нипочем. Лев, укулов свой нос и лапы о колючки, со злобным ревом поворачивает обратно. Керит ныряет прямо в «зареба» и делает в ней ход.

Керит несколько напоминает гориллу. Многие охотники стреляли в то, что они принимали за этого зверя, но никому не удавалось убить его на месте. Майор Брайтват и Арчер, оба постоянные жители Кении, ближе всего видели керита. Сначала они приняли его за льва. Но потом разглядели, что это — совсем другое животное, с огромной головой и покатою спиной. Животное покрыто темнокоричневым мехом и то бегает, неуклюже переваливаясь, как медведь, то идет на задних ногах.

Следы керита резко отличаются от следов других животных: мягкие подушечки, как у льва, и отпечатки громадных когтей.

Керит часто лежит на толстых ветвах деревьев над тропинками и подстерегает путников. Опустив лапу, он схватывает приближившегося к засаде человека. Охотники предполагают, что керит — гигантская человекообразная обезьяна.

Английский чиновник, начальник «охранны дичи» в Уганде, заявил: «Я верю в существование керита. Может быть, это неизвестная нам колоссальная гиена, может быть, это человекообразная обезьяна... Но, во всяком случае, это совершенно особенное животное, еще ни разу не убитое белыми охотниками и не изученное зоологами».

Лау, гигантские ящерицы и агогве

В нильских болотах и озере Но живет якобы водяное чудовище лау, или лукаута,— змея длиной около 30 метров. Ночью эта змея, толщиной с осла, издает оглушительный унылый звук. Негры уверяют, что лау губит множество людей и скота.

Несколько лет тому назад Смитсоньянский университет отправил экспедицию в места, где, по словам негров, обитает лау. Но экспедиция погибла, не добравшись до Зулуланда.

Особенно фантастическими казались рассказы негров о колоссальных ящери-

цах. Негры описывают их так: шея как у жирафа, ноги как у льва. А вождь племени Леваника даже сообщил английскому резиденту в Зулуланде, что он видел «ящерицу в 10 раз больше самого большого крокодила». Вождь приказал своим воинам следовать за чудовищем, но больше оно не показывалось. Ящерицы «длиною в 10 крокодилов» так никто больше и не встретил. Но в 1912 году малайские искатели жемчуга сообщили, что на уединенном острове Комодо живет чудовищная ящерица, питающаяся животными. Голландцы отправили экспедицию на этот островок, затерявшийся между Явой и Тимором. Комодо оказался густо заселенным кобрами, сделавшими остров почти недоступным для человека. Ученым удалось убить здесь ящерицу длиной в 4 метра.

В Уссуре и Симбити (Южная Африка), по словам негров, в непроходимых дебрях лесов живут маленькие, покрытые мехом люди — агогве. Их рост — только 120 сантиметров. Негры говорят, что агогве ночью иногда подходят к деревьям, и если для них поставить в саду квшин с пивом и пищу, карлики в благодарность за это ночью же перекапывают сад и уничтожают сорные растения.

Хиченсу один раз удалось увидеть на опушке леса странные маленькие существа, важно прошедшие мимо и не обратив-

шие на людей никакого внимания. Спутники Хиченса, негры, были очень испуганы. «Агогве», — говорили они. Сам Хиченс предположил, что это обезьяны, но их манера держаться, окраска меха и многое другое отличали неизвестные существа от всех обезьян, известных Хиченсу.

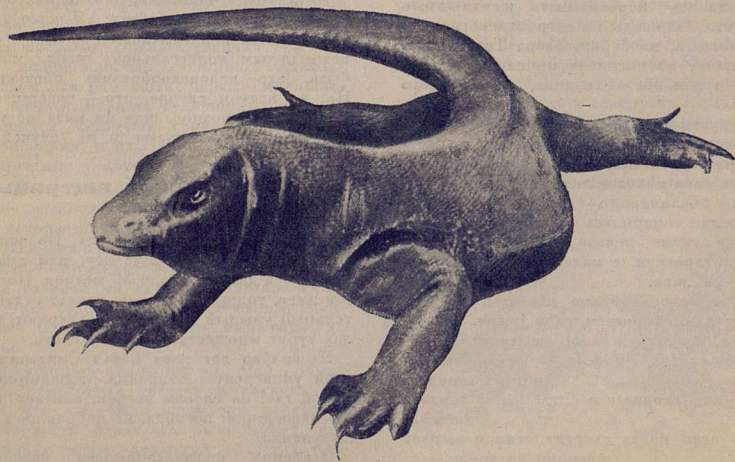
★

Английский писатель Артур Конан-Дойль написал фантастическую повесть «Затерянный мир».

В основу повести положено действительное событие: экспедиция на уединенный южноамериканский пик Рорарима, возвышающийся на границе между Бразилией и Парагваем. На вершущке пика ученые нашли площадку в 40 квадратных километров. Правда, они не встретили чудовищ, с такими подробностями описанных романистом.

Путешествие на «Храм Шивы» тоже дало меньше, чем рассчитывали путешественники.

Но каждая такая экспедиция уменьшает число неизвестных еще науке «затерянных миров». И кто поручится, что в каком-либо из них исследователи не встретят если не мегатерия, то керита, неуси-физи и кодумодумо, о которых повествует, со слов туземцев, бравоый капитан Хиченс?

Гигантская ящерица с острова Комодо.

Чем заняться

Вы уже знакомы, ребята, с этим нашим отделом. В прошлом номере мы вам советовали, чем заняться в июле—августе. Прочитайте теперь наши советы на август—сентябрь. Выбирайте любое дело, какое только вас заинтересует.

Что вы покажете товарищам в первый школьный день

1 сентября в школьных коридорах и классах вы опять встретитесь со своими товарищами. У каждого будет что рассказать. Один сядил на лето в деревню, другой побывал в лагере, третий участвовал в интересной экскурсии.

Хорошо бы не только рассказать товарищам о своих летних делах, но и что-то показать. О некоторых работах, которые заинтересуют ваших товарищей, мы здесь рассказываем.

Букет цветов

Ну что особенного в букете цветов? Это каждый может принести — скажете вы. В том-то и дело, что букет мы вам советуем приготовить особенный. Цветы эти давно уже отцвели, и с клумб они срезаны, быть может, месяц тому назад, а букет ваш будет выглядеть так, будто цветы живые.

Все дело в том, как цветы засушить.

Когда вы засушиваете цветы в гербарных сетках, вы их прессуете, и они теряют свою естественную форму. Но есть другой способ: засушка в песке. Почему же при засушке в песке растение сохраняет свою естественную форму? Да вот почему: песок облегает все части цветка и совершенно их не спрессовывает, а влагу выбирает так же хорошо, как и бумага.

Прежде всего надо заготовить песок. Лучше всего брать мелкий речной песок. Можно употреблять и обыкновенный песок, только тщательно промойте его. Промывать песок надо до тех пор, пока сливаемая вода не станет совершенно прозрачной. Промытый песок хорошенько просушите.

На дно картонной коробки или деревянного ящичка положите слой песка в 2—3 сантиметра. На песок кладется цветок. Для засушки лучше всего брать недавно распустившиеся цветы.

Потом сделайте бумажный кулек и через него сыпьте песок тонкой струйкой, сначала под цветы, так, чтобы все лепе-

стки венчика лежали на песке, потом внутрь цветка и, наконец, сверху.

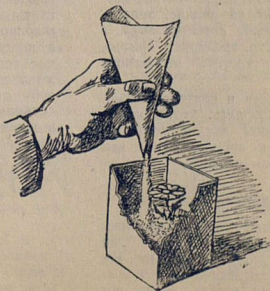
Верхний слой песку должен быть не толще 2—3 сантиметров.

Коробку положите на солнечное окно или возле плиты и не трогайте с места.

Дней через 8—10 можно цветы вынуть: они готовы.

Освобождать цветок от песка надо очень осторожно. Обыкновенно коробку наклоняют и песок потихоньку сползает с цветка. Как только цветок освободится от песка, его вынимают из коробки, осторожно сдувают или смахивают мягкой кисточкой все песчинки и, проткнув булавочкой цветоножку, прикрепляют на дно застекленной коробки.

Насушив этим способом цветы разных семейств, вы таким гербарием удивите всех своих товарищей, а ваши коробки с растениями обязательно попадут в биологический кабинет.

Находкам 300 миллионов лет

На живописных берегах реки Пахры, близ Подольска, расположился пионерский лагерь 369-й школы. Четыре неразлучных товарища: Женя Дальский, Юра Белов, Миша Болычев и Коля Соколов — каждый день ходили по окрестностям лагеря, собирали цветы, ловили жучков и красивых бабочек. Однажды они взобрались на высокий обрыв у берега реки Пахры, близ села Дубровицы. И здесь каждый из четырех друзей нашел удивительные окаменелые раковины. Вот почти целая раковина моллюска (рис. 2), но как она непохожа на раковины современных моллюсков! А вот камень — словно окаменевшие пчелиные соты, вот каменные колечки и иглы (рис. 1). Много других удивительных камней собрали друзья. Раздобыв молотки, так как многие интересные окаменелости невозможно было вынуть из породы голыми руками, друзья превратились в каменотесов, и вскоре обнаружили в известняках пустоты, в которых с потолка спускались прозрачные «сосульки» — сталактиты.

Решили покопаться и в темных глинах, лежащих выше известняков. И что же? Оказалось, что и в глинах есть окаменелости, но совершенно не такие, как в известняках. Здесь друзья нашли всем знакомые «чортовы пальцы», спирально зави-

тые, с перламутровым блеском раковины моллюсков и округлые желваки фосфоритов. В лежащих еще выше красновато-желтых глинах ни одной окаменелости ребята не нашли, зато здесь встречалось много округлых угловатых камней — валунов.

Нагрузившись своими ценными находками, друзья отправились в лагерь. Преподаватель биологии помог им разобраться в находках. С большим интересом прослушали они рассказ учителя. Оказалось, что некоторым их находкам 300 миллионов лет! Трудно даже представить себе такую давность. Тогда здесь было теплое море, в котором жили кораллы, морские ежи и лилии, моллюски — спириферы и продукты, фузулины и другие. Их трупы за многие миллионы лет и образовали мощные толщи известняков.

В этот же период образовались мощные отложения каменного угля Подмосковного и Донецкого каменноугольных бассейнов.

Рисунок 1

Кто как готовится к зиме

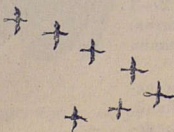
Зиму всякий встречает по-своему: кто меняет легкие летние шубы на зимние, теплые, кто запасает корм на зиму, а кто просто тренирует крылья, готовясь улечь от зимних морозов.

В августе и сентябре вы можете наблюдать, кто и как в окружающей нас природе готовится к зиме. Это мы вам и советуем сделать.

1. Птицы тянутся на юг

Журавли — первые вестники надвигающейся осени. Они первыми пролетают на юг. Их можно легко различить в вышине. Они всегда летят, по-

строившись клином. Почему? Махая крыльями, эти большие птицы волнуют воздух. В взволнованном воздухе трудно, а иногда и совсем невозможно передвигаться. Если бы журавли летели беспорядочной стаей, передние птицы сильно взволновали бы воздух, и задним лететь было бы очень трудно.

В правильном строе иное: каждая птица летит на известном расстоянии от своих товарищей, не попадая в слои взволнованного воздуха.

Кстати, задумывались ли вы над тем, что весенний прилет птиц мы почти всегда замечаем, а осенний пролет мелких птиц часто ускользает от наблюдений? Это происходит потому, что птицы улетают чаще всего ночью. Тихой осенней ночью выйдите из дому и вы услышите и вышине звонкие голоса переключившихся птиц.

Осенью ранее всего исчезают птицы, которые позднее других появляются весной: стрижи и иволги. В начале августа и в начале сентября уле-

Рисунок 2.

Море каменноугольного периода отступило, и многие миллионы лет на территории нашей области была суша, но затем (около 150 миллионов лет тому назад) море снова наступило на нашу область. Это море, названное Юрским, было

мелкое и населено теперь уже вымершими животными: белемитами, аммонитами, ауделлами и другими.

При разложении трупов этих животных и образовались фосфориты. Вслед за Юрским морем нашу область покрывало море мелового периода (около 100 миллионов лет тому назад), но отложения этого моря были размывты после его отступления текучими водами и стерты наступившим на нашу область около миллиона лет тому назад со Скандинавского полуострова ледником. Ледник, после того как стаял, оставил на нашей поверхности мощные толщи глин с валунами из гранита, кварца, диорита, песчаника и других пород.

После этого рассказа друзья с еще большим увлечением начали собирать образцы окаменелостей, горных пород и минералов.

Осенью богатая коллекция из лучших образцов, собранных Женей, Юрой, Мишей и Колей, была показана на школьной выставке.

тает много мелких насекомых: мухоловки, горихвостки, славки и другие.

Почему улетают птицы? От холода их защищает сравнительно высокая температура тела и рыхлый покров перьев, которые не дают телу быстро охлаждаться. Нет, другие причины заставляют птиц путешествовать. С приближением зимы корм становится все меньше, а многим насекомоядным, например тем, кто ловит насекомых налету, добыть корм становится вовсе не возможно.

Недостаток пищи и гонит

птиц на юг. Проследите, какого числа какие птицы перелетят через ваши места.

2. Птицы-пешеходы

Есть птицы, которые плохо летают. Они переселяются пешком, перелетая только озера, реки и моря. К сухопутным путешественникам относятся плохо летающие, но превосходно бегающие коростели, или дергачи, а также перепела. На своих длинных ногах коростели шагают из наших приуральских степей почти на самый юг Аравийского полуострова. Постарайтесь увидеть коростеля. С таким путешественником интересно познакомиться.

Перепела пускаются в путь поодиночке и собираются в стада по дороге. Эти стада направляются пешком на юг и в

громадном количестве собираются у берегов Средиземного и Черного морей, через которые потом летят в Африку и Малую Азию. Плохие летуны перепела: летят над самой поверхностью воды. Устав в борьбе с ветром, они опускаются на волны и отдыхают.

Осенью в лесу вы можете увидеть таких птиц, которые залетают с севера или с востока и сравнительно долго задерживаются в наших местах.

В начале сентября в тишине

Поймайте ежа

В июле у ежей нарождаются дети. К августу они подрастают и выползают из гнезда. Ежа, особенно молодого, очень легко поймать, стоит только найти. А найти его легче всего вечером, когда начнет смеркаться. Ежи в это время выползают на кормежку. У ежа очень короткие ноги, поэтому он, увидя человека, не убегает, а свертывается в клубок, растопыря щетину. Тут-то его и берите в шапку. Молодые ежи очень скоро привыкают и приручаются.

Дубовый шелкопряд

Каникулы я провожу у моей бабушки, в деревне. Здесь я развожу новое, неизвестное в наших местах насекомое — китайского дубового шелкопряда, из кокона которого делают крепкую шёлковую ткань — чесунчу.

Когда я впервые услышала о дубовом шелкопряде, мне очень захотелось на-

учиться разводить его. Я обратилась на станции юных натуралистов с просьбой прислать мне грены (яички) китайского дубового шелкопряда и подробные объяснения, как за ним ухаживать. Со станции мне прислали грены и инструкции об уходе.

Сейчас у меня уже зеленые гусеницы второго возраста, их трудно становится отличать от дубового листа. А сначала, когда гусеницы только что вышли из яичек, они были черные с желтыми головками. Я внимательно ухаживаю за ними, приношу им свежие дубовые ветки с сочными, молодыми листочками. Они охотно едят и растут. Скоро гусеницы начнут завиваться в коконы, а из коконов выйдут бабочки и отложат грены для второго поколения.

Я веду дневник, куда записываю все свои наблюдения за шелкопрядом, и делаю зарисовки. Этот дневник и коконы я покажу товарищам в первый школьный день, а потом подарю их школе.

Т. Ненарокова

старого, высокоствольного леса раздается странный крик черного дятла.

Типичными осенними кочевниками являются сойки, ореховки и обитатели тайги — северные шуры.

Обязательно познакомьтесь с этими нашими северными гостями. Проследите, когда они прилетят в наши края.

«Заботливые хозяева»

Осенью поспевают орехи, семена сосновых и еловых шишек. Белки торопятся устроить большие склады, натаскивая туда про запас побольше орехов и семян. Кстати, о многих таких складах белка потом забывает. Уже в конце августа вы можете встретить белок, у которых среди рыжего, летнего меха видны клочки серых волос. В октябре у всех белок будет теплый серый мех.

Найдите нору мыши или суслика. Раскопайте ее осторожно лопатой — и вы найдете там массу зерна. В некоторые норы маленькие хищники натаскивают до 3 килограммов чистого

зерна. «Заботливые хозяева» беззаботно будут зимовать в своих норах.

Но не всем мышам удастся запастись кормом на зиму. Многие из них уже в августе перекочевывают с полей и лугов ближе к амбарам и кладовкам. Поэтому нужно приготовиться к встрече вредителей. Запасите мышеловки и расставьте их в доме.

И чем ближе к зиме, тем чаще будут шелкать мышеловки.

Много дольше не поддается влиянию зимнего холода еж. Только в начале или в середине октября, когда погода становится суровее и корм искать трудно, еж начинает устраивать себе логово. При помощи своих игл натаскивает он в густой кустарник целую кучу мха, листьев и соломы. Снаружи эта куча растрепана, бесформенна, внутри же, куда животное с наступлением первых зимних холодов помещается на зимовку, тщательно и мягко выстлана.

В Восточной Сибири живет грызун пищуха, или сенокосаев.

„Оторванный“ палец

Подойдите к приятелям и скажите, что у вас с пальцем что-то неблагополучно. И затем покажите им «чудо»: как вы «отрываете» кусок пальца. Этот фокус делается очень просто. Посмотрите на рисунки. На правой руке вы сгибаете указательный палец, придерживая его за ноготь большим пальцем. Затем вы сгибаете большой палец левой руки и кладете его на средний палец правой руки, плотно прижимая к согнутому указательному пальцу. У вас получается один палец, составленный из половинок двух пальцев. Чтобы не видно было места соединения пальцев, вы прикрываете это место указательным пальцем левой руки.

Затем вы начинаете двигать влево видимую зрителям часть большого пальца вместе с указательным. Двигать их надо плавно и так, чтобы большой палец скользил по среднему, не срываясь с него. Со стороны кажется потрясенным зрителем, что вы то отрываете часть указательного пальца, то снова сращиваете эти половинки.

Он заготовляет на зиму сено или в норке или большей частью на открытом поле.

Зверьки складывают сено в настоящие стожки и прикрывают его широкими листьями.

Когда начинает чувствоваться недостаток подножного корма для скота, кочевники гонят свои стада в местности, где много пищух, и представляют овцам отрывать стожки из-под снега.

Рост кончился

Если вы помните, весной каждая молодая ветка дерева кончалась маленьким развернувшимся листочком.

Посмотрите ветки в августе. Есть ли там молодые листочки?

Кроме того, что рост прекратился, вы можете заметить, как на молодых ветках огрубела и утолстилась кора, а почки покрылись плотными щитками.

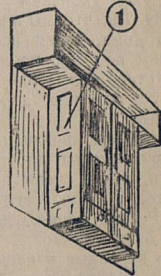
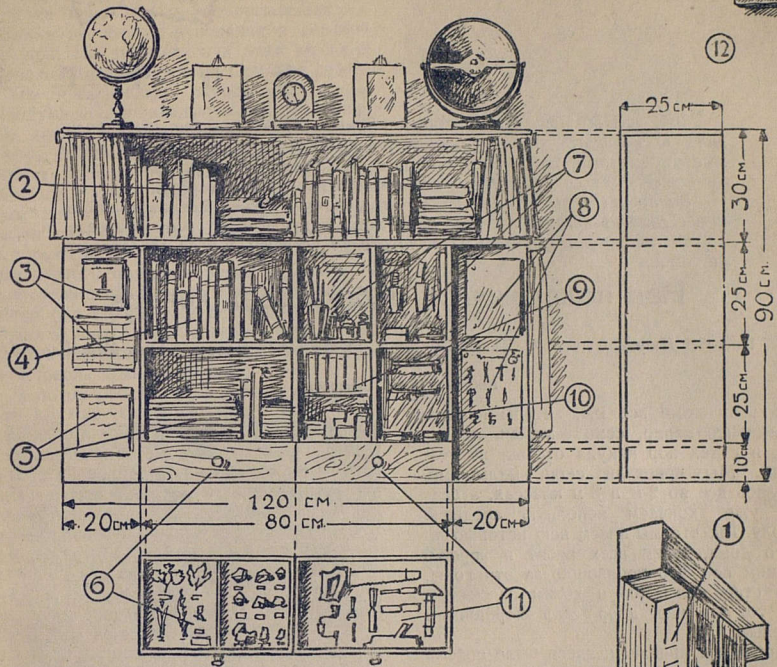
На многих однолетних растениях созрели семена, и стебли их медленно засыхают.

Жизнь затихает.

Универсальная полка

Кто из вас не мечтал о полке, на которой можно было бы разложить все свое хозяйство: и книги, и тетради, и письменные принадлежности, и инструменты? Да так, чтобы любую вещь можно было быстро, без всяких поисков, достать.

Давайте не только мечтать, давайте смастерим такую полку. Это — не такое уж трудное дело. Несколько обычных полторадюймовых досок послужат основанием. К ним вы прибейте продольные и поперечные стенки — и полка в основном готова.

Самое трудное в той полочке, которая здесь нарисована, — это нижние ящики и дверцы. Но если вы мастерите еще плохо, можно обойтись и без них. Только к тому отделению, в котором вы будете хранить туалетные принадлежности, приделайте занавесочку.

1. Внешний вид.
2. Книги для чтения.
3. Календарь и расписание уроков.
4. Полка для учебников.
5. Блокнот для заметок и полка для тетрадей.
6. Выдвижной ящик для коллекций.
7. Письменные принадлежности: ручки, карандаши, тушь, чернила и т. п.
Туалетная полка: мыло, зубная щетка и т. п.
8. Зеркало и таблица по зарядковой гимнастике.
9. Полки для фото: химикаты, негативы и т. п.
10. Платяные и салонные щетки.
11. Набор инструментов.

П О Ч Т А

Все, что вы прочтете сегодня в «Почте», происходит во дворе большого московского дома в Среднетишинском переулке. Там живет много веселых, дружных ребят. Никто из них не жалуется на скуку. Да и какая же может быть скука, когда у них столько интересных дел?

Вы прочтете их письма, и сами это увидите. Может быть, кто-нибудь из вас даже позавидует им. Ведь не во всех дворах так интересно и весело.

Мы можем посоветовать всем читателям устроить у себя во дворе то же самое.

Как подружились ребята трех концов

Письмо Нюры Сычевой, Таси Лучиной, Кляни Абрамовой, Кляни Михайловой

Рисунки Вовы Самсонова

В этом доме все мы, авторы письма, поселились давно, семь — восемь лет назад, и с тех пор никуда отсюда не уезжали. Мы приехали сюда малышами, учились все во 2-м и 3-м классах, а сейчас уже кончаем неполную среднюю школу. Так что мы знаем всю историю нашего дома, знаем всех ребят и хорошо помним все, что произошло за эти годы. Как старожилы, мы и хотим рассказать про то, как наш двор стал хорошим и веселым.

Когда мы приехали, здесь было совсем по-другому: на дворе валялись доски и камни, было очень пыльно, на деревьях (их тогда было всего пять) сушилось белье. Ребята слонялись из угла в угол, и всем было скучно.

Но взрослые в нашем доме — хороший народ. В один прекрасный день все жильцы вышли во двор с лопатами и метлами и устроили субботник. Доски и камни увезли на машинах, а двор решили озеленить. За это дело взялся наш жилец Максимов. Он по профессии не садовод, но очень любит сажать цветы и деревья. Мы вместе с ним стали озеленять наш двор. Мы копали, выбирали камни из земли, поливали, и все деревья принялись. Многие женщины в нашем доме давали свои цветы для клумбы. Мы их тоже посадили, и получился такой цветник, что мы стали

Ребята нашего «конца» играют в волейбол.

жить, как на даче. Когда все цветы расцвели, мы сделали большие букеты и подарили их взрослым.

Скоро домоуправление отдало нам большой подвал, и мы устроили там свой клуб. У нас организовался форпост, стала выходить стенная газета. В это время к нам пришла Лидия Михайловна Березинская — внешкольный педагог. Она уже немоло-

дой человек, ей 50 лет, у нее даже внучки есть. Но она очень веселая и хорошая. Она могла играть с нами сколько угодно и бегала как молодая.

С ее приходом у нас организовались кружки рисования, рукоделия и хоровой кружок. Но занимались в этих кружках только маленькие ребята. Старшие ребята очень презрительно относились к ним. «Подумаешь, невидаль», — говорили они. Но когда у нас организовался кружок лепки, их отношение изменилось. Большие ребята стали лепить разные фигуры и так увлеклись этим делом, что лепили по целым дням. Во всем дворе нельзя было найти ни одного мальчика или девочку, которые не увлекались бы этим делом. Эта страсть овладела всеми ребятами, и они стали очень хорошо лепить. Петя Крысанов (он теперь уже служит во флоте) лепил замечательных слонов и верблюдов. Ребята коллективно соорудили чернильницу-корабль и много бюстов.

А потом ребята стали ходить и на другие кружки. Особенно много ребят участвовало в драматическом кружке. Вечера самодеятельности мы устраивали в нашем клубе очень часто, иногда по несколько раз в месяц. Мы ставили какие-нибудь веселые пьесы, ребята декламировали, танцевали, пели и показывали разные фокусы. На эти вечера приходили не только ребята и взрослые нашего дома, но приходили и из других домов. Бывало столько народу, что повернуться было негде. Однажды произошел очень смешной случай. Мы ставили пьесу «Натка-дипломат». Кто-то по рассеянности написал на объявлении, что будет поставлена «Наталка Полтавка». Все взрослые решили, что мы ставим оперу, и удивлялись, когда это мы успели выучить.

Мы были так заняты приготовлениями к спектаклю, что на объявление не посмотрели. Потом вдруг прибежал кто-то из ребят и говорит: «Ребята, сегодня нашего спектакля не будет. Приедут настоящие артисты». Мы ушли все по домам, и только часов в пять вечера выяснилось, что это ошибка. Тут началось необычайная суматоха. Мы стали скорее заканчивать все приготовления, прибавить декорации и вечером все-таки поставили свою пьесу.

Все декорации для постановок мы делали сами. Родители помогли нам шить костюмы.

Во дворе вырос целый сад.

У нас был кружок ритмических танцев. В этом кружке участвовало много девочек. Они сделали себе из марли юбочки, как у балерин, сделали беленькие шапочки, и у них получились очень красивые костюмы стрекоз. Потом у них были костюмы матрешек, украинские костюмы.

Самым интересным был танец конькобежцев. Ребята в лыжных костюмах разъезжали по всей сцене как будто по льду. Они катались, как настоящие конькобежцы, хотя коньков на ногах у них, конечно, не было.

С тех пор, как у нас организовался форпост, все ребята подружились. А раньше у нас во дворе было три «конца» и ребята одного «конца» никогда не играли с ребятами другого. Если кто-нибудь приходил на чужой «конец», его немедленно прогоняли: «Иди, иди к своим, нечего к нам приходиться!» Если встречались ребята из первого под'езда (это был один «конец») с ребятами из седьмого под'езда (это был третий «конец»), то они никогда не здоровались, проходили мимо, словно незнакомые. Ребятам пятого под'езда было хорошо: у них девочки и мальчики дружили, и

они играли всегда вместе. А в нашем, седьмом под'езде мы никогда не могли устроить большой игры, потому что с мальчиками мы не дружили; но мы не хотели первыми пойти играть в другой «конец» и часто из-за этого скучали. Мы называли тех ребят «воображалами», и они тоже думали, что мы гордые и не хотим с ними играть.

В клуб ходили все ребята. Мы занимались вместе, в одних и тех же кружках, и наша давнишняя вражда кончилась. Оказалось, что наши «противники» — совсем неплохие ребята. Как-то мы откровенно поговорили между собой, рассказали о том, что думали про их «конец», они тоже рассказали нам про себя, и с тех пор мы стали дружить. Но у нас был еще третий «конец» — пятый под'езд. Эти ребята, если даже приходили в клуб, всегда держались вместе, в стороне и ни с кем особенно не разговаривали. Но когда мы ста-

ли устраивать вечера самодеятельности, они тоже не выдержали и попросили, чтобы им дали роли, стали участвовать в драматическом кружке и вместе играть.

Сейчас, пожалуй, ребятам показалось бы странным, если б ребята какого-нибудь под'езда не стали играть с другими ребятами. А тогда все считали, что так и должно быть и что тот, кто заговорит с ребятами не из своего под'езда, — перебежчик.

Когда все ребята во дворе объединились, стало еще веселее. Мы устроили несколько противозвудушных тревог, ходили в противогасах, поливали из распылителя стены, посыпали землю опилками, как будто была газовая атака. У нас было санитарное звено. Оно оказывало помощь «пострадавшим».

Сейчас наш клуб закрыт на ремонт и поэтому кружки пока не работают. Но у нас и без этого много веселых игр и дел.

Экскурсия по двору

Объяснения даст Лева Чернышев

Лева Вортман с'езжает с горки.

Пожалуйста, не удивляйтесь. Это не парк, а наш двор. Правда, он непохож на другие дворы, но поэтому мы и рассказываем вам о нем. Весь двор у нас в зелени. Эти деревья и цветы посадили сами ребята. Вместе с дворником Ахметом они каждый день поливают их. У нас есть друзья зеленых насаждений, они не дадут вам сорвать цветок или сломать веточку. Поэтому у нас так чисто и хорошо в саду.

Вот горка. В первые дни после открытия около нее шли непрерывные бои, каждому хотелось с'ехать несколько раз. Сейчас она тоже не пустует: любителей покататься много.

Под тенью деревьев стоят качалки. Здесь мы занимаемся, если только маленькие ребята не затевают какую-нибудь слишком шумную игру. В жаркий день можно вытащить качалки на солнце и загорать.

Обратите внимание на гимнастические кольца. У нас не только мальчики, но и девочки могут висеть вниз головой, подтягиваться на руках и кувыркаться.

В беседке, которая стоит в конце сада, ребята играют в шашки и шахматы. Здесь стоит враг нашего спокойствия — бильярд.

Теперь пойдемте на задний двор. Здесь

пока только крокетная площадка. Но скоро будет большой сад. Ребята уже посадили 150 кустов дикого винограда.

Еще есть маленький садик (он при входе во двор); там нет никаких игр: он устроен для любителей тишины.

Я еще не показал вам наших качелей,

шведской стенки, тира, бревна для равновесия, барабана. А это все очень интересно. Давайте выйдем на середину двора, и вы все увидите сами. Я могу сказать вам, по секрету, что через месяц у нас будет карусель. С каждым днем у нас во дворе становится все лучше.

Шумовой оркестр

Валя Григорьева

Наш шумовой оркестр.

У нас в клубе организовался шумовой оркестр. Хорошо, что мы занимались в подвале, а то все жильцы, наверное, сошли бы с ума, если бы услышали наши первые репетиции. Это был настоящий шумовой оркестр! Кто на барабанах бьет, кто на кастаньетах, кто в свистульку свистит. Стоял такой шум, что если хочешь

что-нибудь сказать соседу, надо кричать изо всех сил.

Однажды к нам на репетицию пришла Настя Крылова (ученица 6-го класса). Она постояла у дверей, послушала, как мы «играем», и говорит: «Давайте, ребята, устроим хороший оркестр». Она стала нами руководить. Шума стало меньше. Настя просила, чтобы не очень били в барабан, а то наш барабанщик Сережа Чернышев заглашал все инструменты.

Скоро у нас получился хороший оркестр. Мы даже выступали на вечерах самодеятельности. В середине игры кто-нибудь из ребят выбегал на сцену и плясал, потом выходили плясать другие ребята, а потом все вместе плясали, весь оркестр.

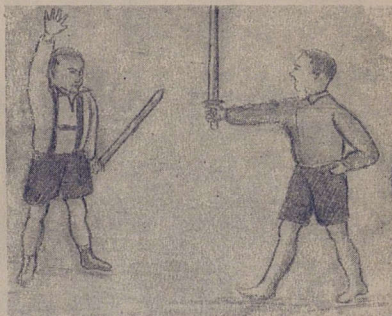
1 Мая, когда мы пошли на демонстрацию, весь наш кружок нарядился в разные костюмы, у кого какие были. У одного мальчишка были разноцветные шаровары: одна штанина синяя, другая — красная. Он был похож на клоуна. Другой надел смешную куртку и на голову — колпак. Мы пошли на демонстрацию всем двором и взяли с собой наши инструменты. А на демонстрации мы играли, пели и плясали. У нас была самая веселая колонна.

„Б о й“

Витя Щелкунов, Витя Нечиченков, Арик Кулаков,
Митя Пешков, Вова Ванюхин, Зоя Щелкунова

У нас во дворе была настоящая военная игра. Из дерева мы выстругали себе деревянные кинжалы, раскрасили их и разделились на две партии. В одной были Витя Щелкунов, Витя Нечиченков, Митя Пешков, Арик Кулаков, Юрик Зубкин и Шура Вялухин, а в другой — Коля Переверзнецов, Витя Чернов, Лева Устинов, Толя Катков, Витя Устинов, Юра Титов и Вова Чернов. Каждая партия имела свой штаб. Наш штаб помещался в первом подъезде, а где их штаб, мы узнали только потом. Мы не знали, где находятся наши «противники», и послали разведчиков это выяснить. В разведку пошли Витя Щелкунов и Юрик Зубкин. Они пригibались, шли около самой стены, чтобы дозоры их не заметили. Они очень осторожно пробрались на задний двор и уже хотели уходить, когда вдруг из-за бревен с гиканьем выскочили ребята и стали их окружать. Оказывается, они там спрятались. Но наши разведчики не растерялись. Они бросились бежать, но, чтобы не показать дорогу к своему штабу, стали кружить по двору, забегали в разные подьезды. Потом они спрятались в одном подъезде, погоня промчалась мимо них. Тогда они осторожно вылезли и пошли в свой штаб. Там они рассказали о численности «противника» и его расположении. Тогда наша партия начала наступление. Размахивая саблями, мы побежали на задний двор и окружили всех «противников». Они не сдавались. Трех мы забрали в плен и увели к себе в штаб. Эти пленные держали себя очень стойко, ни за что не хотели говорить своего пароля и сказать, где помещается штаб. Но тут наш штаб сделал ошибку. Мы забрали кинжалы у пленных и выпустили их на волю. По правилам, они уже не могли играть, но они нарушили это правило и рассказали своей партии про нас. Но все-таки эту игру выиграли мы.

Рисунок Вовы Самсонова.

«Поединок».

Потом мы сделали, кроме кинжалов, еще картонные щиты. Конечно, и кинжалы и щиты были только для красоты. Но с кинжалами игра была интереснее.

Что случилось во дворе

* Большое событие! Надя Корзинкина вышла во двор. Это первый раз за все время. Она решила посидеть на лавочке. Но первый блин комом. Ребята, которые играли в волейбол, угодили мячом прямо в нее и выбили книгу из рук. Первая надина вылазка окончилась неудачно.

* У нас есть свой военный. Лева Чернышев теперь ходит в военной форме. Он учится в специальной школе.

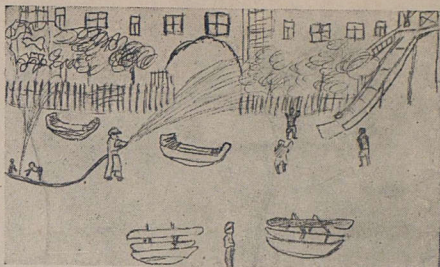
* Сегодня состоялась комбинированная игра — волейбол-футбол. Вначале игра была похожа на волейбол, затем она приняла бурный характер и перешла в футбол. Несмотря на это стекол побитых нет.

* Качели заняты круглые сутки: утром — ребята, вечером — взрослые.

* Во двор залетел какой-то птенец. Ребята его поймали и долго отгадывали, что это за птица. Некоторые доказывали, что это птенец сороки, другие утверждали, что это ласточка, а кто-то даже сказал, что это птенец коршуна. Все оказались неправы. Это обыкновенный воробей.

* Наш чемпион по катанию на качелях — Сережа Чернышев. Он так высоко взлетает, что может достать до листьев клена. Говорят, что на листьях остались следы сережиных зубов. Возможно, что кленовые листья стали зубчатыми из-за сережиных зубов.

Рисунок Шуры Филиппова

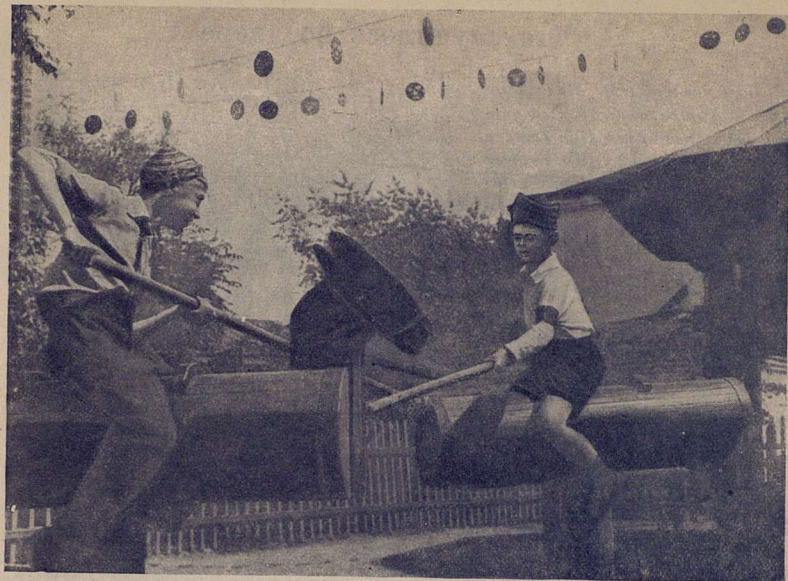

В жаркие дни наш дворник Ахмет обливает нас водой из брандспойта, а потом мы устраиваемся на качалках и загораем.

Рисунок Вовы Каравая

Качели у нас висят между двумя высокими деревьями. Вокруг них тень, а в тени стоят ребята, ожидающие своей очереди покачаться.

Аттракцион «бой на конях». «Сражаются»: Вова Щелкунов и Шура Вялухин.

Открытие садика

Изара Гершенович

У нас в садике всегда дежурит кто-нибудь из ребят. Я дежурила в день открытия площадки. У меня на руке была повязка, на ней было написано «дежурный». В этот день дежурным было много хлопот. Народу пришло столько, что все скамейки и качалки были заняты. Около горки стояла целая очередь. С самого раннего утра стали приходить ребята из соседних домов. Мы их встречали, и, хотя многим ребятам не хотелось уступать гостям свою очередь, мы разрешали им скатиться с горки, поупражняться на кольцах или покататься на качелях.

Взрослые приготовили нам сюрприз. Прямо в садик приехал мороженщик с мороженым. Мороженщик был очень веселый и все время угощал нас. А потом пришел целый духовой оркестр. Тут мы устроили пляски. Мне тоже хотелось танцевать, но я дежурила и не могла уйти со своего места.

Про наших ребят

Письмо матери

Ребята в нашем доме живут весело. Целый день во дворе шум, но мы на это не жалуемся. Это ведь во время игры, а какая же игра может обойтись без крика? Вот раньше у нас во дворе совсем другой был шум: то один другого поколотит, то кто-нибудь девочек за косы начнет дергать, в каждом конце двора драка, все ругаются, дерутся. Теперь у нас этого нет. У ребят так много дел, что им не до драк. Конечно, и сейчас бывают во дворе ссоры, но не такие, как раньше. До слез дело не доходит.

У нас живет мальчик Миша Комаров. Раньше не проходило дня, чтобы кто-нибудь на него не пожаловался. То из рогатки стекло вышибет, то в кого-нибудь камнем запустит или толкнет. Сколько раз я с ним говорила, но он все не переставал. А сейчас он нашел себе занятие. У нас садик, за которым ухаживают сами ребята. Миша очень любит наш сад, сам его поливает, подстригает веточки у деревьев.

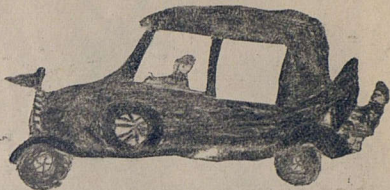
Недавно у нас было назначено собрание жильцов, я попросила Мишу, чтобы он сказал всем жильцам про собрание. В прежнее время он бы, наверно, нагрубил, а тут побежал и всем сказал.

Я думаю, что у нас хорошее отношение во дворе между ребятами и взрослыми потому, что мы заботимся о ребятах, они это ценят, и сами к нам хорошо относятся.

Раньше у нас во дворе был руководитель ребят. Потом руководитель ушел, и мы боялись, что ребята опять станут плохо вести себя. Но оказалось, что наши ребята самостоятельные, сами себе находят дело.

Мое окно выходит прямо во двор, и я часто вижу, как ребята сами выдумывают

Рисунок Фомина.

Раньше у нас ребята стреляли из рогаток, цеплялись за автомобили и катались на буферах трамвая.

себе игры, качаются на качелях, а то соберутся где-нибудь в уголке и читают книжки. Я помню, что в первое время после открытия сада ребята каждый день что-нибудь ломали, весь забор развалили. А сейчас сами стали следить за своими играми и другим не разрешают ломать.

Ребята нам во всем помогают. Зимой, когда было много снега, ребята накладывали снег на телегу, расчищали двор, вывозили снег на санках. Летом они заботятся, чтобы во дворе было чисто, сами поливают цветы, сажают новые деревья.

Я думаю, что если в других домах устроить столько игр, сколько у нас, и позаботиться как следует о ребятах, то и ребята станут лучше. Конечно, обидно, если ребята на заботу взрослых отвечают грубостью, для них и делать ничего не хочется. Есть такие ребята и у нас, но большинство ценит нашу заботу, и поэтому мы всегда с удовольствием поможем нашим ребятам весело провести свой отдых.

□ □ □

П А Н О П Т И К У М

Львица-акробат! Мировой аттракцион! Это не фотофокус: это подлинный снимок, который удалось сделать известному шведскому охотнику за львами в лесах Южной Африки.

И это не фотофокус. По сложившейся традиции, в Англии отбирают самых высоких и самых низких солдат в барабанщики королевской гвардии. Вот они перед вами — самый высокий и самый низкий барабанщики. Говорят, это когда самый низкий начинает барабанить, то лужи барабанной дроби самого высокого доносятся только через полчаса.

Почему так внимательно смотрит девушка в зеркало обильница, и что эта обильница так уверенно косит глазами?
Посмотрите в зеркало на фотографии, а... часы висят обильницей головы. Левым глазом «обильница» поглядывает минуты, правым — часы.

Каждый зверь спит по-своему. Слоны спят, прислонившись к деревьям, аисты — на одной ноге, поджав другую, коровы — лежа, куры — сидя, лошади — стоя. Но никто не может спать так, как этот забавный зверек — опоссум. Он спит, подвесившись на собственном длинном хвосте.

Как гордо несет этот венценосный журавль свой головной убор!

Кокетливые буржуазные дамы лопаются от зависти, глядя на его пышные перья.

К сожалению, природа их перьями обделила, и они покупают для себя журавлиный убор за деньги. А охотники так старательно угрождают богатым покупателям, что птица эта стала теперь редкостью.

НОСОРОГИ

Перевод с английского и обработка Аллы Макаровой

Охотники любят обсуждать на досуге, кто же из диких зверей опаснее всех. Носорог почти неизменно попадает на одно из первых мест. Но так ли это? У многих ли охотников хватало выдержки посмотреть, что случится, если они не встретят выстрелом вызов носорога?

Конечно, это нелегкая задача.

Ни одно животное джунглей не кажется таким зловещим, как носорог. Нападения льва стремительны и яростны. Буйвол мстителен и ведет себя предательски в борьбе. А носорог — он просто становится невменяемым. Его заостренные уши торчат воинственно, а два рога, возвышающиеся над носом, заставляют поневоле задуматься, как будешь чувствовать себя, когда попадешь на самый длинный и острый из них.

И все же после нескольких месяцев моей охоты в Африке произошел один случай, который изменил мое представление о носороге. С тех пор я уже не стрелял каждый раз, когда носорог, сопя и фыркая, несся в моем направлении.

Однажды на гористых берегах реки Таны носорог застал меня врасплох: он с треском ломился через кусты прямо на меня, а у меня в руках была только фотоаппаратная камера.

Деревьев около меня не было. Залезть было не на что. Бежать от носорога не имело смысла: он бы шутя догнал меня. Единственную свою надежду я возлагал на куст, ветви которого вытягивались с края обрыва над рекой, где кишели крокодилы. Я не знал, выдержит ли этот куст тяжесть моего тела или нет, но выбирать было некогда.

Только восемь метров открытой поляны отделяли меня от носорога. Я бросился к своему кусту. Но вдруг произошло что-то совершенно неожиданное: носорог внезапно остановился, опустил голову и и почти закрыл свои маленькие, как у поросенка, глаза. Казалось, он вот-вот заснет. Мое присутствие он просто не же-

лал замечать. Как раз в этот момент подоспел мой бой-оруженосец и ружьем толкнул меня в спину. За оскорбительное поведение носорога мне следовало бы наказать его, но у меня не хватало духа убить эту огромную осовевшую колоду. Более глупой, более безобидной, более смешной фигуры я никогда в своей жизни не видал.

С ружьем в руках я стал разговаривать с ним, пытаюсь вывести его из состояния дремоты. Но носорог стоял неподвижный и упорно отказывался замечать меня. И только, когда бой моего каравана зашумели в кустах, носорог ринулся в их сторону. Я слышал, как тяжело опускались на землю его громоздкие ноги, как бой бросились врассыпную и полезли на деревья. Носорог же бессмысленно протнесся по просеке, выломанной в кустах его нескладной тушей, и потом исчез в зарослях. Вместо трагедии на моих глазах разыгрался фарс.

Итак, носорог — самый первый обманщик и комедиант среди всех животных африканских джунглей. Он просто вводит в заблуждение своим грозным видом. Когда вы сталкиваетесь с ним достаточно близко, чтобы хорошо разглядеть его, вы убеждаетесь, что это животное — скорее воплощение глупости и тупости чем угрозы и опасности.

Свои выводы я делаю, основываясь не на единичном случае: у меня был целый ряд столкновений с носорогом. И я настаиваю на том, что на самом деле он так же глуп, как слон умен.

Носорог очень близорук, а кроме того два больших рога, торчащие на носу, застилают ему поле зрения. Надо полагать, что он может видеть не дальше пятидесяти—шестидесяти метров, люди на расстоянии уже пятнадцати—двадцати метров, наверное, кажутся ему гуляющими деревьями.

Не удивительно поэтому, что встревоженный и разъяренный носорог не знает,

Черный носорог на своей родине. Редкий и трудный снимок: фотографу удалось подойти почти вплотную к страшному животному и заснять его спереди.

куда броситься. И если ветер не укажет ему, где противник, его нападения обычно переходят в бесцельное проявление злобы. Но когда эта беспредметная ярость находит противника, тогда берется. Носорог в своей свирепости готов сокрушить гору или муравейник, если только он почует неприятный ему запах.

И если предмет этого неорганизованного нападения достаточно велик, тогда носорог попадает в цель.

Один из моих друзей был свидетелем нападения носорога на поезд железной дороги. Поезд остановился на полустанке среди поля. Вдруг пассажиры в панике выскочили на платформу. Оказалось, что носорог в стремительном натиске налетел на один из вагонов. Носорог свалился с ног. Потом собрался с силами, поднялся и побрел, пошатываясь.

В другой раз поезд сошел с рельсов в результате неистовой атаки носорога. Носорог бросился сбоку на мчащийся паровоз. Удар был так силен, что стальной противник носорога сошел с рельсов. Но носорог рухнул на землю, оглушенный ужасным столкновением.

Носорогом может овладеть такой же слепой страх, как и слепо его бесстрашие. Несколько лет назад, лунной ночью, носороги вторглись в лагерь охотников. Люди в страхе ждали нападения. Но один из носорогов сшиб полочку, на которой была расставлена кухонная посуда. И вдруг грохот от падающих тарелок, чашек, сковородок, кастрюль обратил в паническое бегство все страшное стадо.

Шкура носорога слишком велика для него — она как будто болтается на его массивном туловище и собирается складками и морщинами. В этих складках в невероятном количестве водятся паразиты — клещи. Носорога выручают волокли, птицы величиной со скворца. Они выклеивают клещей из-под каждой складки шкуры носорога.

Носорог не мешает им. Птицы помогают ему также выслеживать врага. Когда вдали появляется охотник, зоркие волокли сейчас же поднимаются в воздух и с криками вьются над носорогом, пока не встревожат полусонного гиганта. Носорог тогда бросается искать себе убежища в

зарослях или же нападает на врага — все зависит от направления ветра.

Однажды я наткнулся на носорога, когда он дремал в тени. Как обычно, волокляки сидели у него на спине. Второй носорог медленно брел сюда же. Вдруг, почуввав неприятеля, первое животное бросилось вперед. Второй носорог ринулся навстречу первому. Я уже готовился описать интереснейшее происшествие — столкновение носорогов. Но все кончилось ничем. Примерно в семи метрах друг от друга носороги внезапно остановились. Номер первый побрел обратно к своему дереву к волоклякам и стал снова дремать. Номер второй продолжал свой путь, как будто бы ничего не произошло.

В другой раз три носорога атаковали меня. Я сидел на земле, а ружье лежало так, что я не мог дотронуться до него. Ничего не оставалось делать, как продолжать сидеть и наблюдать, как они приближаются. Все трое пронеслись мимо меня на расстоянии каких-нибудь полутора метров. Носороги, повидимому, остались не менее довольны своим нападением, чем если бы оно кончилось моей гибелью.

Мой друг Редклиф Дугмор, исследователь и большой поклонник Африки, рассказывает подобный же случай.

Он увидел носорогов на гребне невысокого холма. Их было трое: прекрасный самец, самка и детеныш. Темносерые фигуры животных вырисовывались резким рельефом над золотистожелтым ковром травы.

«С крайней осторожностью, — говорит Дугмор, — мы подходили все ближе и ближе. Кроме киноаппарата у меня не было другого оружия в руках потому что мне не хотелось убивать, хотя бы и для самозащиты. Однако, глядя на огромных животных, я невольно почувствовал сомнение, не опрометчиво ли я поступаю. Я ничего не имел бы против одного носорога. Но три сразу!..

Когда мы подошли на расстояние ста метров, ветер слегка подул в их сторону. Старый самец продолжал стоять неподвижно как изваяние, но самка начала проявлять тревогу. У молодых носорогов зрение лучше чем у старых, и несущаяный малыш усталился на нас, видно, ссылаясь понять: кто бы это мог быть? Но скоро ему надоело разглядывать, и он спокойно улегся на землю. Мы продолжали приближаться. Наконец, самка с де-

тенью сильно встревожилась. Они уморительно закружились на месте, высоко подняв хвост. К счастью, ветер переменял направление. Малыш вдруг вспомнил, что он давно уже не ел, и стал сосать мать».

Чтобы расшевелить животных, Дугмор попросил своего товарища де Юрьюна выстрелить в землю. Услышав треск выстрела, носороги стали метаться по одному месту и вдруг бросились прямо навстречу исследователям. Дугмор продолжал крутить аппарат и снял прекрасный фильм. Внезапно три неистовых зверя повернули, неизвестно, по какой причине. «Я увидел, — рассказывает Дугмор, — великолепную картину носорогов, мчавшихся во весь опор через гребень холма».

В Африке два вида носорогов: черный носорог, о котором я рассказывал, и брат его, очень редкий белый носорог. В отличие от черного носорога, у которого верхняя губа вытянута, чтобы животное могло щипать листья с кустов, у белого носорога рот прямой, приспособленный для пастьбы на траве. В прежние времена белых носорогов водилось довольно много в Южной Африке, но теперь они там вымерли, и только в стране Зулу, по последним сведениям, осталось двенадцать белых носорогов, которые тщательно оберегаются. Белые носороги встречаются еще в Британской Уганде, к северу от озера Виктория Нианца, и очень немного в Бельгийском Конго.

Идет ли белый носорог или бежит, он всегда опускает голову очень низко, так что его нос почти касается земли. Подобно слонам, он пасется ночью или в прохладные часы раннего утра и вечера. Покойный охотник Куртенэ Селус рассказывал, что когда самка белого носорога бредет вместе со своим детенышем, маленький носорог идет впереди матери, а она касается кончиком своего рога его крупа. Они неизменно сохраняют то же положение, если даже самка ускоряет шаг и переходит в галоп.

Рога носорога не укреплены на черепе, как это бывает у большинства животных: его рога это просто наросты на коже. Рекордный размер рогов у черного носорога — 1 метр 34 сантиметра, а у белого — 1 метр 56 сантиметров; обычно же рога у черного носорога не выше 50 сантиметров, а у белого — 75 сантиметров.

Носороги начинают свою бродячую жизнь очень рано. Однажды под вечер после утомительных скитаний по берегам реки Таны я сидел в складном кресле около своей палатки и полудремал. Вдруг я услышал дикий поросячий визг. Звуки доносились все пронзительнее и пронзительнее, и скоро показались несколько туземцев, которые несли длинный шест. На середине шеста висела какая-то черная масса, бешено дергавшаяся и визжавшая. Это был живой маленький носорог. Когда его поймали в зарослях, мать, которая паслась где-то недалеко, в ярости бросилась на туземцев. В нее выстрелили. Хотя пуля задела самку слегка, этого было достаточно, чтобы заставить ее повернуть обратно и скрыться в чаще джунглей.

Непokoрный детеныш доставил нам много хлопот. Мы смастерили для него соску, наполнили бутылку молоком и по очереди предлагали ему кушать. Но пленник в неистовстве набрасывался на каждого, кто пытался подойти к нему. Когда же вблизи не было никого, на кого бы он мог напасть, он с фырканьем и визгом бросался на дерево, к которому был привязан.

Однако через некоторое время он стал приветливее и, в конце концов, совсем кротким и ручным.

Я с удовольствием вспоминаю и другого маленького носорога. Мы продвигались по равнине, покрытой травой с человеческого рост. Я был вожаком и руками раздвигал траву, чтобы освободить тропу для боев-носильщиков, шедших сзади. Скоро мы очутились перед оврагом. Посредине оврага в траве лежал огромный булыжник. Но камень зашеве-

лился, когда я уже готов был прыгнуть на него. Я отшатнулся назад. Потом, думая, что это мне померещилось, я осторожно раздвинул густую траву и увидел, что это был маленький носорог. Он спокойно побрел по дну оврага. А на расстоянии пятнадцати метров, там, где кончался овраг, скоро появилась и мать маленького носорога. Она фыркала, скребла землю ногами и так напугала наших боев, что они стали карабкаться на деревья. Но скоро самка подтолкнула детеныша вперед, и они умчались галопом.

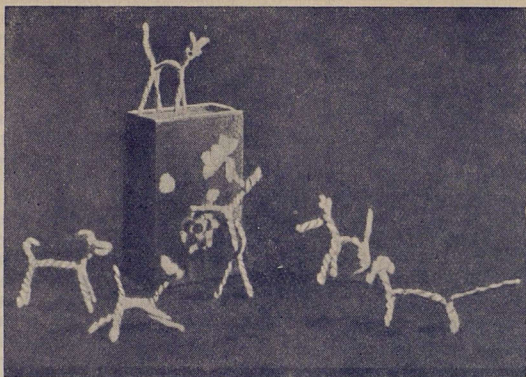
Носорог нападает внезапно, и очень трудно подойти к нему так близко, чтобы сделать снимок. Однажды я решил соорудить приманку для носорога. При помощи стальных трубок, проволоки и холста я смастерил очень удачного, но безобидного носорога. Для того чтобы это чучело двигалось, требовалось, чтобы два человека влезли внутрь него: один — в задние ноги, другой — в передние. Человек, который помещался впереди, мог снимать камерой, помещенной в голове фальшивого носорога. Самое трудное было подражать походке этого животного. Если бы мое чучело двинулось так, как ходят люди, оно выдало бы себя. В конце концов при помощи пружин, которые я пристроил в ногах на месте суставов, мне удалось довольно хорошо воспроизвести походку носорога.

Но мне так и не пришлось испытать свое изобретение. Не удалось найти местного жителя, который согласился бы изображать задние ноги носорога (передние я собирался изображать сам).

Мой носорог остался лежать в Нэй-роби, на складе фирмы, поставлявшей снаряжение экспедиции.

У спичечной коробки собралась целая стая самодельных собак.

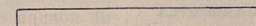
Фигуры из бумаги

Из гофрированной бумаги креп (из которой делают абажуры) можно изготовлять интересные фигуры людей и животных. Для изготовления фигур гофрированная бумага разрезается на полоски шириною 25 миллиметров и длину примерно 28 сантиметров. Полоски режутся параллельно направлению складок бумаги.

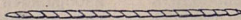
Когда полоска бумаги отрезана, возьмите ее между большим и указательным пальцами правой руки и скручивайте возможно туже, образуя таким образом длинную тонкую веревочку из бумаги. Уго скрученную полоску перегните в середине и начните вновь скручивать обе половины как можно туже.

После скручивания у вас получится бумажный жгут двойной толщины.

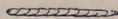
На расстоянии примерно 20 миллиметров от «петли» (которая была раньше серединой обычного скрученного бумажного жгута) раскрутите слегка обе скрученные половины жгута и образуйте из них два боковых ответвления длиной каждое примерно 6 миллимет-

Полоска креповой бумаги размером 25 миллиметров на 28 сантиметров.

Эта же полоска, скрученная один раз.

Теперь ее перегните и скрутите второй раз.

Начинайте отгибать части тела собаки.

Эти два ответвления будут стремиться сами закручиваться. Этому надо немного помочь, закрутив их, и они будут изображать собою уши собаки.

Еще дальше, примерно на расстоянии 13 миллиметров от ушей собаки, вновь раскрутите стержень и вытяните из него более длинные ответвления для передних ног собаки. На расстоянии 25 миллиметров от передних ног такой же длины. За задними ногами останется короткий кусок жгута для хвоста, который образуется из двух скрученных свободных концов.

Когда бумажный жгут принял такой вид; можно начать изгибать его, чтобы получилась фигура собаки. Отогните уши вверх, установите шею под надлежащим углом, отогните ноги книзу, закрутите хвост вверх.

Фигура кошки делается почти точно так же. На свободном скрученном конце жгута (который служил ранее хвостом собаки) завязывается узел. Это будет голова кошки. Два оставшиеся свободными конца

Туловище собаки готово.

расправляются и образуют уши. Остальной процесс изготовления фигуры кошки такой же, как и собаки.

Фигура человека изготов-

ляется таким же образом. Ушей делать не надо. Конец бумажного жгута распускается на две части и образует ноги. Женским фигурам надевают маленькую треугольную юбочку из той же бумаги креп.

Мужские и женские фигуры можно заставить стоять. Для этого в руку мужской фигуре вставляют палку, а женской — зонтик. Это дает три точки опоры, и фигуры хорошо стоят.

Фигуры можно укрепить каплями клея на кусочках картона. На фотографиях показаны

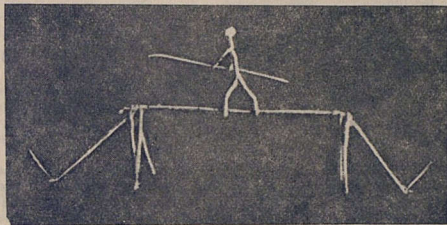

Теперь изогните его и получите вот такую собаку.

образцы фигур, а внизу изображен канатоходец на канате.

Канат из бумаги опирается на две стойки из спичек.

На рисунке показан весь несложный процесс изготовления фигуры собаки из жатой бумаги.

Можете сделать и канатоходца на канате.

„Рентгеновский ящик“

В ленинградском Доме занимательной науки посетителей очень поражает один прибор — «рентгеновский ящик». Это ящик, в который вставляется какой-либо непрозрачный предмет: книга, кусок доски или картона и т. п. Если вы заглянете в отверстие ящика, вам покажется, что вы смотрите сквозь непрозрачную преграду и видите все, что делается за ней.

Такой «рентгеновский ящик» очень просто сделать каждому из вас. Прибор построен на принципе перископа, и на самом деле лучи при помощи зеркал попросту обводятся вокруг непрозрачного предмета.

Для его изготовления требуется ящик из дерева или фанеры с крышкой. Размеры ящика не играют особой роли, так как этот прибор может быть построен самых различных размеров.

Затем потребуются четыре

куска хорошего зеркала. Размеры этих зеркал будут зависеть от размеров ящика. Лучше выбирать хорошие зеркала, ибо от качества зеркал будет зависеть качество получаемого изображения. Плохие зеркала дадут искажение изображения.

Если у вас имеется подходящий ящик, то снимите с него одну боковую сторону. Все соединения и щели надо закрыть и сделать их по возможности светонепроницаемыми. Разделите ящик по длине его на три равные части. Выпилите среднюю часть до половины глубины ящика (смотри чертёж). Укрепите на место дощечки, образующие боковые стороны и дно центральной части. Через каждую конечную сторону ящика просверлите два отверстия. Расстояние между отверстиями должно равняться расстоянию между человеческими глазами. Точно такие же два отверстия просверлите в каждой из бо-

вых сторон центрального углубления.

Необходимо, чтобы четыре левых отверстия и четыре правых отверстия находились точно на одной линии. Внутренность ящика прибора должна быть тщательно выкрашена черной матовой краской.

Вырежьте алмазом четыре куска зеркала или поручите сделать это стекольщику. Куски эти должны быть прямоугольными, и длина каждого куска должна быть равна внутренней ширине ящика. Вставьте зеркала в углы ящика под углом точно в 45 градусов.

Укрепление зеркал можно произвести либо гвоздиками либо гвоздиками со вспомогательными деревянными планками.

Все четыре зеркала должны быть так установлены своими отражающими поверхностями, чтобы это соответствовало хо-

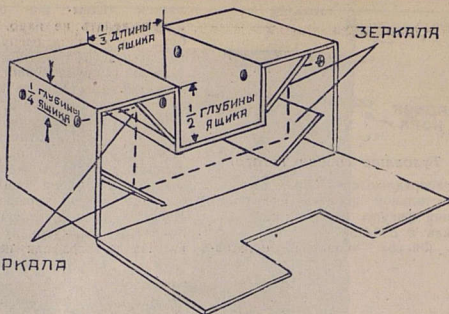

ду лучей, показанному на чертеже пунктирной линией.

В боковой, временно снятой стороне ящика выпилите прямоугольный кусок, соответствующий вырезанной части ящика, прикрепите к ней петли и поставьте ее на место так, чтобы она могла откидываться, как показано на чертеже.

Если зеркала установлены под правильным углом, то линия зрения не будет проходить через отверстия в средней части прибора, а будет идти, как указано пунктирной линией чертежа.

Любой предмет, поставленный в углублении средней части прибора, не будет мешать рассматриванию через прибор. Смотрящему через отверстие будет казаться, что предмет, поставленный в углублении прибора, прозрачен и он смотрит сквозь него.

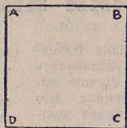
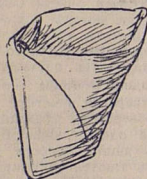
МОЕ ДОПОЛНЕНИЕ

Я прочел во втором номере «Пионера» устройство вечного блокнота Гаспарьяна. Его устройство очень сложно. Я предлагаю вниманию ребят вечный блокнот более простого устройства.

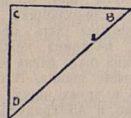
Берется пленка от рентгеновского снимка, промывается и обрабатывается стекляннной бумагой № 1 или № 2; пленка депадается матовой. Теперь на ней можно писать карандашом, который легко стирается резинкой. Этой пленкой можно переводить рисунки; наложив пленку рисунком вниз на чистую бумагу и надавливая ногтем или острой палочкой по пленке по контуру рисунка, получают на бумаге отпечаток рисунка.

А. КАПУСТИН (Москва).

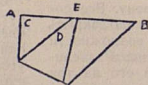
Как делается из бумаги стакан для воды

1.

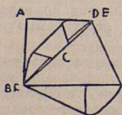

2.

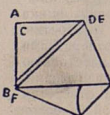

4.

3.

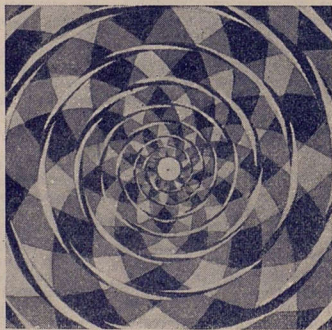

5.

6.

Обман зрения

Вам кажется, что на этом рисунке изображена спиральная линия. Возьмите карандаш и попробуйте обвести им эти спирали.

Задачи, загадки, игры и фокусы

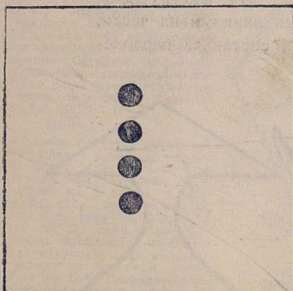
КАКИЕ ЭТО СЛОВА

(Прислана Борей Васильевым, Москва)

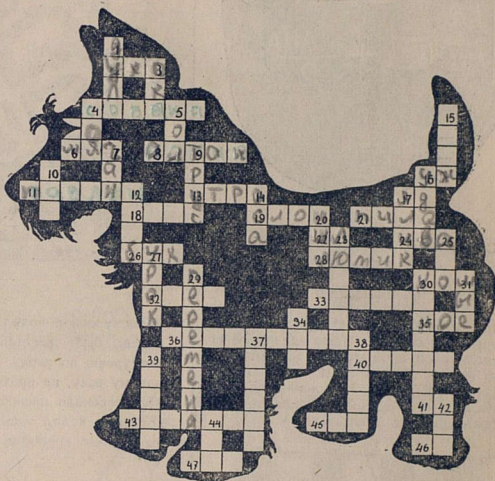
Какие слова можно читать в обычном и обратном порядке и получить следующие названия:

- 1) а) порода деревьев, в) геометрическое тело;
- 2) а) период времени, в) порода собак;
- 3) а) место ремонта судов, в) сборник сигналов;
- 4) а) жилище, в) название корабля, на котором путешествовал Амундсен;
- 5) а) футбольный термин, в) извозчик в Англии;
- 6) а) английский утопист, в) напиток;
- 7) а) невольник, в) ресторан;
- 8) а) произведение Гоголя, в) поэма Шевченко;
- 9) а) река в СССР, в) женское имя.

Попробуйте разделить

Разделите этот квадрат на 4 одинаковых части, чтобы в каждой части остался один кружок.

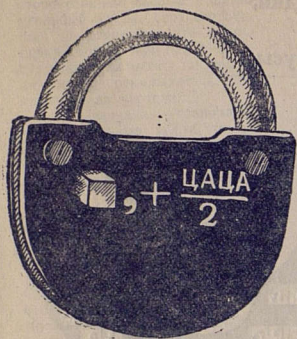
КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Часть головы. 4. Домашнее животное. 6. Игрушка. 8. Горный хребет в Азии. 11. Птица. 13. Часть суток. 16. Неядовитая змея. 17. Отравы. 18. Цветок. 19. Животное. 21. Столярный инструмент. 22. Осадок на дне рек и озер. 24. Дерево. 26. Хвойное дерево. 28. Цветок. 30. Бесформенный кусок мягкого вещества. 32. Геометрическая фигура. 33. Прозрачный сплав. 35. Часть лица. 36. Местность на Дальнем Востоке. 40. Курорт на берегу Черного моря. 41. Овраг. 43. Сосуд. 45. Изгородь. 46. Растительность на лице. 47. Остров Малайского архипелага.

По вертикали: 1. Часть ружья. 3. Приток Волги. 4. Бобовое растение. 5. Заостренная палка. 7. Посуда. 9. Боязливый человек. 10. Лекарство. 12. Птица. 14. Насекомое. 15. Морское животное. 16. Змея. 17. Лодка. 20. Река в Египте. 23. Висячая лампа с украшением. 25. Город в Финляндии. 27. Час занятий, задание. 29. Перерыв в занятиях. 30. Растение. 31. Часть суши, вдающаяся в море. 34. Старое название острова Чкалова. 37. Лодка для перевозки тяжестей. 38. Оружие. 39. Металл. 42. Растение. 44. Хищное животное.

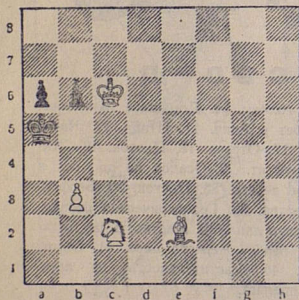

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО ?

СЛУЧАЙ С УЧАСТНИКОМ КОНКУРСА

С участником нашего конкурса решений шахматных задач и этюдов Р. Михневым (Киев) произошел интересный случай. Решая задачу № 11 английской шахматистки В. Берд (см. «Пионер» № 2, стр. 127), он по рассеянности поставил слона на поле e2 вместо f3. Получилась позиция, изображенная на диаграмме:

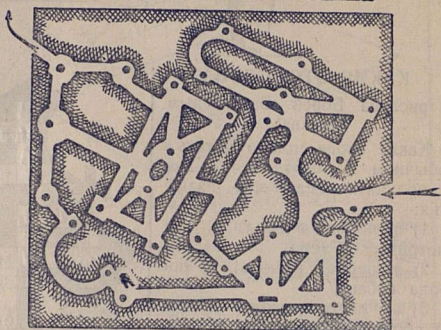
Белые: Крc6; Се2; Кс2; пешка в3(4).

Черные: Краб; пешки а6 и в6(3).

(Белые начинают и дают мат в четыре хода).

Казалось бы, особой беды в такой перестановке нет. На самом же деле задача получила добавочный вариант, которым Михнев и решил задачу. Найдите этот вариант.

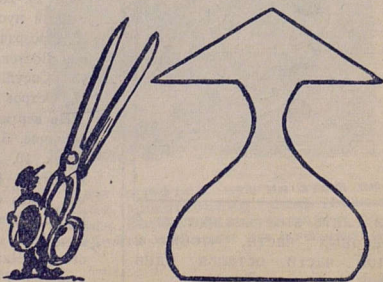
ПРОГУЛКА ПО ПАРКУ

Экскурсовод водил экскурсантов по старому парку. На его аллеях было расставлено 30 статуй. Экскурсовод проводил экскурсию по парку так, что они бывали у каждой статуи по одному разу, не проходили два раза по одному месту и нигде не пересекали прежнего пути. Попробуйте найти тот путь, по которому ходил экскурсовод. На плане парка статуи показаны черным кружком.

КАК РАЗРЕЗАТЬ

Разрежьте эту фигуру двумя прямыми линиями на части, из которых составьте параллелограм.

РАССТАВЬТЕ БУКВЫ

(Прислано Б. Пульвером,
Москва)

Расставьте эти буквы в клетках так, чтобы при чтении слева направо и сверху вниз получилось шесть слов.

ДЕД, ОТЕЦ и ВНУК

Сумма лет внука, отца и деда равна 120. Но лета каждого будут одинаковы, если вы у деда отнимете лета внука, а возраст внука удвоите. Сколько лет внуку, отцу и деду?

Ответы на задачи №№ 4 и 5

ЧЕТЫРЕ ГИРИ

1 килограмм можно взвесить двойко: или гирей в 1 килограмм, или разностью гирь в 3 и 2 килограмма. Беря 2 и 3 килограмма, получим следующие веса: 1, 2, 3 и 5, но не будет веса 4 килограмма. Следовательно, гири в 2 и 3 килограмма не подходят. Значит, 1 килограмм надо взвесить гирей в 1 килограмм.

Следующую гирю в 2 килограмма; тогда получим веса в 1, 2 и 3 килограмма. Беря две гири в 3 килограмма, получим 1, 2, 3 и 4 килограмма. При гире же в 4 килограмма будем иметь 1, 3, 4 и 5 килограммов, но без 2 килограммов. Следовательно, второй гирей должна быть гиря в 3 килограмма.

Третью гирю надо брать такой, чтобы следующий вес в 5 килограммов можно получить как разность между некоторой гирей и суммой имеющихся гирь: $1+3=4$ килограмма. Такой гирей будет $5+4=9$ килограммов. Действительно, тогда мы получим веса в 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13 килограммов.

Четвертой гирей мы должны получить вес в 14 килограммов, как разность между некоторой гирей и суммой имеющихся гирь, т. е. $9+3+1=13$ килограммов. Следовательно, четвертой гирей будет $14+13=27$ килограммов. О этой гирей получим все веса от 1 до 40 килограммов и 40 килограммов получим как сумму $1+3+9+27=40$ килограммов. Обратите внимание, что получается определенное соотношение гирь с геометрическим отношением, равным 3. Действительно, $1:3:9:27$.

ПОЧТАЛЫОН

Будем вести расчеты по порядку перечислений домов почталыоном. В одном доме он поднимался на 4-й этаж, следовательно, поднимаясь вверх на 3 этажа, в другом — на 3-й этаж, поднимаясь на 2 этажа, в третьем — на 2-й, поднимаясь на 2 этажа. Всего по этим домам он поднимался на 6 этажей. В следующем доме почталыон поднимался на 2-й этаж, потом на 3-й и на 5-й. Следовательно, поднимаясь он вверх на 4 этажа. В двух других домах он поднимался на 3-й и потом на 4-й этажи. Поднимаясь вверх на 5 этажей. В последнем доме он поднимался на 3 этажа, спустился на 2 и снова поднимался еще на 3 этажа, всего на 6 этажей. Таким образом по

всему переулку почталыон поднялся на $6+4+5+6=21$ этаж, или на 84 метра.

СТАКАН — ЧЕРТЕЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ

Для того чтобы восстановить перпендикуляр к прямой, надо опрокинуть стакан кверху дном и, установив его так, чтобы он касался прямой, обвести карандашом. Передвинув затем стакан направо или влево примерно на половину диаметра и опять-таки установив его так, чтобы он касался прямой, еще раз обвести его карандашом. Соединив точки пересечения и прямою, получим перпендикуляр (рисунок 1).

На рисунке 2 показано, как начертить равнобедренный треугольник; на рисунке 3 — ромб и на рисунке 4 — правильный шестиугольник.

Рис 1

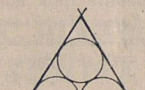

Рис 2

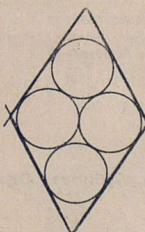

Рис 3

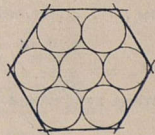

Рис 4

Какая это поговорка

1—9 Синол, 1—10 Старт, 2—10 Совет, 2—11 Слово, 3—11 Серго, 3—12 Смена, 4—12 Финшка, 4—13 Фронт, 5—13 Капот, 5—14 Кукла, 6—14 Фраза, 6—15 Фарог, 7—15 Спорт, 7—16 Сируг, 8—16 Плинт.

Пословица: «На воре шапка горит».

ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО

Надо перегнать надпись пополам так, чтобы знаки наложились друг на друга, и тогда можно прочесть на свет: «Северный полюс».

Задача из старинной книги.

12 зайцев и 18 кур.
КАКИЕ ЗНАКИ
123 — 45 — 67 + 89 = 100

КРОССВОРД

ОТВЕТЫ ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Актер, 4. Бра, 6. Атака, 9. Юра, 10. Раб, 11. Кенар, 12. Зак, 14. Берет, 15. Ата, 16. Носок, 19. Талон, 22. Лампа, 25. Парад, 28. Злато, 31. Атакама, 33. Актив, 34. Ров, 35. Карта, 36. Имандра, 37. Отряд, 38. Лиана.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Аркап, 2. Туник, 3. Руба, 4. Баял, 5. Арка, 6. Аббат, 7. Арвал, 8. Антон, 13. Атом, 17. Ока, 18. Оса, 20. Аул, 21. Ост, 23. Апарат, 24. Правда, 25. Плато, 26. Ротор, 27. Давид, 28. Закал, 29. Аорта, 30. Осака, 32. Кон.

НА НЕФТЕСКЛАДЕ.

Из большого бака наполняем маленький бак, а из него перекачиваем керосин в средний. Повторяем эту операцию еще раз. В среднем баке стало 48 тонн керосина. Наполняем еще раз из большого бака маленький и будем опять перекачивать из него в средний. Но в него входит 54 тонны, а 48 уже есть. Стало быть, нам удастся перекачать всего 6 тонн, а 18 тонн останется. Остальное престо. Перекачиваем керосин из среднего бака в большой, а затем — из маленького в средний. И, наконец, еще раз наполняем из большого бака маленький и из него перекачиваем в средний. Теперь в большом и в среднем баке по 42 тонны.

НАЙДИТЕ ХОРОШИЕ ХОДЫ

К диаграмме № 1. Эйне сыграл тут 18... Ке6 — d4!, и оба слона спасены. Если 19. Лd5: e5, то Кd4 — h2 и черные выигрывают качество.

К диаграмме № 2. Алехин предложил играть 26. Фh4 — h8 +!! Кf8-h8 27. Кg5: f7 + и затем Кf7: e5, после чего, имея две лишние пешки, он должен был бы выигрывать. Эйне должен был на ход Алехина 26... Сc1 — b2 сыграть хотя бы Сe7 — d6, после чего играть Фh4 — h8 + уже нельзя, так как теряется конь.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Амфора — Рассказ И. Василенко. Рис. Ю. Кискачи	3
Находка — Стихи С. Михалкова	16
Выставка „20 лет РККА и Военно-Морского Флота“	17
Секрет академика Лысенко — В. Сафонов	24
Бразильское лето — Рассказ Л. Ленча. Рис. Н. Радлова	36
Мы из Игарки	39
Сказка про двух колдунов — Стихи Ирины Петровой. Рис. Ю. Кискачи	52
Пулемет — М. Занецин	55
Сказка о славном Дюро Рашовиче — Радуде Стийенский. Перевод с сербского М. Алигер. Рис. Ю. Кискачи	61
„Компас“ — Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 21:	
Как узнать историю реки — М. Дурденевская	72
Задание членам общества „Компас“	78
Звериные встречи	79
В совете общества	80
Фотографии, присланные членами „Компаса“	81
Фонд Географического общества	82
Как правильно?	83
Ги де Мопассан	85
Пьеро — Рассказ Ги де Мопассана	87
Два приятеля — Рассказ Ги де Мопассана	90
Четвероногие артисты — Н. Бернштейн	95
Затерянные миры — А. Морозов	99
Чем заняться? — Советы редакции	103
ПОЧТА:	
Как подружились ребята трех концов. Письмо Нюры Сычевой, Тоси Лучиной. Клани Абрамовой и Клани Михайловой	108
Экскурсия по двору — Лева Чернышев	110
Шумовой оркестр — Валя Григорьева	111
Бой	112
Что случилось во дворе	113
Открытие садика — Изара Гершенович	114
Про наших ребят — Письмо матери	115
Паноптикум	116
Носороги — Карл Экли. Перевод и обработка Аллы Макаровой	118
Самodelки	122
Задачи, загадки, игры и фокусы	125

На обложке картина художника А. Бубнова „Пионеры-джигиты“

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 822, тел. Д 3-30-73

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР	Отв. секретарь В. Поддубная	Худ. редактор М. Аскинази
Зам. редактора В. Фраерман		
Сдан в набор 29/VI — 38 г.	Подписано к печати 17/VIII — 38 г.	Изд. № 775

Уполномоченный Главлита № Б — 50828 82×110¹/₁₆ бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе 16 п. л.
 Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24, Заказ № 1569. Тираж 86.500

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА РЕШЕНИИ ШАХМАТНЫХ ЗАДАЧ

В конкурсе приняло участие 1132 человека. Печатаемая в № 2 журнала вторую серию задач, редакция с целью усложнения не указала, во сколько ходов они решаются. Несмотря на это по давлению большинства участников правильно решено все задачи и этюды. Это говорит о высоком уровне юных шахматистов.

При установлении победителей редакция руководствовалась вторым пунктом условий конкурса, в котором сказано:

«При решении надо указывать все возможные способы»

Первое и второе места поделили Миша Брускин и Ж. Либерзон (Москва), решившие все задачи и этюды во всех возможных вариантах.

Третье место заняла Марина Греппи (Москва). Она тоже решила все задачи и этюды во всех вариантах, но в задаче № 4, в варианте 1. . . . Сс1—b2 допустила ошибку, сыграв 2.Фb5—d3, после чего мата нет, так как король черных уходит на b3.

Четвертое, пятое и шестое места поделили Наум Лимант (Новосибирск), Вадим Закошанский и Олег Крылов (Москва). Они не заметили в задаче № 6, что после 1. . . . Крf7—f6 белые могут взять слона, а после 1. . . . Крf7—f8(g8) — ладью. Остальные задачи и этюды решены ими во всех вариантах.

Победителям конкурса редакция высылает призы.

РЕШЕНИЯ КОНКУРСНЫХ ШАХМАТНЫХ ЗАДАЧ И ЭТЮДОВ, НАПЕЧАТАННЫХ В №№ 1 и 2

Задача № 1

1. Крe4—f5! Крd6: d5
2. Фg4—d1×
1. . . . Крd6—d7
2. Крf5—e6×

Задача № 2

1. Фh2—a2 Крg5—g6 (Ch5—g4)
2. Фа2—g8×
1. . . . Крg5—g4 (Ch5—g6)
2. Фа2—g2×

Задача № 3

1. Фh4—g4! Крf7: e8 (Ch8—f6)
2. Фg4—g8×
1. . . . Крf7—f6
2. Лe8—f8!×
1. . . . Oh8—g7
2. Фg4—e6×

Задача № 4

1. Лd6—d1! Кр2: d1
2. Фb5—e2×
1. . . . Сс1—b2
2. Фb5—a4×
1. . . . O
2. Фb5—b1×

Задача № 5

1. Сс1—d2 Крe3—e4 (d4, e4)
2. Фb7: d5×
1. . . . Крe3—e2
2. Cf7—g6×
1. . . . d5—d4
2. Фb7—b1×

Задача № 6

1. Фе5—e7 Крf7—f6
2. d7—d8×
1. . . . Крf7—f8 (g8)

2. d7—d8Л×
1. . . . Кр O
2. d7—d8Ф×

Задача № 7

1. Фg4—g7 Крf1—e2
2. Фg7—d4 Крe2—f3
3. Фd4—e4×
2. . . . Крe2—f1
3. Фd4—f2×

Этюд № 8

1. Сb2—c1 Лd2—f2+ (Если 1. . . . Лf4+, то 2. Сe4 и белые легко выигрывают).
2. Крf4—g3! Лf2—f1 (Опять две фигуры белых под боем).
3. Сe1—f4+! Лf1: f4 (Если теперь 4. Кр: f4, то ничья)
4. Сg6—d3!! выигрывающая следующим ходом ладью, а следовательно и партию.
- (Например: 4. . . . Лb4 или Лf6, 5. Кd5+или 4. . . . Лd4, 5. Кb5+).

Задача № 9

1. g7—g8Л! Крe7—e6
2. Лg8—e8+ Крe6—d6!
3. Крe3—f4 Крd5—d4.
4. Лe8—d8×
1. . . . Крe6—f5
3. Крe3—d4 Крf5—f4
4. Лe8—f8×

Задача № 10

1. Фg1—e1! Ch7: b1
2. Фе1—d1 Кра1—a2
3. Фd1—a4×

1. . . . Сс1—b2
3. Фе1—a5×

1. . . . Сс2+ b2—b1Ф
3. Фе1: b1×

(Нельзя играть сразу 1. Фd1—за 1. . . . Сс21, так как после 2. O: c2, Кра2 ферзь перекрывает собственным слоном. Не проходит и 1. Крd2—за 1. . . . Сd3! и мата по третьему ходу нет).

Задача № 11

1. Oг3—d1 b6—b5
2. Крe6—e5 b5—b4.
3. Кс2—a3!! b4: a3
4. b3—b4×

Этюд № 12

1. b4—b5! (если 1. К: a5; a5: b4, то ничья)
1. . . . Сa4: b5 (Если 1. . . . Сa4—b3 или e2, то 2. b5—b6 и выигрывают).
2. Кс3: b5 Сg7—h6! (После 2. . . . Cf8, 3. Сb6 черные сразу проигрывают. Плохо и 2. . . . f5, так как после 3. Сс7 и Сb8 у черных нет защиты).
3. Сd6—e7 Ch6—e3
4. Сс7—b8 Сс3—b6
5. Сb8—a7!! Ob6: a7
6. Кb5—c7×

Цена 1 руб. 50 коп.